

Д. И. ВЕБЕР, А. И. ФИЛЮШКИН

ОТ ОРДЕНА ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ИМЯ...

СУДЬБА И СМЕРТЬ НЕМЕЦКИХ
РЫЦАРЕЙ В ПРИБАЛТИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Д. И. ВЕБЕР, А. И. ФИЛЮШКИН

«ОТ ОРДЕНА ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ИМЯ...»

**СУДЬБА И СМЕРТЬ НЕМЕЦКИХ
РЫЦАРЕЙ В ПРИБАЛТИКЕ**

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2018

УДК 94(100)“653”

ББК 63.3(0)4

B26

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэров,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Н. Ангерманн*,
доктор исторических наук, профессор *М. Б. Бессуднова*

Вебер Д. И., Филюшкин А. И. «От ордена осталось только имя...». Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. — СПб.: Наука, 2018. — 247 с.

ISBN 978-5-02-039680-7

350 лет, с XIII по середину XVI в., над Прибалтикой господствовал Немецкий (Тевтонский) орден. Три столетия прошли в войнах с Польшей, Великим княжеством Литовским, Новгородом, Псковом. В XVI в. наступает роковое время для германского рыцарства: в 1525 г. под натиском Польши пала старшая, прусская ветвь ордена. Вместо равных по силе Новгородской и Псковской республик новым врагом младшей, ливонской ветви Немецкого ордена оказывается могучее, объединенное Российское государство. Начиная отсчет последних дней государства северных крестоносцев. В книге рассказывается о судьбе Ливонии в XIV—середине XVI в., истории ее расцвета и гибели в 1561—1562 гг.

© Вебер Д. И., Филюшкин А. И., 2018
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2018
© Палей П., оформление, 2018

ISBN 978-5-02-039680-7

ВВЕДЕНИЕ

Недалеко от северной границы Латвии, над рекой Рикандой, на окраине латышского городка Эргеме, высятся развалины замка Эрмес. И весной, и летом они буквально утопают в море белых, желтых, синих полевых цветов, бушующем вокруг темных стен из мрачных гранитных валунов. Кажется, сама природа пытается возложить эти цветы к подножью башен, молча взирающих на мир огромными черными глазницами мертвых бойниц.

Именно сюда, в замок Эрмес, 2 августа 1560 г. привезли тела рыцарей Немецкого ордена в Ливонии (более известного читателям как Ливонский), павших недалеко от крепости в бою с превосходящим русским отрядом. Считается, что в сражении погибло командование ордена. Остальные, в том числе и последний магистр ордена Готтхард Кетлер, к тому времени усиленно искали, под чье бы покровительство перейти. Кетлер вскоре сдаст Ливонию польской короне и за это получит титул герцога Курляндского. Многие же его товарищи полегли под Эрмесом.

Таким образом, мы сегодня можем побывать в том месте, где была поставлена точка в прибалтийской истории Немецкого ордена. Замок стоит большим посмертным памятником рыцарям. Иного монумента потомки им так и не поставили. А как начиналась эта история? Каким образом Немецкий орден, основанный в Палестине во время крестовых походов, оказался на другом конце Земного шара? Какова была

Крепость Эрмес.

его роль в истории Прибалтики, русских земель, балтийского мира в целом? Мы написали данную книгу, чтобы попытаться ответить на эти вопросы.

Историографическую судьбу Ливонского ордена можно отнести к разряду парадоксов. Упоминания об этой духовно-рыцарской организации в научной литературе встречаются довольно часто. Однако его корпоративное устройство, особенности развития ливонского орденского государства, обладавшего своеобразными правовыми и хозяйственно-административными структурами, орденские социокультурные традиции, многоплановость взаимоотношений с ливонскими сословиями и ландесгеррами и множество других проблем в настоящее время находятся на начальной стадии изучения. Научная разработка всего спектра орденской проблематики еще ждет своего часа. Авторы настоящей книги обращаются к двум основным сюжетам из истории Ливонского ордена:

1) орден как важнейший элемент ливонской социально-политической и государственной модели;

2) орден как фигурант международных отношений в Балтийском регионе XIII—XVI вв.

Изучение этих аспектов помогает приблизиться к пониманию причин проблемы крушения Немецкого ордена и его государства в годы Ливонской войны 1558—1561 гг. Из этих соображений авторы большую часть повествования посвящают последним страницам истории ордена, а именно эпохе Реформации, предыстории и началу войн за Прибалтику во второй половине XVI в.

Исследования, положенные в основу настоящей работы, были бы невозможны без благожелательной поддержки коллег и организаций. В разные годы изыскания авторов книги в области ливонской истории были поддержаны германским фондом Gerda-Henkel Stiftung (проект № AZ 08/SR/04), грантами РГНФ (проекты 09-01-95105а/Э, 11-01-00462а и 15-21-01003а(м)), грантом Санкт-Петербургского государственного университета (№ 5.38.62.2011).

Мы выражаем искреннюю признательность этим научным фондам, а также Санкт-Петербургскому государственному университету, Университету Тарту (Эстония), Латвийскому Национальному университету (Рига, Латвия) и университету Грайфсвальда (Германия). Кроме того, хотелось бы поблагодарить коллег за их советы и замечания в процессе исследования: проф. Марину Борисовну Бессуднову, проф. Норберта Ангерманна, проф. Анти Селарта, проф. Илгварса Мисанса, доктора Тильмана Плата, доктора Себастиана Кубона, доктора Юхана Крема, доктора Мадиса Масинга, сотрудника Свободного Университета Берлина Александра Баранова, а также сотрудника архива Грайфсвальда Уве Мальца.

Авторы книги — историки из Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук Д. И. Вебер и доктор исторических наук А. И. Филюшкин. Д. И. Вебером написана четвертая глава, А. И. Филюшкиным — третья и пятая главы. В соавторстве написаны введе-

ние, заключение, главы первая (Д. И. Вебер — параграфы «Возникновение Немецкого ордена», «От Трансильвании до Пруссии. Как орден искал свое место под солнцем», «Создание Ливонии», А. И. Филюшкин — параграф «Походы против последних язычников. Пруссия и Ливония против Литвы»), вторая (А. И. Филюшкин — параграфы «Ливония: балтийский или германский мир?», «Что такое „страна Ливония“?», «Ливония — страна замков и городов», Д. И. Вебер — параграфы «Кто такие ландесгерры?», «Ливонское рыцарство», «Города и бюргерство»), шестая (Д. И. Вебером — параграф «Конец — это начало чего-то: во что превратился Ливонский орден?», А. И. Филюшкиным — все остальные параграфы шестой главы).

Санкт-Петербург—Петергоф, 2017

ОТКУДА В ПРИБАЛТИКЕ ВЗЯЛИСЬ КРЕСТОНОСЦЫ?

Возникновение Немецкого ордена

Появление Немецкого ордена в Прибалтике связано с идеей крестоносного движения. Крестовые походы в Святой земле (Палестине) привели к образованию новых политических структур — королевств крестоносцев на Ближнем Востоке и духовно-рыцарских орденов. Процессы христианизации, происходившие в Прибалтике, вскоре оказались тесно связанными и с северными крестовыми походами, и с деятельностью рыцарских орденов.

Когда участникам Первого крестового похода (1096—1099) удалось завоевать большую часть Святой Земли, а под конец и сам Иерусалим, они стали формировать в покоренном регионе свои властные структуры. Так возникли Иерусалимское королевство и прочие государства крестоносцев. Считалось, что победители освободили Святую Землю из рук неверных; однако в ней до прихода европейцев проживали не только мусульмане и иудеи, но и христиане разных течений (например, яковиты и несториане).¹ Вопреки утверждениям крестоносной пропаганды, христианские подданные исламских государств, как правило, не испытывали никаких притеснений.

Когда в Палестине возникли государства крестоносцев, а также «латинские» архиепископства, патриархии, епископ-

Рыцарь. Немецкая гравюра XIII в.

ства, приходские церкви, монастыри и коллегии, по образу и подобию европейских, то они столкнулись с теми же политическими проблемами и конфликтами, которые составляли историю Европы. Борьба между церковью и светскими властями точно так же пронизывала религиозно-политическую жизнь. Светские правители старались поставить вновь основанные церкви себе на службу, а церковь всячески добивалась светской власти и политической самостоятельности. Одной из сторон этой борьбы стало формирование духовно-рыцарских орденов, направленных на защиту христиан в Святой земле или на Иберийском полуострове. Кроме того, в ходе успешных завоеваний в Первом крестовом походе возникла необходимость оборонять новые территории после возвращения многих крестоносцев обратно в Европу. Для этой цели в XII в. возникли ордена госпитальеров (*Ordo Hospitalis sancti Johannis Ierosolimitani*) и тамплиеров (*Pauperes*

commilitones Christi Templique Salomonici). Устав последних затем неоднократно использовался и другими орденами. Идейным вдохновителем был Бернар Клервоский, пользовавшийся авторитетом далеко за пределами обширных владений ордена цистерцианцев.

В 1146 г., в период подготовки Второго крестового похода, именно его проповедь вдохновила на участие в походе немцев и их короля Конрада III. Благодаря Бернару крестовый поход распространился на земли язычников, граничившие с северными землями Священной Римской империи; это был так называемый поход против венедов. Все тот же Бернар Клервоский напутствовал крестоносцев, выступавших против язычников, лаконичным призывом: «Обращение или смерть!»

В конце 20-х гг. XII в. Бернар употребил свой возросший к тому времени авторитет на благо ордена тамплиеров, написав сочинение, озаглавленное им «*De laude novae militiae*» — «О похвале новому воинству». Поскольку он выступал против роскоши и богатства, считая упадок нравов следствием излишеств, то и здесь он противопоставлял «неправильных» рыцарей — богатых и избалованных — истинным рыцарям, сочетавшим аскетизм с воинским рвением.

В этом сочинении, которое, впрочем, сохранило не слишком лестный портрет участников крестового похода, тамплиеры провозглашаются подлинными крестоносцами, которым не возбраняется использовать в своих интересах все силы крестоносного движения, в ту пору еще только зарождавшегося. Тогда же при участии Бернара был принят устав тамплиеров. Его в конце XII в. позаимствует новый Немецкий орден, что и приведет к созданию нового братства. Устав был пожалован Немецкому ордену папой Иннокентием III в 1199 г., а Иннокентий IV в 1244 г. разрешил генеральному капитулу вносить в устав изменения и тем самым адаптировать к условиям пребывания братства за пределами Святой Земли.²

Основание Немецкого госпиталя относится, вероятно, к 1189/1190 г.³ В ходе битв, которые велись после падения

Иерусалима с целью отвоевания святого города и вылились в Третий крестовый поход, последнюю экспедицию императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы, в Акре, близ поля брани, был организован полевой госпиталь. Инициаторами выступили немцы — купцы из Любека и Бремена. Они вернулись на родину, а госпиталь остался. Им заинтересовался один из представителей династии Штауфенов в Империи. Пользуясь поддержкой немецкой знати и князей, госпиталь быстро обрел владения в Святой Земле. Уже в 1196 г. он удостоился папской привилегии, которая освобождала его от власти епископов, подчиняла непосредственно папе (это называлось — экземпция) и, что особенно важно, предоставляла свободу выбора своего главы — магистра.

В марте 1198 г. в Акре состоялся собор высших духовных лиц Палестины и знатных немецких крестоносцев, которые, получив известие о смерти императора, желали поскорее вернуться на родину. Они обратились к папе Целестину III с прошением поручить братству, до тех пор занимавшемуся только уходом за больными, войну с неверными. Папе пришлось превратить основанное в 1189/1190 гг. братство в рыцарский орден по образу и подобию тамплиеров. Новый орден, которому отныне поручалось вести войну с неверными, получил устав тамплиеров, то есть те правила, которые оформились в первый устав духовно-рыцарского ордена при участии Бернара Клервоского. Что касается ухода за больными, то в этом братьям предписывалось соблюдать устав иоаннитов.

Так возник Немецкий орден, члены которого именовали себя не иначе, как *Fratres hospitalis sanctae Mariae Theutonicorum Ierosolimitanorum* — «Братья немецкого госпиталя в Иерусалиме, посвященного Пресвятой Марии». Примерно таким было его полное название и впоследствии, когда братья ордена утратили свои владения в Иерусалиме и Палестине. Начиная с 20-х гг. XIII в. название было предельно ясным. Напротив, на более раннем этапе оно, напоминая о госпитале Девы Марии в Иерусалиме, предполагает, что старый госпиталь был поглощен орденом, основанным в Акре. По мере

Миннезингер (немецкий средневековый поэт-певец) в одеждах Тевтонского ордена. Миниатюра немецкого Манесского кодекса (Большого гейдельбергского песенника), между 1300—1340 гг.

того как основанный в Акре орден постепенно вписывался в традицию старого госпиталя и занимал его владения, он присвоил себе и его название.

В 1221 г., при магистре Германе фон Зальца, папа Гонорий III пожаловал Немецкому ордену полный правовой статус наравне с первыми духовно-рыцарскими орденами — тамплиерами и иоаннитами. Все их привилегии распространялись и на Немецкий орден. Среди них — отпущение грехов участникам крестовых походов и покровителям ордена, оказывавшим ему материальную помощь, и т. д. Покровительство рыцарям со стороны папского престола проявлялось и в дальнейшем. Один только папа Гонорий III за время своего понтификата (1216—1227) издал в адрес Немецкого ордена 113 специальных папских грамот — булл.

От Трансильвании до Пруссии.

Как орден искал свое место под солнцем

В XIII в. положение крестоносцев в Палестине становилось все более шатким. В поисках новых язычников и земель, которые следует обращать в христианство, они устремляли взоры к другим частям Европы, в частности, к юго-восточному побережью Балтийского моря. Здесь жили многочисленные местные языческие племена. Их земли собирательно назывались «Земля пруссов», что повлияло на возникновение названия «Пруссия». Соседняя территория, Ливония (современные Латвия и Эстония) получила название по имени проживавших на землях будущей Латвии ливов.

Попытки христианизации были предприняты в Прибалтике еще в конце X в. Здесь Адальберт, епископ Пражский, начал проповедовать в 997 г., но был убит язычниками. Та же судьба постигла в 1009 г. в Южной Пруссии немецкого священника Бруно Кверфуртского.

Следующий этап христианизации этих земель связан с деятельностью именно Немецкого ордена. Он должен был покинуть Палестину из-за общего поражения крестоносного

движения на Ближнем Востоке и искал свое место в Европе. Первоначально рыцари ордена предполагали закрепиться в Трансильвании, чтобы стать восточным щитом Венгерского королевства от угрозы нападений кочевников с востока. Но в результате конфликтов с королем Андрашем II и венгерской знатью эта попытка не увенчалась успехом.⁴

Зимой 1225/26 г. польский князь Конрад Мазовецкий обратился к Немецкому ордену с просьбой защитить его границы от язычников — прусских племен. Магистр Герман фон Зальца ухватился за новое приглашение. В марте 1226 г. он получил от императора Фридриха II грамоту, скрепленную золотой печатью (она известна как «Золотая булла из Римини»), в которой тот жаловал ордену в полное распоряжение земли, полученные рыцарями от польского князя, а также все завоеванные орденом земли язычников, приравнивая магистров ордена к имперским князьям. В булле говорилось, что Господь создал Священную Римскую империю германской нации, которая стоит превыше всех земных монархий, чтобы проповедовать язычникам Евангелие и чтобы их покорить и обратить в христианство. Далее говорится, что Герман фон Зальца сообщил императору о намерении Конрада Мазовецкого пожаловать верховному магистру и братьям ордена Кульмскую землю и земли близ Пруссии, чтобы орден мог выступать против пруссов. Грамота гласит, что магистр просит императора признать и утвердить пожалованное Конрадом.

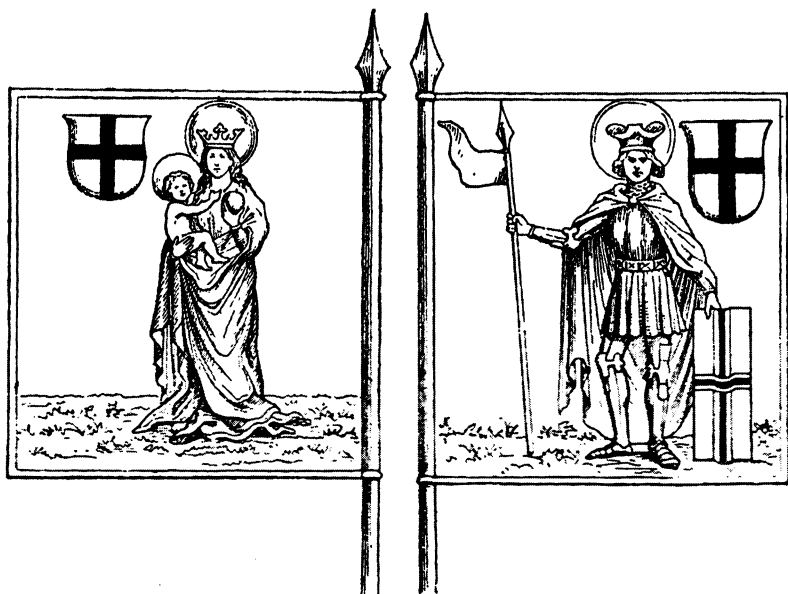
Затем следовало решение императора. Поскольку эта земля принадлежит империи (*monarchia imperii*), то он, император, утверждает за орденом все означенные земли со всеми правами и освобождает их от всех повинностей.⁵ В грамоте перечисляются сеньориальные прерогативы «хозяев земли» (крупных землевладельцев) — ландесгерров, которых тем временем стало немало. Первая половина XIII в. — это время, когда происходило политическое укрепление ордена, поэтому в грамоте упомянуты таможенное право, право чеканки монет, рыночное право, так называемые суверенные права, право верховного суда и прочие. Наконец, подводил

ся итог: верховный магистр и его преемники обладают такой же судебной и политической властью на своих территориях, как и любой имперский князь на своей земле. Такая поддержка со стороны императора объяснима, в том числе, и его интересом к крестоносным делам. Так, в 1229 г. благодаря его переговорам с египетским султаном аль-Камилем под опеку христиан передавались Иерусалим, Вифлеем и Назарет. Тогда же он стал королем Иерусалимским.⁶

Во многом благодаря этому документу была заложена законодательная основа появлению на Балтике Немецкого ордена, который завоюет Пруссию в ходе северных крестовых походов и в XIII—XIV вв. станет фактическим господином в этом регионе Европы.⁷

Правда, стоит заметить, что в Прибалтику Немецкий орден пришел не первым. Сюда в начале XIII в. уже проникли немцы из северогерманских городов, в частности Бремена, и датские рыцари. Восточная Прибалтика оставалась единственным регионом Европы, на который не распространилось христианство. Эти территории населяли балтские племена. Земгалы, например, жили в бассейне Лиелупе. Восточнее и до Западной Двины простиралась территория селов. Пространства на правобережье Западной Двины, ограниченные на востоке рубежами Полоцкого княжества, на севере реками Имерой, Гауей и Вайдавой, были населены латгалами. Однако точные границы, в которых обитали данные этнические группы, можно маркировать лишь условно. К финно-угорским племенам принадлежали ливы и эсты. Самыми обширными были земли эстов, простиравшиеся к северу от Латгалии до Финского залива. Кроме того, эсты заселили острова Даго (Хийумаа) и Эзель (Сааремаа).

В последней трети XI в. датские купцы построили свою церковь в Курляндии.⁸ На месте будущего Ревеля (Таллинна), в эстонском поселении Линданисе, возможно, уже с середины XII в. существовала церковь готландских купцов. Вполне вероятно, что некоторые ливы и эсты восприняли католичество от западных торговцев, но о создании здесь каких-либо цельных христианских общин ничего не известно.

Знамя Немецкого ордена.

С купцами из Любека в Ливонию весной 1184 г. прибыл монах ордена августинцев Мейнард. Уже спустя два года, в 1186 г., он был посвящен бременским архиепископом в епископы Ливонии, а 25 сентября и 1 октября 1188 г. последовало утверждение подчиненности нового епископа архиепископу Бременскому. Кроме того, папа Целестин III своей буллой разрешил Мейнарду не только набирать в Священной Римской империи священников для ливонской миссии, но и прибегать для защиты миссии к силе оружия (27 апреля 1193 г.).

Преемник первого ливонского епископа, бывший аббат цистерцианского монастыря Локкум Бертольд, сумел набрать в Саксонии, Вестфалии и Фрисландии отряд рыцарей,⁹ но погиб 24 июля 1198 г. в битве с ливами. И только третьему епископу, Альберту Буксгевдену, посвященному в сан 28 марта 1199 г. и прибывшему в Ливонию с сильным войском на 23 кораблях, удалось закрепиться в устье Двины. Так при поддержке епископа возник в Ливонии свой духовно-ры-

царский орден по образу и подобию тамплиеров — *fratres militiae Christi de Livonia*, более известный как орден меченосцев. Если символом Немецкого ордена был черный крест на белом фоне, то символом меченосцев — красный крест и меч на белом фоне.

С момента учреждения, согласно свидетельствам источников, ливонские рыцари именовались «Братством рыцарей Христовых» (*fratrum militiae Christi* или *ordo et collegium fratrum militiae Christi*). Первые члены новой духовно-рыцарской корпорации прибыли из Священной Римской империи. Возможно, это произошло в 1201 г., т. е., вероятно, они были в числе крестоносцев, сопровождавших епископа Альберта. Первоначальное число братьев остается неизвестным.¹⁰ В том же году ими был основан город Рига.

На Балтике в это время резко усиливается влияние Дании, которая ведет активную завоевательную политику по всему балтийскому побережью. В 1170, 1194 и 1197 гг. датчане нападают на племена эстов. В 1219 г. происходит знаменитая битва при Линданисе, на территории современного Таллинна, недалеко от холма Томпеа, где позже будет располагаться замок немецких рыцарей. Датский король Вальдемар II, согласно легенде, разбил эстов благодаря Божественному вмешательству. Во время битвы, после молитвы епископов на холме Томпеа, с небес спустилось красное полотнище с белым крестом.

Так был обретен датский флаг — Даннеброг (дат. *Dannebrog*), до наших дней являющийся национальным символом Дании. Датчане заняли территорию современной Северной Эстонии, которой владели до 1346 г.

Создание Ливонии

Таким образом, в первой трети XIII в. на юго-восточных балтийских землях от Пруссии до берегов Финского залива образовалось три политических силы, успешно покорявшие местные языческие племена — Немецкий орден, орден

меченосцев и владения датского короля. Между тем борьба с язычниками приобрела затяжной характер. На юге начались столкновения с литовцами, которые к 1240-м гг. были объединены князем Миндовгом в Великое княжество Литовское. На востоке рыцари дошли до земель, на владение которыми претендовали древнерусские городские республики Новгород и Псков.

Практически в то же время встал вопрос об объединении двух орденов — Немецкого ордена и ордена меченосцев. Инициатором здесь, видимо, выступил орден меченосцев. Средневековый хронист Петр из Дусбурга пишет, что на протяжении 1230—1236 гг. магистр меченосцев Волквин осаждал брата Германа фон Зальца просьбами об объединении. В «Хронике Тевтонского ордена» (вторая половина XV в.) содержится рассказ, составленный, предположительно, орденским великим магистром Гартманом фон Гельдрунгеном (1274—1283), принимавшим в юности непосредственное участие в переговорах. В нем сообщается, что только через четыре года после первого обращения Волквина, в 1234 г., Герман фон Зальца для выяснения состояния дел в ордене меченосцев послал в Ливонию двух послов — Эренфрида фон Нойенбурга и Арнольда фон Нойендорфа.

Посланцы пробыли в Ливонии всю зиму 1234/35 гг. и весной отбыли обратно в Германию. Вместе с ними отправились послы Волквина. Герман фон Зальца перепоручил разбираться с меченосцами второму лицу в своем ордене — магистру Германии Людвигу фон Оттингену, который, выслушав стороны, поднял вопрос о слиянии орденов на собравшемся летом 1235 г. в Марбурге орденском генеральном капитуле.

Точку в этих переговорах поставил Григорий IX, воспользовавшийся поражением меченосцев при Шауляе. В 1236 г. меченосцы совершили крупный поход против Литвы и были наголову разбиты войском из племен жемайтов и земгалов. Без посторонней помощи орден оказался бы на грани гибели. Буллой от 12 мая 1237 г., составленной в Витербо, в присутствии епископов Рижского, Дерптского и Эзельско-

го, а также папского легата Вильгельма Моденского орден меченосцев упразднился.¹¹ Его члены инкорпорировались в состав Немецкого ордена.¹² Ливонский магистр получал утверждение в должности от Верховного магистра Немецкого ордена, но ливонские братья должны были также приносить присягу на верность и послушание — не только главе ордена, но и епископу Рижскому. В принципе, эти события были звеньями одной цепи. Двумя годами ранее, в 1235 г. произошло аналогичное объединение Немецкого и Добжиньского орденов на территории Пруссии.¹³

По сообщению Петра из Дусбурга, узнав о поражении при Шауляе, «папа прекратил... дело и... брата Герлаха и брата Иоганна принял в орден госпиталя Святой Марии дома Тевтонского, дав им белый плащ с черным крестом, вменяя им и другим братьям... ордена рыцарей Христовых, находящимся в Ливонии, <...> соблюдать правила жизни ордена дома Тевтонского...».

Герман фон Зальца сразу после обнародования буллы от 12 мая направил меченосцев Герлаха Рыжего и Иоганна из Витербо в Марбург, к Людвигу фон Оттингену, с приказанием тому выбрать 60 рыцарей, снабдить их всем необходимым и отправить в Ливонию. В июле того же года в Марбурге был собран генеральный капитул Немецкого ордена. На нем было решено учредить должность отдельного магистра (ландмайстера) для Ливонии. Первоначально предполагалась фигура Дитриха фон Гронингена, но в итоге выбор был остановлен на Германе Бальке, занимавшем в тот момент пост ландмейстера в Пруссии. Гронинген был назначен в помощь Герману Бальке. По сообщению Петра из Дусбурга, гроссмейстер направил Германа Бальке в Ливонию «с 40 братьями и многими оруженосцами».¹⁴

На территории, принадлежавшей упраздненной духовно-рыцарской корпорации, организовывалась ливонская «провинция» Немецкого ордена, глава которого теперь не избирался местными рыцарями, а присылался, как в случае с Германом Бальке, из Пруссии по решению великого магистра (гроссмейстера) и генерального капитула. Соответственно,

первоочередной обязанностью ливонского магистра являлось обеспечение выполнения распоряжений, поступающих от главы Немецкого ордена, о чем он, подобно другим должностным лицам Немецкого ордена, должен был отчитываться не реже одного раза в год на генеральном капитуле.

При включении меченосцев в состав Немецкого ордена папой был поднят также вопрос о землях Гарриен и Вирланд (на территории совр. Эстонии). На них претендовала Дания. Вскоре после процесса инкорпорации Григорий IX направил своему легату Вильгельму Моденскому буллу, в которой поручал легату озаботиться, «дабы король Вальдемар не переносил на ливонское ландмайстерство неприязнь, испытываемую ранее к ордену рыцарей Христовых», уступить датчанам Гарриен и Вирланд, как и находящийся на этой территории город Ревель (будущий Таллинн).

Результатом деятельности Вильгельма стало подписание договора, заключенного 7 июня 1238 г. между королем Вальдемаром и Германом Бальке, как главой ливонской ветви Немецкого ордена, в датском замке Стенби на острове Зеландия. По этому соглашению Немецкий орден передавал королю Вальдемару районы Гарриен, Вирланд и город Ревель. Ревельский замок передавался Дании в целости и сохранности, однако братья-рыцари добились возможности вывезти из него метательные орудия и запасы оружия, провиант и утварь. Вальдемар уступил ордену местность Йервен с условием, что тот без датского разрешения не будет возводить там крепости. Далее король дал обязательство не вторгаться в орденские владения в Эстонии.

Таким образом, к середине XIII в. в Прибалтике в Пруссии и на большей части Ливонии возникло государство северных крестоносцев — Немецкий орден (т. н. Ordensstaat). Оно пыталось дальше расширяться на восток. В 1240 г. рыцари взяли русский город Псков и основали крепость Копорье как свой опорный форпост. Но в 1241 г. Александр Невский выбил рыцарей из Копорья, освободил Псков, вторгся на земли Дерптского епископства, выманил немецкие войска к Чудскому озеру, где в начале апреля 1242 г. и произошло

Немецкие рыцари завоевывают псковскую землю. Миниатюра
Лицевого свода, XVI в.

«Ледовое побоище». Ливонцы оказались разбиты. По итогам противостояния в XIII в. на несколько столетий границей между немецкими и русскими землями стали река Нарова и Чудское озеро.

По своей структуре орден изначально состоял из трех видов братьев (*fraters militiae Christi*, «братья воинства Христова»): *братьев-рыцарей, братьев-священников и братьев-служителей*. Все они при вступлении в орден приносили четыре обета: послушания, целомудрия, отречения от собственности и посвящения жизни борьбе с неверными и язычниками. Т. е. первые три обета относились к монашеским орденам. Именно поэтому организации, исповедующие такие принципы, именуются духовно-рыцарскими или военно-монашескими орденами. Братья должны были жить в общих домах (замках), питаться за общим столом, коротко стричь волосы и бороду, носить одежду из грубой ткани. Владения Немецкого ордена в Ливонии находились под управлением магистра и капитула и возникшего в конце XIV в. орденского совета, состоящего из гебитигеров. Под этим термином (*Gebietiger*) понимался глава «округа» (нем. *Gebiet*) — комтур или фогт. К XV в. на территории Ливонии существовало 9 комтурств и 11 фогтств. Округа Венден (совр. Цесис) и Тукум (совр. Тукумс), а также орденские владения в Риге подчинялись напрямую магистру (ландмайстеру), а области Ашераден (совр. Айзкраукле), Дюнамюнде (совр. Даугавпили), Зегевольд (совр. Сигулда) и Митава (совр. Елгава) — ландмаршалу.

Изначально ливонский магистр выбирался верховным магистром и главным капитулом. Однако позже в результате роста автономии Ливонской ветви ордена эта практика изменилась. Этот процесс постепенно начался в XIV в. и стал развиваться в XV — когда братьям ордена в Ливонии было предоставлено право выбирать своего магистра. Окончательно он завершился к первой половине XVI столетия, когда, с одной стороны, перестало существовать близлежащее орденское государство в Пруссии, а с другой, с 1526 г. (несмотря на то, что получил регалии только в 1530) магистр Вольтер

Замок Венден.

фон Плетенберг стал имперским князем. Главной резиденцией магистра был Венден (совр. Цесис).

Для того чтобы приехать в Ливонию или Пруссию в качестве брата-рыцаря, сначала нужно было вступить в эту организацию в одном из округов (они назывались баллеи) на территории Священной Римской империи. Пополнение Немецкого ордена на этой территории происходило разными путями. В более ранний период, в XIII в., среди кандидатов встречались и жители Ливонии. Например, к 1248 г. относится свидетельство о вступлении в корпорацию крупного рижского купца и ратмана городского совета.¹⁵ Однако это скорее исключение, и такая практика не имела широкого распространения. Другим вариантом мог быть переход в Ливонию братьев прусской ветви, что способствовало соблюдению прусских интересов на данной территории. Подобный способ комплектации ливонской ветви был распространен, прежде всего, до первой

половины XV в.¹⁶ В ходе XIV в. окончательно оформилась тенденция орденской рекрутации либо из Вестфалии, либо из рейнских земель. Слово «рейнец» вплоть до середины XV в. в Ливонии зачастую использовалось как синоним сторонника партии верховного магистра. При этом зачастую оставалось без внимания, был ли данный брат ордена действительно выходцем с земель Рейна. Сторонники большей автономии ливонской ветви именовались «вестфальцами». Таким образом, внутри духовно-рыцарской корпорации отчетливо прослеживалось не только политическое размежевание, но и противостояние между выходцами из разных земель.¹⁷

Верховный магистр назначал не только на должность ландмайстера, но и других гебитигеров выходцев с Рейна.¹⁸ Это вело к обострению внутри Немецкого ордена из-за разного территориального происхождения братии. С XII в. развивалась традиция вступления в филиал ордена в Ливонии выходцев из Вестфалии, в частности из восточновестфальских территорий, включая Гессен.¹⁹ «Нижненемецкое» пространство продолжало играть существенную роль в рекрутации членов и ордена меченосцев, а впоследствии ливонской ветви Немецкого ордена.²⁰ Именно из этого ареала в XIV в. происходили ландмайстеры Ливонии, например Госвин фон Херреке, Арнольд фон Витинхоф и Веннемар фон Брюггеней.²¹ Позже эта тенденция сохранялась. Согласно проведенным Л. Арбузовым подсчетам, подавляющее большинство братии было родом из вестфальского мелкого рыцарства. В частности, он привел около 800 имен рыцарей, происходивших из этого региона и составлявших, по его мнению, около 90 % от общего числа известных рыцарей ордена в Ливонии на рубеже XV—XVI вв.²² Чаше всего орден пополнялся выходцами из Мюнстера, Оснабрюка, Падерборна и Вест Реклинггаузена. Из светских владений выделяются графства Марк, Равенсберг и Липпе.²³ Однако важно понимать, что процесс не был неизменным и на него оказывали влияние процессы не только в Ливонии, но и в указанных землях Священной римской империи. В XIV—XVI вв. произошли изменения, повлиявшие на приток братии из более

северных территорий. С середины XIV в. значительная часть представителей мелкого рыцарства отправлялась в Ливонию из графства Марк, однако постепенно стали преобладать выходцы из кельнской области Зауерланд в герцогстве Вестфалия. Отчасти это может объясняться экономическими причинами,²⁴ в том числе более активной торговлей, которую вели такие города, как, например, Оснабрюк, Зуст, Мюнстер, по сравнению с городами графства Марк.²⁵

Напряжение между «рейнцами» и «вестфальцами» стало нарастать в начале XV в., когда в 1413 г. Дитрих Торк стал ливонским магистром. К. Милитцер относит это к началу третьей фазы существования ордена в Ливонии. Перед лицом роста числа вестфальцев новый верховный магистр, которым был избран Пауль фон Русдорф, стремился оказать всяческую поддержку рейнцам. В выборах нового главы ливонского отделения с 1424 г. должны были участвовать кандидаты от обеих партий.²⁶ Однако уже в 1469 г. после смерти ландмайстера Иоганна Менгеде, происходившего из Вестфалии, верховному магистру была предложена на утверждение только одна кандидатура. Возможно, это связано с падением влияния верховного магистра на выборы в Империи и в Ливонии в условиях только что завершившейся Тринадцатилетней войны и подписания невыгодного для ордена Второго Торуньского мира 1466 г.

В 70-е гг. XV в. между рейнцами и вестфальцами вспыхивает конфликт. В 1472 г. комтур Феллина Дитрих фон дер Дорнебург просил у верховного магистра дать письменное разрешение его брату, которого он пригласил в Ливонию, на ношение орденских одежд. Но из формулировки остается неясным, шла ли речь об облачении в Вестфалии или уже в Ливонии.²⁷ Хотя, принимая во внимание общепринятую практику, кажется наиболее вероятным, что вступление происходило именно в Вестфалии, откуда новый брат ордена уже отправлялся в Ливонию.

Спор вокруг самого факта облачения в рыцарские одежды выходцев из разных земель иллюстрирует напряженность, царившую между ними.

Походы против последних язычников. Пруссия и Ливония против Литвы

В 1291 г., несмотря на все попытки отстоять Святую Землю, пала под ударами мусульман последняя крепость крестоносцев в Палестине — Акра. Стало ясно, что история походов на Восток закончена. На первый план выдвинулось северное направление. Это проявилось, в том числе, в переносе резиденции верховного магистра Немецкого ордена. В 1309 г., после недолгого пребывания в Венеции, она перемещается в Мариенбург (совр. Мальборк в Северной Польше, в дельте р. Вислы). Несмотря на сложности, сопровождавшие перенос резиденции, Мариенбург стал фактически «столицей» ордена вплоть до 1466 г., когда эти земли по Второму Торуньскому миру отошли Польше.

Главным врагом Немецкого ордена в XIV в. выступает последнее языческое государство Европы — Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское. Значительную часть его населения составляли потомки жителей распавшейся Киевской Руси, то есть православные. Но правящим этносом в XIII—XIV вв. были язычники — литовцы. В противостоянии с ними немецкие крестоносцы обрели смысл своего существования в Прибалтике. Орден занимался тем, ради чего и был создан — воевал с язычниками, стремясь их христианизировать. Если бы литовцев склонил к крещению кто-то другой — будь то православная Русь или католическая Польша, — то исчезло бы законное основание присутствия крестоносцев в Прибалтике.

Миссия Немецкого ордена приобретает известность и популярность. В XIV в. возникает феномен *Litauer-Reisen* — походов на земли языческой Литвы. Причем среди участников могли быть воины из всех стран Европы. Они воспринимали эти походы как веселую охоту на язычников, своего рода военное приключение, и одновременно — высокую миссию несения Креста. Другой стороной этого процесса было функционирование феномена *Reisen* в качестве «военного туризма» для представителей знати и одной из статей дохода

ордена. При этом далеко не всегда приехавшие участвовать в походах против местных язычников на самом деле принимали в них активное участие.²⁸

Только перечень самых главных походов производит впечатление: в 1358 г. Ливонский орден воюет в Шауляйской земле и Самогитии, в 1359 г. — громит окрестности Папиле, в 1360 — землю Упите, в 1361, 1362, 1362 гг. проводит рейды в Северную Литву. Литовцы в долгу не остались: в 1359 г. они вторгаются в Ливонию, в 1361 г. разоряют окрестности Митава. Военный перевес в эти годы был на стороне ордена, высшим военным успехом которого было взятие Каунаса 16 апреля 1362 г. армией крестоносцев под командованием Винриха Книпроде (в ее составе были прусские, ливонские, германские, английские и итальянские рыцари). Она продемонстрировала всю высоту военного осадного искусства, которое оказалось сильнее мужества осажденных, сражавшихся под началом сына Кейстута Войдата. В плен было взято лишь 36 человек. Разрушение Каунаса означало прорыв оборонительной линии Литвы, проходившей по Неману. В 1365 г. крестоносцы осаждают столицу Великого княжества Литовского — Вильно.

Ливонские рыцари в 1365 г. вторгались в землю Упите трижды, в 1367 — дважды, в 1368 — тоже дважды. В 1369 г. развернулись бои за Каунас: и крестоносцы, и литовцы пытались возвести рядом с его развалинами свои опорные крепости (Новый Каунас и Готтесведер). Кончилось все тем, что в ноябре главный маршал ордена Хенинг Шиндекопф с войсками стер с лица земли все новопостроенные замки. В 1370 г. Литва пыталась взять реванш. Ее войска вторглись в землю Самбию, но под замком Рудава были разбиты.

В 1373 г. на границах Литвы и ордена шли тяжелые бои с переменным успехом. Рыцари ордена разорили окрестности Дарсунишкиса, Нашью и Ужпалай. В ответ Кейстут совершил военный рейд в Пруссию, а сын Ольгерда Скиргайло выжег окрестности Дюнабурга. В 1375 г. ливонские рыцари дошли до Вильно, разграбили землю Упите. Кейстут в ответ нанес удар вдоль Даугавы, а в 1376 г. опустошил области

Знамя комтурства Грауденц (совр. польск. Грудзёндз).

Митава и Дуобяле в Ливонии. В 1377 г. крестоносцы вновь взяли Вильно. Ольгерд сумел отстоять только княжеский замок.²⁹

В 1385 г. Литва резко меняет ориентацию в сторону Польши. После смерти в 1382 г. короля Людовика Великого из Анжуйской династии на польский престол была возведена его дочь Ядвига, а ее муж должен был стать следующим королем Польши. Оставалось найти этого мужа. На руку королевы претендовали Вильгельм Австрийский, сын императора Карла IV Сигизмунд и другие, но верх одержал великий князь литовский Ягелло при поддержке князей Малой Польши. 14 августа 1385 г. он подписал Кревскую унию — союз литовской и польской короны. Теперь у двух стран был один властелин, носивший титул «короля Польского и великого князя Литовского». Ягелло женился на Ядвиге, крестился по католическому обряду, принял имя Владислава и стал основателем польской династии Ягеллонов. С 1387 г. он начал процесс обращения Литвы в католическую веру и уже в следующем году в ее столице, Вильно, было основано епископство.

Это изменило расстановку сил в регионе. Орден долгие годы конфликтовал и с Польшей, и с Литвой, но по отдельности. Теперь перед ним был объединенный противник. Кроме того, Кревский акт означал, что орден проиграл борьбу за право крестить Литву. Таким образом, его существование потеряло смысл, а он сам стал больше не нужен, поэтому тевтонцы не признали крещения Литвы. И прусские, и ливонские рыцари продолжали вторгаться в ее земли и громить их, как будто бы перед ними было языческое государство. Такое положение дел не могло сохраняться долго, и противостояние Немецкого ордена с народами Восточной Европы вступило в решающую фазу.

ЧТО ПРИНЕСЛИ В ПРИБАЛТИКУ НЕМЕЦКИЕ РЫЦАРИ И КУПЦЫ?

Ливония: балтийский или германский мир?

Что представляла собой Балтика в рассматриваемую нами эпоху — конец XIV—XV вв.? Канула в прошлое «эпоха викингов» (VIII—XI вв.), заканчивался период мелких северных королевств. Наступало время союзов. Облик Балтики в конце XIV в. начинают определять два масштабных альянса.

В 1397 г. была заключена Кальмарская уния — объединение Дании, Швеции и Норвегии. Фактически на севере Балтики возникла огромная сверхдержава, территориально сопоставимая со Священной Римской империей, способная контролировать весь регион. Правда, ее ахиллесовой пятой была малочисленность населения — на огромных пространствах обитало всего полтора миллиона человек, в среднем — один человек на 2 км².

Какое место в этой системе занимает Ливония? Для Кальмарской унии она была малоинтересна, исходя из принципа: «Овчинка не стоит выделки». Дания владела землями в Северной Эстонии с 1219 г. В 1346 г. она продала свое право владения прибалтийскими землями Немецкому ордену. Правда, уже в 1412 г. король Эрик Померанский заявил, что сделка была заключена незаконно, но дальше некоторых дипломатических жестов дело не пошло.

На Прибалтику с интересом поглядывали шведы, но время их господства на Балтике было еще впереди. Швеция закреплялась в Южной Финляндии и делила с русскими берега Финского залива и Карелию (по Ореховецкому миру 1323 г.). До середины XV в. ей было еще не до Ливонии. Первым серьезным предъявлением претензий Швеции на Северную Эстляндию надлежит считать попытку короля Карла Кнутссона Бунде около 1448 г. объявить себя покровителем Эзельской епархии.

В XIII в. (около 1267—1270 гг.) возникает *Hansa Teutonica* — торговый союз немецких городов, к 1400 г. простиравшийся от Северной Германии до побережья Финского залива. Ганза определяла содержание и направление грузопотоков по Балтийскому морю, имела свои военно-морские силы, активно вмешивалась в политическую жизнь северогерманских и скандинавских стран. Ливонские города: Рига, Ревель, Дерпт, Венден, Кокенгауз, Лемзаль входили в немецкий Ганзейский союз.

Связь с Ганзой закрепляла место Ливонии в сообществе, из которого, собственно, и вышли немецкие рыцари — в германском мире, раскинувшемся на пол-Европы от Рейна до Наровы. Проблема была в том, что этот мир был с X в. объединен в довольно пеструю структуру под названием «Священная Римская империя». В нее входили несколько сотен разных по величине и статусу земель, графств, курфюрств, королевств, владений имперских князей, аббатств, владений рыцарских и монашеских орденов и т. д. Среди них немудрено было затеряться и в центре германских земель, не говоря уже об их восточной окраине.

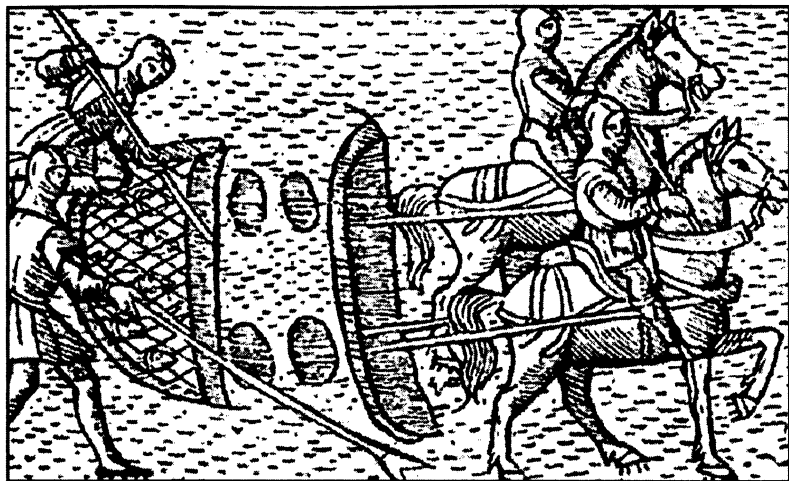
Ливонские ландесгерры (см. ниже) считались князьями Священной Римской империи, имели право участвовать в рейхстагах. Основатель Риги Альберт в 1207 г. получил от короля Филиппа Швабского права на владение и управление Ливонией как имперским леном. В 1225 г. рижские архиепископы были возведены в ранг имперских князей, в 1232 г. император Фридрих II Штауфен издал жалованную грамоту, что принимает орден меченосцев под «защиту и охра-

ну империи». Рижское архиепископство неоднократно получало специальные привилегии от императора.¹ Ливония должна была платить имперские налоги, например, *Gemeiner Pfennig* в 1495 г., сборы на борьбу с турками (хотя платила далеко не всегда). Но при всем при этом в официальную номенклатуру земель империи Ливония не входила. Ее принадлежность к ним вплоть до 1530 г. не была оформлена юридически.

Сама же Ливония соотносила себя с немецкоязычным культурным пространством. Она дорожила и своими торговыми контактами с германскими городами, и происхождением своей государственности со времен Фридриха Штауфена. Связь с империей выражалась и в том, что именно из ее земель происходило пополнение Немецкого ордена. Да и многие ливонские знатные фамилии были связаны родством с рыцарством Вестфалии, Рейнских земель, Нижней Саксонии и Мекленбурга.

Но главным интегрирующим фактором был язык. Жители Европы от Рейна и Эльбы до Западной Двины и Наровы говорили на смешанных диалектах, но — диалектах немецких. Учитывая то, что в колонизированных районах немецкий язык выступал языком бюргерства и рыцарства, он выступал маркером принадлежности к сословиям «христианского мира».²

Родство с этим миром проявлялось и в подчеркиваемых деталях быта, организации городской и сельской жизни. Немцы принесли на колонизированные прибалтийские земли традицию строительства каменных (кирпичных) городских домов, центральных строений усадеб, каменных замков. В городах дома располагались лицевой частью на прямых, нередко мощеных улицах, возвышаясь коньками крыш над деревянными лачугами, хаотично «толпящимися» у их подножья. Камень подчеркивал мощь и силу немецкого начала по сравнению с недолговечными от угроз дождя и огня деревянными строениями эстов или латгалов. Одинаковой с европейской была и планировка городов: в центре обязательно располагалась рыночная площадь, обычно отмеченная

Сельское хозяйство и рыбная ловля. Гравюры из книги Олауса Магнуса «История Северных народов», XVI в.

выразительной городской башней или ратушей. Непременным элементом германского пейзажа в Ливонии были доминанты католических соборов и мощная городская стена с массивными воротами, через которые и осуществлялся переход из деревенского латгальского-эстляндского мира в уютный городской *als Vaterland*.

Изредка выходцы из Ливонии удивляли германские города и земли. Например, из Ревеля происходил живописец Михаэль Зиттов (1470—1525), написавший портреты многих европейских коронованных особ. Остзейское дворянство вплоть до XVIII—XIX вв. гордилось своими многовековыми корнями, хотя, как показано Я. Я. Зутисом, в реальности лишь 25 % родов восходило к орденской знати, а подавляющее большинство первоначально происходило из министерялов, а в XIV—XVI вв. к низшему рыцарству (*niedrige Adel* или *Kleinadlige*) из Саксонии, Вестфалии, Фрисландии и других земель империи.³ Среди лифляндских немцев даже еще в XVIII—XIX вв. была сильна культурная ориентация на Германию. Яркие свидетельства об этом приводит К. Случевский: «В истории здешней, немецкой жизни и литературы выискиваются всякие мелочи, лишь бы они гласили о „связях с Германиею“ — например, будто бы Шиллер продал первый экземпляр „Дон Карлоса“ рижскому издателю, „Критика чистого разума“ Канта тоже была издана в Риге, Гердер служил в Риге, и даже сам Гете был ранен на дуэли „лифляндцем“».⁴

Ревельский хронист XVI в. Бальтазар Рюссов в своей «Хронике...» помещает своего рода панегирик Ливонии как райскому месту для немцев: «Немцы в ней были распорядителями и правителями, то туземцы так уважали их, что и самого ничтожного дворянского слугу и ремесленника называли господином и юнкером. И дворовой работник или ремесленник-подмастерье считал за большой стыд и бесчестие ходить и путешествовать по этой стране пешком, потому что дворяне доставляли его даром друг к другу, ради немецкого языка, а крестьяне возили, куда он хотел, на лошади и телеге за самое ничтожное вознаграждение; и дорогой ему нечего

Музыканты и танцы. Немецкая гравюра XVI в.

было заботиться о своем прокормлении, которое он получал от немцев безвозмездно, а от туземных крестьян (не-немцев) имел продовольствие для себя и для лошади на целые сутки за любекский шестак (*Sechsling*). И немец, кто бы он ни был, навлекал на себя неудовольствие, если бы, не заехав, проехал мимо дворянской усадьбы, где всякий немец, ради немецкого языка, встречал любезный, приятный и гостеприимный прием и получал все бесплатно. И если случалось немцу совершить что-либо достойное наказания, то всегда, ради его немецкого происхождения, его более щадили, нежели не-немцев (туземцев). Немцев также не назначали на презируемые должности, чтобы не причинить бесчестия другим немцам. Одним словом, Ливония была такой страной, что все те, которые прибыли в нее из Германии и других земель, когда узнавали ее богатства и испытали хорошую жизнь в ней, должны были думать и говорить: *Livland — Blyffland* („Ливо-

ния — цветущая земля“). Потому что там не было недостатка ни в чем, что служит на земле к удовольствиям, радости и благосостоянию для человека».⁵

Но к этой бочке меда примешивалась изрядная ложка дегтя. Статус члена германского мира предполагал, что Ливония как часть Немецкого ордена, Ганзы и т. д. должна разделять их политику, что не могло не вызывать сложности, поскольку их интересы не всегда полностью совпадали.

В Ливонии в XV в. проживало около 500 000 человек, из них собственно немцев было не более 30 000—40 000. Крупными городами считались Рига (10 000—15 000), Ревель (7000—9000) и Дерпт (5000—6000).⁶ Немецкое население остальных городов и замков редко превышало несколько сот человек. За вычетом женщин и детей очевидно, что даже при мобилизации всего мужского немецкого населения армия вряд ли оказалась бы больше 10 000. Военные силы Ливонии состояли из войск ордена, небольших наемных отрядов епископов-ландесгерров, гарнизонов городов (большей частью тоже наемных), городских ополчений (собираемых в экстренных ситуациях). Еще в 1350 г. были утверждены нормы сбора ополчения: каждый землевладелец должен был дать «с каждой сотни гаков» одного вооруженного немца и двух вооруженных «не-немцев». Поскольку воинов снаряжал землевладелец, он частенько экономил на оружии и доспехе, и войско было плохо оснащено и вооружено. Чем дороже становилось оружие (с наступлением эры огнестрельного оружия в XVI в.), тем менее охотно помещики покупали его для ополченцев. Тем не менее, такой средневековый порядок сохранялся почти до гибели ордена.

Собственно, самую реальную боевую единицу здесь представлял сам Немецкий орден. Все остальные являлись не более чем охраной земельных владений и городов. В ордене и в самые лучшие времена было не более нескольких сотен рыцарей. Наемники стоили очень дорого: они получали дополнительную плату в случае начала войны, перед атакой — «штурмовые», а в случае попадания в плен — «выкупные», не говоря уже о полном содержании от питания до

одежды и оружия. Реально вместе с вассалами и наемными солдатами-кнехтами ливонцы могли выставить в поле не более пяти-семи тысяч воинов. Это позволяло держать в повиновении местные племена, на равных воевать с Новгородом и Псковом, чинить мелкие неприятности на ливонско-ливтовской границе. Но этого было совершенно недостаточно, чтобы решать серьезные внешнеполитические задачи, как это делала Пруссия или тем более Священная Римская империя.

Отсюда перед Ливонией вечно стояла дилемма. С одной стороны, нужно было разделять общеорденскую политику, диктуемую верховным магистром, с другой — учитывать интересы Империи и Ганзы и т. д. При этом следовало максимально уклоняться от участия в наиболее опасных военных мероприятиях, чтобы, если вдруг что-то пойдет не так, не оказаться крайним, который ответит за всю империю или за весь Немецкий орден. И вовсе не факт, что при этом «ответе» империя или Пруссия успеют прийти на помощь: они далеко. Поэтому стандартный прием, который с успехом применяли ливонцы, — они посылали маленький отряд, который участвовал в большом походе или сражении, и выходило, что они вроде бы как тоже воевали. При этом сама Ливония на самом деле рисковала мало. Так можно было маневрировать достаточно долго, пока волны истории не вынесли Ливонию наверх. Империя погрязла в войнах Реформации, Пруссия покорилась Польше, и Ливония, сама того не желая, стала первым номером немецкой прибалтийской политики.

Что такое «страна Ливония»?

Когда мы говорим «Ливония», то представляется определенное географическое пространство. Взглянув на карту, действительно можно увидеть земли, очерченные вполне определенными границами. Однако, в отличие, например, от Пруссии, эта часть Прибалтики не была политически единой. Наиболее правильным названием будет «Ливонская

конфедерация», оно как нельзя лучше отражает характер политического устройства этой страны. Ее территория, как уже упоминалось, была поделена между несколькими ландесгеррами — Немецким орденом, архиепископом Рижским, епископами Эзельским, Дерптским и Курляндским. Их владения были нарезаны довольно причудливо, отчего вся карта Ливонии оказывалась похожей на шахматную доску. При этом крупные города имели самоуправление.

В середине XVI в. Ливония состояла из трех исторически сложившихся территорий: *Эстляндии* (округа: Гарриен, Вирланд, Аллетакен, Вайден, Оденпэ, Иарвен, Вик, а также острова: Эзель, Дагеден (Даго), Моне, Вормсэ, Врангэ, Киен и Водесгольм), *Летляндии*, а также *Курляндии* и *Семигалии*.

Эстляндия считалась наиболее развитой. Главными замками и населенными пунктами округов Эстляндии были:

Гарриен: Ревель, Фегефюр и Падис;

Вирланд: Везенберг, Тольчбор и Борхольм;

Аллетакен: Нарва, Нейшлосс;

Оденпэ: Дерпт, Кирипэ, Гельмет, Ринген;

Йервен: Виттенштейн, Лаюс, Оберпален, Феллин, Тарваст и Каркус;

Вик: Леаль, Лоде, Гапсаль, Фикель, Пернов;

Эзель: Аренсбург, Зонненбург.

Главными городами и замками *Летляндии* являлись Рига, Кокенгаузен, Венден, Вольмар, Ленневард, Ниемеле, Керкгольм, Дунемюнде, Дален, Иксуль, Роненбург, Зосвеген, Зегенвольде, Ашераден, Шмильтен, Трейден, Кремон, Мариенбург, Лютцен, Розитен, Трикатен, Эрмес, Эрль, Борзун.

В *Курляндии* выделялись следующие пункты: Митов, Гольдинген, Кандов, Доббелен, Дюрбен, Виндов, Грубин, Пильтен, Дондаген, Амботен, Газепотен. В *Семигалии* — Бауск.

Вся Ливония в XVI в. подразделялась на 22 дистрикта. Собственно Немецкий орден контролировал 67 % территории, 16 % принадлежало Рижскому архиепископству, 25 % — епископствам Дерптскому, Курляндскому, Эзельско-Викскому и 19 крупнейшим городам.⁷

Ливония — страна замков и городов

Символ власти крестоносцев над Прибалтикой — это каменный рыцарский замок. Замок — это одновременно и крепость, и военная база, и населенный пункт, и административный центр. До прихода немцев в Прибалтику местные племена ливов, эстов, латгалов, земгалов, куршей и др. строили на холмах земляные крепости с валом (иной раз укрепленным каменной кладкой) и деревянными укреплениями. Сегодня остатки этих укреплений называют на английский манер: хилл-форты («укрепление на холме»).

Пришедшие в новую землю немцы принесли с собой традиции европейского каменного фортификационного строительства. В 1185 г. епископ Мейнард основал в деревне Ишкиле первый ливонский замок. Есть предание, что именно здесь, на «острове Мейнарда», началось крещение ливов и латгалов и была поставлена первая христианская церковь. До основания Риги (1201) здесь же находилась первая в Прибалтике резиденция католического епископа.

Первые замки были простейшей конструкции — либо в виде каменной башни (донжона), либо — четырехугольной в плане каменной стены с 1—2 башнями в углах. Они были небольшими, несколько десятков или сотен метров по периметру стен, занимали пространство, сравнимое с современной средней городской площадью. Но и этого оказалось достаточно для покорения местных племен, не умевших штурмовать каменные крепости.

Другие близкие к замкам сооружения северных крестоносцев, которые нам известны, — это замки-церкви. Эти памятники ценны тем, что на их примере можно воочию представить, как продвигалось в Прибалтике христианство, что представляло собой крещение местных народов, как немецкие рыцари сумели закрепиться в регионе. Они проникали на территорию, заселенную местными языческими племенами. Селение язычников уничтожалось. Напротив него ставили замок или укрепленную каменную церковь. Расстояние между бывшим и новым центрами обычно составляло от 1—2 до нескольких километров.

Вместо разрушенного центра язычников ставился храм, который одновременно выполнял военные функции. Высокие каменные стены прорезались высоко расположенными узкими окнами, которые можно было использовать как бойницы. К церкви или пристраивали боевую башню, или таковой в критические мгновения становилась сама церковь. В краю полуземлянок, деревянных хижин и небольших дерево-земляных крепостей подобные массивные каменные здания в самом деле смотрелись внушительно и не оставляли сомнений, что немецкие рыцари стали новыми хозяевами земли эстов и латгалов.

Церкви-замки XIII в. сохранились на острове Сааремаа (Эзеле). Самой древней считается церковь Св. Мартина в Вальяле (вскоре после 1227 г.). Падение хилл-форта в Вальяле в 1227 г. считается победой крестоносцев над всем населением Саарамаа. Недаром в 1343 г. восставшие эсты сожгли ненавистное строение — символ их порабощения немцами. Церковь использовалась одновременно как храм и как фортификационное сооружение. Примечательно, что в кладке башни (в совр. виде башня, по предположению Р. Римши, перестроена в XVII в.) использованы могильные плиты с уничтоженных языческих могильников.

Другим примером укрепленной церкви на Сааремаа может служить церковь-замок Св. Марии в Пёйде. Здесь изначально был возведен замок с часовней, потом часовня была перестроена в церковь — самую большую на острове. В 1343 г. восставшие эсты восемь дней штурмовали замок и не смогли его взять. Рыцари согласились покинуть укрепление с условием, что их отпустят с оружием. Эсты разрешили выходить группами по 10 человек, с собой можно было взять оружие и вьючную лошадь. Но как только рыцари вышли в поле — их окружили и забили насмерть камнями. Весь гарнизон погиб.

Как укрепления церкви-замки имели очевидное ограничение по размерам. Для окончательного покорения края рыцари нуждались в полноценных замках-крепостях, сочетающих в себе функции укрепленного поселения и военно-ад-

министративного центра. Храм не мог вместить в себя дом наместника, казармы для гарнизона, военно-складские помещения, судебные постройки и т. д. В XIV—XV вв. искусство возведения замков совершенствуется. Они становятся многобашенными, занимают значительную площадь, как небольшие, но настоящие города. Внутри замков находились храмы, дома для рыцарей, солдат гарнизона, местных наместников-правителей (фогтов и комтуров). Отдельную часть построек занимали складские помещения и здания для укрытия на случай осады, когда замок становился прибежищем для населения округи и соседних землевладельцев. Крепостные башни (в 2—5 этажей, крытые крышами) играли не только военную роль: в них размещались жилые помещения, часовни, трапезные, кладовые, арсеналы и т. д. В случае прорыва противника на стены двери башен затворялись, и они превращались в автономные очаги обороны.

В Ливонии распространяется схема замка-кастеля. Жилые и хозяйственные постройки располагаются в виде квадрата с внутренним двором, а внешняя сторона этих построек одновременно является крепостной стеной. По периметру и углам возводятся несколько фланкирующих башен. В крупных замках возникает несколько линий обороны — первое кольцо стен, внутри — конвентный дом, то есть массивное квадратное сооружение в виде дома, покрытого крышей скатами внутрь. Его внешняя стена выступает крепостной стеной, по углам конвентного дома могли построить 1—2 боевые башни. Внутри четырехугольного строения располагался двор-колодец — внутренний двор замка. С XVI в. в некоторых крепостях первую линию стен стали дополнительно окружать еще и земляными бастионами и отдельно вынесенными орудийными башнями — бастеями и ронделями. Замок окружался рвом с водой, часто строился с учетом естественных оборонительных рубежей — на холме, на берегу реки, на мысу и т. д. Перед въездом в замок возводилось передовое укрепление — форбург.

В некоторых крепостях сооружались высокие центральные башни — донжоны, предназначенные для концентриро-

ванного обстрела неприятеля. До наших дней в реконструированном виде дошли два таких донжона — в Турайде и Вайсенштайне (совр. Пайде). Основным оружием гарнизонов замков были преимущественно арбалеты и в меньшей степени луки, а в XV—XVI вв. — пушки и разные виды ручного огнестрельного оружия (аркебузы, крупнокалиберные крепостные ружья и т. д.). Замки обладали серьезной огневой мощностью. Например, орудийная башня ревельской крепости Кийк-ин-дер-Кек имела 27 пушечных и 30 стрелковых бойниц. Их совокупный залп был способен нанести огромный урон и остановить наступление любого вражеского войска.

В целом большинство замков к XV в. представляли собой крепости, совершенно неприступные для небольших отрядов в случае набега из соседних стран (Великого княжества Литовского, Новгородской или Псковской земли). Поэтому в Ливонии не возникло системы крепостей, обороняющих границу (что впоследствии сослужит плохую службу). Кроме того, еще отсутствовала четкая пограничная линия (за исключением естественного маркера, например реки), а существовали «контактные зоны». Фортификационные сооружения строились для контроля над ключевыми пунктами на местности, для закрепления власти над покоренными балтийскими племенами. Ливонию покрывала сеть таких замков, расположенных в суточных переходах друг от друга. А вот в приграничных зонах их было мало.

К примеру, всю псковско-ливонскую границу «держали» несколько замков, такие как Нейгаузен, Мариенбург, Розиттен, стоящий в глубине от границы на несколько километров. Новгородско-Ливонскую границу «держало» два замка, которые не столько охраняли границу, сколько контролировали водный путь по р. Нарове. В месте вытекания Наровы из Чудского озера стояла маленькая крепость Нейшлосс, а устье Наровы было под властью знаменитой Нарвы. Все остальные рубежи не охранялись никак. Стоит заметить, что для XIV—XV вв. такая тактика себя полностью оправдывала, и, несмотря на многочисленные конфликты Ливонии и с Псковом, и

с Новгородом ни разу Ливония не подверглась опасности серьезного военного вторжения или завоевания.

Для обеспечения нужд гарнизона строились кухни, трактиры, склады. Особое внимание уделялось гигиене, поскольку неуборка нечистот могла принести в замок заразу, в момент выкашивающую весь гарнизон. Туалеты делались либо в стенах башен, с глубокими и выходящими за пределы замка выгребными ямами, либо — в специальных закрытых балкончиках, вынесенных за пределы стены на большой высоте. Нечистоты летели вниз, в ров или реку, протекающую под стенами замка. Иногда для туалета за пределами основных стен строилась специальная башня-данцкер, соединенная с замком переходом. Но в Ливонии такая практика была распространена мало (например, данцкер, выведенный на берег Двины, был в новом замке (1515 г.) в Риге).

Стоит рассказать о наиболее знаменитых замках. Для того чтобы представить себе, как выглядел в XV—XVI вв. ливонский замок, надо ехать на остров Сааремаа в Курессааре, где на берегу Балтийского моря стоит епископский замок-кастель Аренсбург (начало строительства — 1330-е гг.). В нем частично сохранились готические интерьеры галерей-переходов, коридоров и залов, а поздние перестройки мало исказили исходный облик. Аренсбург связан с именем незадачливого «ливонского короля» Магнуса — датского герцога, который в 1560 г. именно под Аренсбургом высадился на территории Ливонии и пытался здесь построить свое королевство, потом стал вассалом Ивана Грозного, потом изменил ему и подался на службу к польскому королю Стефану Баторию.

Резиденцией магистра Немецкого ордена был Венден (совр. латвийский город Цесис). Замок известен с 1208—1209 гг. (был построен напротив вендских укреплений). Сегодняшние останки относятся к XV—XVI вв. Замок был основан как ключевая крепость так называемого «Гауйского коридора» для защиты орденских территорий в Северной Латвии и Эстонии. Он знаменит многими событиями орденской истории и даже упоминался в романах о рыцарских вре-

Замок Аренсбург.

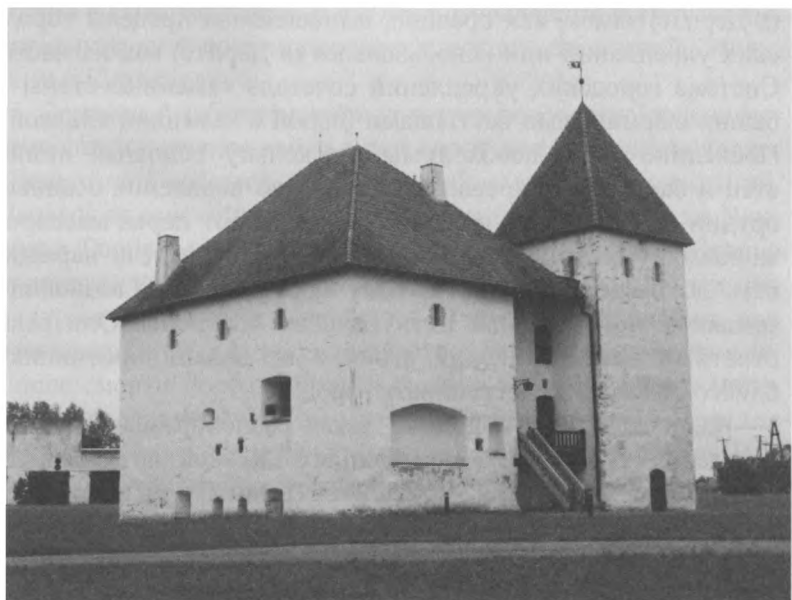
менах. Здесь заседал орденский капитул. Здесь умер в 1535 г. последний выдающийся магистр ордена Вольтер фон Плеттенберг. Венден сыграл большую роль в заключительных боях Ливонской войны: в 1577 г. его взяли русские. Рассказывает ливонский хронист Б. Рюссов: «После этого великий князь в Цесисе с женами и девами сотворил такие постыдные и ужасные дела, каких не слыхано ни у турок, ни у других тиранов. Мужчин хлестали кнутами и, раненых и окровавленных, жгли на огне. У одного бургомистра вырвали сердце из груди и у одного пастора [Иоганна Шнелля] язык из рта. Остальных замучили ужасным образом, и их трупы, так же как под Кокнесе и Эрли, бросили на корм птицам, псам и хищным зверям и не позволяли их похоронить». В декабре 1577 г. внезапной атакой польский отряд вместе с немецкими наемниками взял Венден. Русские в 1578 г. пытались его отбить, встали осадным лагерем, но в октябре польско-ли-

товско-шведскими войсками лагерь был захвачен, потеряна вся осадная артиллерия. Это знаменовало перелом в Ливонской войне. Сохранилась легенда, что русские пушкари, не желавшие сдаваться в плен, повесились на стволах своих орудий.

Среди других резиденций магистра следует назвать Феллин (совр. Вильянди). Известен с 1223 г. Именно здесь в 1217 г. произошла решающая битва эстов с рыцарями. Замок представлял собой интересное архитектурное сооружение — он был расположен на трех холмах. Разделявшие их рвы были перекрыты поперечными каменными стенами. В случае нападения крепость подразделялась на три военных центра, каждый из которых надо было штурмовать по отдельности. Феллин оказался знаменит в годы Ливонской войны. Здесь был пленен предпоследний магистр ордена Вильгельм Фюрстенберг. Под Феллином в 1560 г. воевал боярин князь Андрей Курбский, будущий первый русский политэмигрант и диссидент. Именно в этой крепости отбывал ссылку знаменитый временщик Ивана Грозного А. Ф. Адашев, сосланный на ливонский фронт.

В первой половине XIII в. началось возведение датчанами Нарвского замка. Он неоднократно перестраивался и к описываемым в нашей книге временам представлял собой четырехугольный замок-кастель с башней Длинный Герман, с высоты которой простреливался весь правый берег реки Наровы, принадлежавший русским. Нарва долгое время была самым восточным замком Ливонии и всего германского мира, ключом к Прибалтике. Захват Нарвы считался одним из главных успехов Ивана Грозного в Ливонской войне, и при окончании войны царь был готов отдать какие угодно земли, чтобы удержать Нарву за собой. Но уступок не понадобилось: в 1581 г. замок взяли шведы, и последующие знаменитые страницы истории Нарвы связаны уже с именами Петра Великого и шведского короля Карла XII.

Кроме крупных орденских и епископских замков, Ливония была покрыта сетью вассальных замков. Это по сути большие укрепленные дома или боевые башни в несколько

Вассальный замок в Путсе.

этажей. Они принадлежали местным землевладельцам — вассалам ордена. Это были их резиденции и усадьбы.

Такие замки сохранились плохо — будучи центрами усадеб, многие из них попали в состав имений остзейского дворянства, и их перестроили под облик имений XVIII—XIX вв. Но уцелело несколько башен — под Таллином стоит «Монашеская башня» (*Munga Torn*), принадлежавшая Фабиану фон Тизенгаузену и построенная в 1517 г. На берегу р. Пыльтсамаа находится четырехэтажная башня Вао, известная с 1442 г. и принадлежавшая роду Вак. Вао — наиболее адекватно сохранившийся вассальный замок. На разных этажах располагались склады, жилые помещения для воинов, покои господина и т. д.

Кроме замковых укреплений, крепостные сооружения возводились вокруг крупных городов — Риги, Дерпта, Ревеля и др. Орденский (в Риге и Ревеле) или епископский

(в Дерпте) замок, как правило, выносился за пределы городских укреплений или использовался (в Дерпте) как их часть. Система городских укреплений сочетала каменные стены и башни с земляными бастионами (порой с каменной кладкой). Последние были необходимы, поскольку основная линия стен и башен формировалась в эпоху до появления осадных орудий. Никакая каменная кладка не устоит перед массивным пушечным огнем, а толщину стен нельзя наращивать до бесконечности. Поэтому перед стенами возводили земляные четырех- или пятиугольные бастионы. Они вели ответный артиллерийский огонь и не давали противнику близко подойти и обстреливать город.

Надо сказать, что именно такая разнообразная система городских укреплений, оснащенных сильной артиллерией, оказалась в XVI в. наиболее эффективной против русского наступления. Ни Ригу, ни Ревель войска Ивана Грозного взять так и не смогли (хотя Ревель выдержал две очень крупные осады, в 1570 и 1577 гг.). Крепость Ревеля (совр. Таллина) сегодня считается лучшей сохранившейся средневековой крепостью в странах Северной Европы.

Кто такие ландесгерры?

«Ландесгеррами» — «господами, хозяевами земли» — считались обладатели суверенитета на определенной территории, на которой они занимали самое высокое положение во властной структуре. В случае с Ливонией, ландесгеррами выступали сам Немецкий орден, архиепископ Рижский и епископы (Дерптский и Эзельский). Собственно, вся внутренняя история Ливонии от рождения до гибели — это история борьбы и противостояния «хозяев земель» между собой: архиепископа, епископов и ордена.

История церковных институтов в Ливонии ведет свой отсчет от времени нахождения на Рижской кафедре епископа Альберта (1199—1229). Явившись в 1207 г. ко двору короля Германии Филиппа Швабского (1198—1208), он получил Ли-

вонию в качестве имперского лена. Впоследствии титулы имперских князей получили также епископы Дерптский, Эзельский и Курляндский.

Епископ Альберт приложил руку к основанию ордена меченосцев и надеялся найти в нем опору для церкви,⁸ но последующий ход событий показал ошибочность этих ожиданий. Первый ливонский магистр, которым был Веннон или Виннольд Рорбах, жил в Риге на подворье Св. Георга (Юрьevo подворье), но потом переселился в Венден, ставший с тех пор центром орденского управления. В этом перемещении, как нам кажется, нельзя не увидеть стремления к независимости. После смерти Рорбаха братия спешно выбрала нового магистра, не советуясь по этому поводу с епископом. Поводом для начавшихся разногласий послужили завоеванные земли. Выделив, причем крайне неохотно, в пользу ордена треть ливонских земель, епископ не соглашался признать права ордена на такую же долю в будущих приобретениях, аргументируя это тем, что не может дать того, чем сам не владеет.⁹

Отношения в Ливонии еще более осложнились, когда в 1237 г. произошло объединение ордена меченосцев с Немецким орденом. Тем самым Ливония образовывала отдельную орденскую провинцию. Первый ливонский магистр был одновременно и верховным магистром. Последующие ливонские магистры получали утверждение в должности от главы ордена. Однако в Ливонии рижский епископат пытался участвовать в этом процессе, но это были скорее претензии, нежели реальность. Со временем сложилась весьма пестрая картина владений и ордена, и епископата.

В 1250-х гг. происходит ликвидация недолго существовавшего епископства Земгальского (ок. 1217—1251). Взамен было учреждено Рижское архиепископство. Его официальный статус был подтвержден в 1255 г. папской буллой «*Primatum cathedras*» от имени Александра IV. Во вновь учрежденную митрополию входили несколько епископств. Примечательно, что это были не только ливонские епископства, но и четыре прусских (Кульмское, Помезанское, Варминское и Жемайтское). Кроме того, в фактическом ведении

архиепископа также находилось ревельское епископство, еще формально зависимое от архиепископа Лунда. Но возникла одна проблема, по крайней мере в отношении Пруссии. На этой территории церковные институты были постепенно инкорпорированы в Немецкий орден (кроме епископства Вармийского). Замещение вакантных епископских кафедр находилось в зависимости от ордена. Иногда подобная сложность взаимоотношений служила причиной несогласованности при решении тех или иных вопросов. Почти невозможно было определить, кому в том или другом частном случае должен принадлежать решающий голос, что дестабилизировало внутреннюю обстановку в регионе.

Поскольку власть ливонской ветви Немецкого ордена носила несколько иной характер, в отличие от Пруссии, ввиду позиций архиепископа, то со стороны рыцарей предпринимались попытки усилить собственное влияние. Это неизбежно приводило к столкновениям с архиепископом Рижским. Следствием этого, например, стало пребывание архиепископа Фридриха почти все время своего правления (1304—1341) в изгнании, при Папской курии, в Авиньоне.

Церковь в долгу не оставалась. В 1311 г. в Ливонию прибыл папский легат Франческо де Мольяно с поручением выслушать свидетельства по жалобам на Немецкий орден.¹⁰ Ему был предоставлен список, состоявший из двухсот тридцати жалоб. Предметом некоторых из них, например двадцать пятой, было завоевание Поморья. До сведения папы было доведено, что братья ордена напали на землю князя Краковского и Сандомирского, то есть короля Польского. Эта жалоба сама по себе не имела для духовно-рыцарской корпорации никаких последствий, но служила определенным предостережением. Ведь именно в это время был упразднен орден тамплиеров при прямом участии римского папы. Имеются свидетельства, что планы ликвидации также имелись в отношении Немецкого ордена. Возможно, не последнюю роль в этих интригах играл архиепископ Рижский, пребывавший в то время в Авиньоне.

Противоречия между ливонским магистром и архиепископом не были исчерпаны к концу XIV в., что подтвердили

события на исходе лета 1388 г. Десятого августа этого года Герман фон Юкскуль передал родовой замок Икскуль (совр. Икшкиле) в залог Немецкому ордену за 4000 рижских марок. Для ордена это было стратегически важное приобретение, поскольку оно позволяло контролировать бассейн Западной Двины.

Сюзереном Германа фон Юкскуля являлся архиепископ Рижский. Без его разрешения фон Юкскуль не мог распоряжаться замком. Чтобы избежать осложнений, он предложил часть закладных денег архиепископу, как если бы они были взяты для него. Последний отказался и стал протестовать против самого факта заклада владения, пригрозив поднять этот вопрос в папской курии в случае, если вассал ему не подчинится. Тогда верное фон Юкскулю рыцарство коллективно объявило себя свободным от клятвы верности епископу.

Архиепископ Иоганн (фон Зинтен) отправил жалобу в папскую курию, следствием чего стала булла Бонифация IX от 10 июля 1391 г. Согласно ей, любое отторжение лена лицом или общиной без согласия господина невозможно. Но вот тут и сказалась отдаленность Ливонии от «христианского мира»: рыцари не желали подчиняться булле, и заставить их было трудно. Архиепископ предпочел ретироваться из Ливонии в Любек, откуда уже не вернулся.

Магистр тем временем через фогта Вендена пожелал собрать рыцарство для компетентного решения этого вопроса. 19 февраля 1391 г. было вынесено определение, согласно которому «в Ливонии с незапамятных времен вассал в случае нужды, если пребывал в бедности, мог заложить свой лен соседу или иному лицу без согласия на то своего господина». Это решение могло усилить орден и подорвать позиции церковных ландесгерров, из рук которых теперь уходила земельная собственность.

Поворотным временем в истории отношений между орденом и Рижским архиепископом стал конец XIV в. Папа Бонифаций IX издал в течение 1394—1397 гг. ряд булл в пользу ордена, согласно которым архиепископство было включено в духовно-рыцарскую корпорацию. События могли бы пойти

по прусскому варианту, где орден фактически подчинил себе епископства. С этого момента все церковные должности и места должны были замещаться только лицами, принесшими ранее орденские обеты. В образе жизни духовенство отныне должно было руководствоваться правилами орденского статута, а не уставом св. Августина, как прежде, и должно было носить орденские облачения.¹¹ Отныне архиепископскую кафедру мог занять только представитель орденской братии.

Однако издание этих булл не имело никакого практического результата. Теперь уже духовенство воспользовалось отдаленностью Ливонии и невозможностью для папского престола строго контролировать исполнение своих решений. Недовольное подчинением Немецкому ордену, духовенство стремилось к восстановлению прежнего порядка. Начавшаяся по этому поводу борьба осложнялась еще и тем обстоятельством, что орден, чрезмерно усилившись, встретил враждебное отношение со стороны ливонских сословий.

В первой половине XV в. постепенно формируется временное равновесие сил между магистром и епископской властью. В этом процессе определяющую роль играл внутрисполитический кризис Немецкого ордена. С 1420-х гг. ему приходилось идти на компромисс с представителями сословий. Но сложность взаимоотношений между церковными и орденскими институтами отчетливо проявилась во второй половине XV в. В значительной степени этому способствовал архиепископ Рижский Сильвестр Стедевеер (1448—1479). Он вступил в союз с магистром, имея целью сократить вольности города Риги. Для этого стороны пришли к компромиссу: с 1452 г. город управлялся одновременно и орденом, и архиепископом.¹² Но затем, примирившись с бюргерами, Сильвестр кардинально изменил вектор своей политики, выступив их союзником уже в борьбе против ордена.

Борьба вновь обострилась после 1466 г., когда Немецким орденом в Пруссии был подписан Второй Торуньский мир, в значительной степени подорвавший влияние духовно-рыцарской корпорации принесением вассальной присяги поль-

ской короне. Ливонская ее ветвь осталась в стороне, настояя на своей независимости и не ощутив на себе прямых последствий подписания невыгодного договора.¹³

Однако, рассчитывая на слабость ордена, архиепископ Рижский вновь поднял спорные вопросы. Не последнюю роль сыграл вассал епископа Курляндии и пилтенский штифтфогт Генрих фон Сакен, отстаивавший интересы церкви. Только потенциальная угроза нападения Московского государства в 1479 г. заставила стороны согласиться по многим пунктам. Они договорились, что церковные должности в штифтфогтствах (аналог фогтства, только на территории епископства, которое зачастую именовалось словом «Stift») будут занимать только представители орденового духовенства. Начались переговоры о возведении ливонских епископов в имперские княжеские сословия, и епископ Курляндский, имевший резиденцию в Пилтене, в 1520 г. получил в итоге титул имперского князя.

Время нахождения на Рижской кафедре архиепископа Гаспара Линде (1509—1524) было периодом, когда в Ливонии между магистром и церковными институтами соблюдался компромисс.¹⁴ В начале 20-х гг. XVI в. наметилось нарушение достигнутого баланса, причиной чему послужило распространение евангелического учения. Первый намек на начинающееся религиозное движение в Лифляндии обнаруживается в письме Бланкенфельда из Берлина, датированном июнем 1518 г. В нем он убеждал не изменять старой церкви, а напротив, всеми силами поддерживать ее.¹⁵ По его совету местные прелаты съехались в конце июля 1521 г. в Роннебург и обсудили церковные вопросы, также дела относительно управления, находившиеся в ведении епископов. Собрание постановило, что надлежит читать и разъяснять папскую буллу об отлучении Лютера во всех кафедральных соборах и строго исполнять все предписания римского понтифика. На первом этапе конфессиональный вопрос не вызвал бурных дискуссий.

Однако ситуация была временно дестабилизирована конфликтом по другому вопросу, имевшему на тот момент важ-

ное значение для местного рыцарства. Речь шла о наследственном праве. Представители рыцарства тяготились одним из его положений — так называемой *upbedinge*, то есть обязанностью не закладывать и не продавать своих поместий, не предложив их в первую очередь своему сеньору, которым в данном случае являлся либо архиепископ, либо епископ, или не получив от него формального разрешения. Данная практика, как можно заметить, существовала уже не одно столетие.

На Вольмарском ландтаге в июне 1522 г. прения по этому вопросу приняли настолько острую форму, что епископ Эзельский выразил свое несогласие, покинув собрание до его закрытия. Все ожидали от епископа Дерптского такого же решительного сопротивления, но он, ко всеобщему удивлению, объявил, что освобождает своих вассалов от *upbedinge*.

В декабре 1522 г. архиепископ Гаспар Линде также дал своим вассалам новую привилегию, по которой освободил их от *upbedinge*, а в августе 1523 г. уже утвердил постановление, принятое в марте тридцатью пятью его вассалами в Лемзале. В силу этого постановления их земли не должны были переходить к тем семействам, которые получили свои поместья *zu Samender Hand*.

Епископ Эзельский Иоанн Кивел, первоначально отказывавшийся идти на уступки своим вассалам, вынужден был сделать это после Ревельского ландтага (17—24 июля 1524 г.), в котором приняли участие также вассалы ордена Гарриен-Вирланда, архиепископские и дерптские, и представители городов Риги, Ревеля и Дерпта. Съезд решил принудить епископа освободить вассалов от *upbedinge*. Кроме того, было объявлено, что все бывшие на нем согласились отстоять святое Евангелие и пожертвовать для этой цели жизнью и имуществом. Под впечатлением этого решения в епископстве Эзельском отказались платить церковные подати. С другой стороны, дерптский епископ Бланкенфельд предоставил своим вассалам широкие привилегии. И, наконец, епископ Эзельский тоже уступил и отменил 15 декабря данную практику. Формально он даже обещал не препятствовать церков-

ным нововведениям. Посредством таких уступок вопрос отношений между сеньорами и вассалами был временно решен.

Следующим шагом к ограничению роли церковных ландесгерров стало дело Бланкенфельда 1525 г. Недавно избранный новый архиепископ Ливонии отказался от своих прав на Ревель, оставив за собой епископство Дерптское. Такой выбор им был сделан, исходя из политических интересов. Дело в том, что епископ Ревельский не был ландесгерром, как, например, епископ Дерптский. В качестве духовного судьи он имел власть над священниками и монахами, но не над бюргерами. Его полномочия не распространялись полностью и на монашеские общины, поскольку часть из них подчинялась напрямую цистерцианцам или доминиканцам. Он не имел большого влияния на избрание священников и выделение стипендий клирикам, только провозглашая решения городского магистрата и совершая необходимые процедуры конфирмации. Такой широкой церковной автономией город пользовался благодаря любекскому праву, приложение к которому, касающееся церковных вопросов, было разработано епископом Йохансеном в 1284 г. после переговоров с городским советом Любека, а также по причине своего подчинения Ганзетагу, в качестве члена Ганзейского союза.

Дерптские вассалы отказались признавать Бланкенфельда своим сеньором. Помимо этого, Дерпт сделал магистру предложение установить с ним те же отношения, какие имелись у магистра с Ригой, но Плетенберг его отклонил, а на Вольмарском ландтаге в феврале 1526 г. поддержал архиепископа. Результатом стало согласие епископов от своего имени и от имени своих вассалов присягать магистру как своему сеньору, исполнять все обязанности вассалов. Плетенберг брал на себя все обязанности верховного сюзерена. Бланкенфельд, сверх того, обязался не предпринимать никаких враждебных действий против Риги, подчиниться приговору третейского суда относительно вознаграждения, которое полагалось магистру за понесенные им убытки, и ходатайствовать перед папой и императором об утверждении этих постановлений.

Неизвестно, куда бы завела история ливонских ландесгерров, но во второй трети XVI в. прибалтийская церковь оказалась вовлечена в орбиту Реформации, а затем в ходе войны погибла и сама Ливония. Католическая церковь потеряла свои владения в Юго-Восточной Балтике.

Ливонское рыцарство

Рыцарство играло важную роль в Ливонии, являвшейся неотъемлемой частью средневековой Европы. Это обусловило перенесение на этот регион правовой системы вассально-ленных отношений. Применимо к этой части населения использовался термин «знать» (*nobiles, Adelschaft*). Ее представитель становился вассалом (орденским, архиепископским или епископским) после получения им земельного владения (лена), который можно было получить через пожалование. Лен передавался одному или нескольким лицам в совместное владение. Владелец не только получал доходы с лена, в его юрисдикции был суд над крестьянами. Если ландесгерр, в нашем случае магистр или епископ, менялся, то вассал должен был получить от него продление договора. Первоначально право наследования было ограничено. Наследовать могли только представители мужского пола, однако в Гарриене и Вирланде наследниками могли выступать члены рода до пятого колена. С 1457 г. эта практика будет распространена и среди вассалов архиепископа.

Важной привилегией вассалов в Ливонии, как и в остальной части империи, было то, что они не подлежали наказанию без суда, причем суда знати, суда равных себе. С них не взимались налоги. Вассал должен был нести конную службу (*Rofßdienst*) и выставить и вооружить определенное количество воинов. Вассалы главным образом были выходцами из Священной Римской империи, в большинстве своем из Вестфалии и из Нижней Саксонии. Однако в Гарриене и Вирланде были и потомки рыцарей, прибывших сюда с других территорий. Например, есть упоминания, что в XIII в. сюда при-

езжали представители низшего рыцарства, происходившего из Шлезвига и Гольштейна, территорий, входивших в ту пору в сферу влияния Дании.

Помимо дарования лена как акта взаимодействия с отдельным вассалом, ландесгерр должен был обозначить свое отношение к рыцарству как сословию. Это проявилось в подтверждении привилегий. Например, перед съездом сословий на Вольмарский ландтаг 1530 г. рыцарство Гарриен-Вирланда договорилось с эзельским и дерптским рыцарством в Валке, что они не будут препятствовать действиям коадьютора архиепископа Вильгельма Бранденбургского, если он подтвердит их права. В случае нарушения последним своего слова представители знати выступят против него. Ввиду этого, по их мнению, необходимо было письменное обещание Вильгельма. На следующий день после урегулирования этого вопроса, в начале октября 1530 г., рыцарство присягнуло на верность Вильгельму. Позже, в декабре этого же года, во время пребывания магистра в Лемзале, вассалы заявили ему, что даже в случае вооруженного конфликта будут держать сторону своего сюзерена и коадьютора.

В 1525 и 1526 гг. Вольтер фон Плетенберг подтвердил старые привилегии рыцарства Гарриена и Вирланда на «вечные времена», именуя его *freie ritter undt knechte*. Магистр не только подтверждал все прежние права сословия, но и обещал им свою полную поддержку и защиту их земель. С одной стороны, он выступил в этой ситуации как глава духовно-рыцарской корпорации, а с другой — как светский сюзерен, имперский князь, получивший этот титул от императора Карла V.

Если обратиться к привилегиям магистра, то можно заметить, что по сравнению с 1515 г., когда были подтверждены права рыцарства совместно с главой рыцарской корпорации и ревельским епископом, существенных дополнений не произошло. Права и свободы гарантировались одинаковым образом. Если же говорить о привилегии 1525 г., то она примечательна тем, что была дарована накануне секуляризации орденских владений Пруссии. Об этом говорит упоминание

в тексте привилегии гарантий, в том числе со стороны верховного магистра и конвента духовно-рыцарской корпорации. Позже, начиная с 1526 г., когда Плетенберг получил титул имперского князя и когда *de facto* и *de jure* орден в Ливонии получил значительную автономию, подобных ссылок на верховного магистра не встречается. Такая практика относится и к привилегиям остальных магистров — Германа фон Брюгеннея и других.

Привилегия, дарованная в 1538 г., примечательна расширением прав рыцарства. В частности, был определен день выплаты компенсаций — день св. Иоанна Крестителя, а также сроки организации заседаний по спорным правовым вопросам в среде аристократии. Фогт Везенберга должен был организовывать подобные собрания в течение года в любое удобное время. В отличие от него, ревельский комтур должен был созывать собрания один раз в три года по требованию представителей рыцарства.

Судя по всему, решение спорных вопросов на специальных заседаниях или судах стало результатом произошедших столкновений между бюргерством и некоторыми представителями элиты двумя годами ранее, на чем мы остановимся ниже.

Своеобразным апофеозом сословной политики ордена и вместе с тем триумфом ливонского дворянства стало появление знаменитой «Красной книги» в 1546 г. В этот год, с согласия магистра Германа фон Брюгеннея, одним из представителей рыцарства Вольфгангом Шеффелем была создана «Книга права» (*Rechtbuch*), получившая из-за цвета переплета название «Красная книга» (*Rothe buch*). В ней были собраны все привилегии Гарриена и Вирланда за предыдущие столетия, начиная с XIII в. Тем самым возник настоящий корпус сословного права, подытоживавший длительное развитие дворянской корпорации. В ее создании также участвовали Иоганн Таубе из дома Маарт, Бруно Веттберг, Рейнольд фон Розен, Герман Анреп, Клаус Мекц и Лоренц Ферзен от Гарриена, а от Вирланда — Якоб фон Левинвольде, Отто Таубе цу Котель, Петр фон Тизенхаузен, Туве Бремен, Герман Ло-

де Ассерн и Роберт фон Гильфен.¹⁶ К сожалению, текст книги был утрачен в XIX в.

В начале 50-х гг. XVI столетия практика подтверждения прав рыцарства являлась одним из направлений внутренней политики магистров.¹⁷ В 1550 г. Иоганн фон дер Реке подтвердил границы владений рыцарства. Генрих фон Гален в 1552 г. урегулировал вопрос военных обязательств рыцарства. В его привилегии было оговорено, что владельцы разоренных земель могут в случае необходимости ограничиваться выставлением только конницы. От обеспечения пехотой они освобождаются.

Помимо этого, в приведенных документах оговаривалась процедура суда над представителем рыцарства. В первую очередь рассматривались проступки, требовавшие наказания в случае, если вина доказана. В привилегии фон дер Реке к таковым относилось только «уклонение от службы», но в аналогичном документе фон Галена — также «государственная измена». Несмотря на серьезность обвинений, особенно в последнем случае, процессуальный характер рассмотрения дела и наказание, которому подвергался виновный, также говорит о значительных уступках магистра своим вассалам в лице рыцарства. На это указывает тот факт, что дело должно было слушаться на ландтаге и, если обвиняемый признан виновным, то наказанием (в том числе в случае измены) являлся штраф. Если вина не была доказана, то лицо, выдвинувшее обвинение, подвергалось симметричному наказанию. С него также взимался штраф.

Однако взаимоотношения между рыцарством и орденом нельзя назвать безоблачными. Периодически возникали трения, связанные с правом, по которому было возможно возвращение ленного владения ландесгерру. Здесь можно привести два примера, относящиеся к XVI в. Они весьма показательны при анализе характера взаимоотношений между сюзереном и вассалом в Ливонии в это время.

В 1513 г. вассал ордена в Гарриене, рыцарь Герман Зойе, посчитав, что его права не соблюдаются, обратился к датскому королю. Следуя старому обычаю собственной защиты, он,

тем не менее, нарушил обязательства перед магистром Плеттенбергом от 1510 г., за что был приговорен к высшей мере наказания.

Одновременно магистру донесли, что Зойе стремился к укреплению своей власти, из-за чего и был предан в Феллине суду и приговорен к смерти. Однако, по ходатайству рыцарства, он был помилован, потеряв при этом свой лен.

Второй случай связан с Юргеном фон Унгерном, владельцем имений Пуркель и Виттенфельд в Вике, принадлежавших влиятельным наследным семействам в первой трети XVI в. Он был возвышен как сторонник Вильгельма, маркграфа Бранденбургского и в конце 1533 г. отправлен посланником к императору Священной Римской империи от имени Вильгельма, чтобы получить для него регалии и привезти в Ливонию. Позже мы встречаем фон Унгерна в Праге, при дворе римского короля Фердинанда. И, хотя ходатайство было тщетным, тем не менее эта поездка увеличила его влияние, и 7 февраля 1534 г. он получил титул фон Пуркель. На обратном пути из Рима в Падую зимой этого же года он скончался. Между тем перспективы Вильгельма в Ливонии постоянно ухудшались. На Вольмарском ландтаге 1534 г. сословия призвали Вильгельма отказаться от Эзеля. Напрасно он пытался сохранить свои привилегии.

Весной 1534 г. Вильгельм собрал капитул, и дворянство Эзель-Вика признало его власть. В это же время, ввиду отсутствия Унгерна, архиепископ Шеннинг изъял двор Пуркель. Маркграф Бранденбургский поддержал вдову Унгерна. Архиепископ в письме от 21 апреля 1535 г. обещал «оказать ей милость» (*der frawen zu gnaden*) и поднять вопрос о вынесении решения данного вопроса на общем совете. 26 октября 1535 г. архиепископ снова согласился подтвердить законность и обоснованность претензий вдовы Унгерна Годеле Хастфер и ее детей, а в 1540 г. ему удалось их реабилитировать перед Вильгельмом, который подтвердил, что владения пожалованы фон Унгерну от архиепископа Шеннинга.

Рыцарство общалось не только со своим сюзереном, но и друг с другом, что не могло не приводить к судебным тяж-

бам. Роль судебной палаты второй инстанции в Гарриен-Вирланде с 1282 г. исполнял т. н. ландесрат, именуемый также рыцарским судом. Первоначально он проходил под председательством королевского поверенного, а с орденского времени — ревельского комтура и фогта Везенберга.¹⁸ По этому прототипу в каждом епископстве был создан епископский совет (*Stiftsrat*). Этот орган являлся высшим административным учреждением. В Эзеле его возглавлял епископ. Такие институты выполняли главным образом роль апелляционных органов (*Berufungsinstanz*).

Ландесрат Гарриен-Вирланда, как общая судебная инстанция, известен уже с конца XIII в. К этому времени относится образование маннтага, изначально обладавшего только судебными полномочиями, но использовавшегося и для решения внутренних вопросов. Позже их урегулирование осталось за ландтагом. Официально подобные собрания открылись в 1418 г. в Вальке, Вольмаре, Пернау, Феллине. Для рыцарства наибольшее значение имела возможность представлять свои интересы в 4 отдельных коллегиях.¹⁹ Таким образом, к первой половине XV в. уже можно говорить о сословно-представительном характере рыцарства Эзеля и Гарриен-Вирланда.

Положение рыцарства во многом зависело не только от возможности представлять свои интересы на ландтагах, но и от характера ленного права. Изначально полномочия ливонских вассалов в вопросах продажи или залога лена были также ограничены их сюзереном. Ограничения касались как объекта, так и субъекта ленного права. Юридическое положение последнего зависело от того, имел он наследников или нет. Что касается статуса объекта (в данном случае лена), он мог быть наследным, дарованным или находиться в совместном пользовании.

Здесь можно провести некоторое сравнение ливонского и саксонского права. Для последнего была характерна возможность отчуждения лена вассалом (продажа или ее заклад) лишь с согласия сюзерена. Это, видимо, было связано с тем, что при продаже господин не хотел иметь дело с нежела-

тельным для него лицом, а в случае передачи лена за долги вставал вопрос, сможет ли отчуждатель должным образом выполнять ленную службу. При этом было не важно, имел вассал наследников или нет.

Например, вассал епископа, имевший лен в Эзель-Вике, или его вдова, получавшая пожизненную ренту, могли заложить его без согласия своего сюзерена лишь в случае крайней необходимости. Обоснование выглядело следующим образом: возвращение владений бездетного вассала или его вдовы обратно господину могло сказаться на будущем статусе лена. Отчуждение вопреки запрету или без ведома сюзерена считалось изменой. Даже если вопрос решался через суд, то, как правило, в пользу сюзерена. Подобная практика играла роль, в том числе, и как способ борьбы с расширением владений соседнего рода.

В Гарриен-Вирланде подобной практики не встречалось, что, возможно, связано с подчинением не церковным институтам, а орденой корпорации. После покупки этой территории орденом, чтобы заручиться поддержкой рыцарства, великий магистр Конрад фон Юнгинген 13 июля 1397 г. даровал землям Гарриен-Вирланда привилегии, расширяя право наследования, при котором владение могло передаваться всем представителям рода, как по мужской, так и по женской линии. В случае если прервалась старшая, то лен переходил по наследству к другим представителям семейства, вплоть до пятой боковой ветви.²⁰ Это именовалось гарриенским, или вирским, правом. Другим этапом стала отмена в 1457 г. Иоганном фон Мегде обложения поместий указанных земель военными налогами.

Впрочем, постоянное и все более масштабное подтверждение прав и привилегий выступало лишь одной из форм укрепления сословных позиций рыцарства. Все более явственным становилось формирование сословно-корпоративного самоуправления на уровне провинции. Четкую вертикаль приобрело представительство на местах. В начале конфессиональной эпохи на вершине рыцарской пирамиды каждой территории появляется глава рыцарства (*Ritterschaftshaupt-*

танн): в Эзельском епископстве таковой пост существовал с 1527 г., в Гарриен-Вирланде — с 1557 г. Эта должность включала главным образом представительские функции не только в рамках ландтага, но и иных переговорных процессов.

В Эзеле глава рыцарства и еще 9 дворян участвовали в заседаниях епископального совета — штифтрата. Это стало результатом компромисса между епископом и его вассалами. Дело в том, что последние утверждали, что епископ при вступлении в должность клятвенно им обещал снять запрет апелляций на ландтаге и подтвердить их прежние права и обычаи. Епископ же говорил о неуважении к своей персоне, о неподобающих речах лидеров рыцарства Отто Юкскуля, Берндта Оведакера, Дирика и Лоренса Фаренсбахов на ландтаге 7—10 июля 1520 г. Когда епископ отказался от апелляции, то представитель рыцарства от имени всего сословия отозвал данную ему присягу. Временному урегулированию способствовали два фактора — вмешательство магистра Вольтера фон Плетенберга и чума 1520 г. Позже, впрочем, споры разгорелись вновь, и только после Вольмарского ландтага 1522 г. епископ Линде пошел на уступки, подтвердив впоследствии данные ранее привилегии.

Непростые отношения складывались не только внутри одного сословия, но между сословиями и городами. Если мы говорим о XVI в., то особенно ярким примером выступают взаимоотношения между Ревелем и рыцарством Гарриен-Вирланда. Причиной могли быть как религиозные сюжеты, так и правовые. Что касается первого случая, то, например, в 1524 г., когда в городе начал распространяться протестантизм, рыцарство отправило своих представителей изложить магистру Вольтеру фон Плетенбергу свои претензии к Ревелю относительно посягательств на католическую веру, описывая поведение бюргеров с отрицательной стороны, что вполне объяснимо. Магистр отправил городу послание, завершив его следующим образом: «...депутаты усердно просили нас принять в этом деле целесообразные меры, чтобы положить конец такому соблазну, а злодеи понесли наказа-

ние, поскольку их поведение противоречит божественному и общественному порядку...»²¹ Плетенберг обратился к ревельцам с призывом вернуть монахам их имущество и не чинить препятствий их проповедям. Эффект оказался обратным. Бюргеры ворвались в главный монастырь, а также разорили церкви Св. Духа и Св. Олафа.

Многие правовые вопросы, как и общая внутрививонская ситуация, обсуждались на местных ландтагах.

Сословно-представительные собрания*

Первая попытка организовать собрание сословий в Ливонии на регулярной основе была предпринята в 1422 г. Хотя сословия собирались и раньше, теперь была предпринята попытка сделать эти собрания ежегодными.²² Предполагалось, что место и время проведения ландтага будет определено архиепископом Рижским в согласии с другими ландесгеррами. Это было важным компромиссом между архиепископом и ландмайстером Немецкого ордена. Однако зафиксированные в процессе положения не принесли результата. Последующие годы показали, что такое согласие могло быть достигнуто лишь при наличии баланса власти между двумя ландесгеррами. Перерывы между ландтагами могли быть значительными: 1495—1498 и 1504—1507, 1508—1512, 1526—1530. Тем не менее, считается, что именно ландтагу Ливонская конфедерация обязана своим существованием. Местом собрания сословий в начале декабря 1435 г., после битвы под Вилькомиром, на котором было подписано соглашение между ландесгеррами при участии сословий, считающееся основой конфедерации, был Валк (совр. Валга/Валка).²³

Долгое время ливонский ландтаг созывался в разных местах. Каждый раз ландмайстер ордена и архиепископ должны были согласовывать место встречи. В XV в. ланд-

* Раздел написан при поддержке центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

таги проводились, как правило, в малых городах в центре Ливонии — Валк, Вольмар или Венден.²⁴ В XVI в. собирались в Феллине, как, например, в 1534 г. Однако большинство ландтагов проводилось в Вольмаре, особенно с начала XVI столетия. Таким образом, представляется, что архиепископ и ландмайстер пришли в XVI в. к согласию избрать Вольмар местом проведения сословно-представительных собраний. Возможно, этот выбор был обусловлен тем, что город располагал крупным залом совета, церковью, залом гильдии, а также подходящими жилыми помещениями.²⁵

Нерегулярность созывов ландтагов свидетельствует о необходимости наличия политического влияния для организации этого процесса. Так, в остальных землях Империи право созыва ландтага было суверенным правом местного ландесгерра.²⁶ В землях, где в качестве ландесгерра выступало духовное лицо, зачастую для созыва сословно-представительного собрания требовалось согласие местного соборного капитула.²⁷ В случае со светским сюзереном созыв сословий оставался в юрисдикции ландесгерра.²⁸

Несмотря на то что право созывать ландтаг исходило от сюзерена, имеются документальные свидетельства давления на него со стороны с целью организации собрания.²⁹ Иначе обстояло дело с так называемыми маннтагами — собраниями сословий не общеливонского, а локального уровня. Так, в епископстве Эзельском, как и в архиепископстве Рижском, ландесгерры под давлением сословий отказались от своего права созывать подобные собрания, и инициатива перешла в руки местного рыцарства и представителей городов, собиравшихся практически ежегодно, начиная с 1524 г. для решения местных вопросов.³⁰

Общеливонские сословно-представительные собрания созывались исключительно ландесгеррами. Об этом может свидетельствовать наличие часто используемой формулировки в рецессах ландтагов. Во многих из них говорится о том, что архиепископ и ландмайстер *bestimmet* и/или *vorschreven* (определяют, предписывают).³¹ Тем не менее, использование этих формулировок в рецессах и в приглашениях не дает

понимания того, кто был действительным инициатором того или иного ландтага. Это можно предположить, исходя из политической обстановки. К сожалению, корреспонденция между ландмайстером или архиепископом, которая могла бы пролить свет на этот вопрос, практически не сохранилась.³² На основании косвенных источников можно предположить, что если сословно-представительный орган собирался с целью решения внешнеполитических вопросов, то его инициатором, скорее всего, являлся глава духовно-рыцарской корпорации. Если же обсуждались внутренние проблемы общеливонского характера, то архиепископ и ландмайстер могли совместно выступить в качестве организаторов. Однако это могло произойти только в случае равновесия политической власти. События первой половины XVI в., напротив, рисуют многогранную картину, связанную и с политической, и с конфессиональной ситуацией в регионе. В этих условиях ливонский магистр неоднократно выступал в качестве единственного инициатора созыва ландтага.³³ Во многом это было связано с ослаблением власти архиепископа, особенно в конце 20-х—начале 30-х гг. XVI в. Однако даже в этот момент магистр должен был получать согласие архиепископа. Одной из ярких иллюстраций являются события февраля 1530 г. Тогда посланники архиепископа дали магистру понять, что их сюзерен имеет право на участие в назначении даты и места следующего ландтага.³⁴ Это напоминание может свидетельствовать о том, что глава Ордена попытался решить этот вопрос без согласия на это со стороны архиепископа Рижского. В результате неопределенности ситуации созыв ландтага был отложен.

Помимо организации сословно-представительного собрания возникает вопрос: каким образом созывались представители сословий? К сожалению, трудно дать на него точный ответ. С одной стороны, до нас дошел документ, регламентирующий эту процедуру. Это рецесс ландтага 1495 г.³⁵ Согласно ему, архиепископ как глава церковного института в данном регионе приглашал епископов и других прелатов, а магистр — гебитигеров и своих вассалов. При этом лен-

ники архиепископа или епископа не упоминаются. Остается неясным, кто приглашал их. Известно лишь, что в ландтагах участвовали главы рыцарств отдельных земель (*Ritterschaftshauptmann*).

О процедуре созыва ландтага можно судить и по исходящей корреспонденции ландесгерров. В частности, сохранилось несколько приглашений магистра ордена, направленных Ревелю,³⁶ и аналогичное письмо от архиепископа Рижского епископу Эзельскому.³⁷ К сожалению, публикаций таких приглашений, обращенных к сословиям, в особенности к рыцарству, на сегодняшний день не известно. Однако имеющиеся письма позволяют понять приблизительный временной интервал между отправкой приглашения и началом ландтага. Так, магистр отправил приглашение Ревелю за пять недель. В свою очередь, епископ Эзельский в ответном письме архиепископу указал, что не может присутствовать на ландтаге, поскольку получил известие лишь за шесть недель и поэтому ему будет сложно прибыть вовремя.³⁸ Учитывая разницу расстояния, преодолеваемого к началу собрания представителями сословий из разных областей Ливонии, можно предположить, что приглашения высылались в разное время. Однако приведенные примеры показывают, что интервал между отправкой приглашения и началом сословно-представительного собрания мог составлять около месяца (есть свидетельства о приглашениях, отправленных за две недели,³⁹ однако это, скорее всего, исключение).

С одной стороны участники собрания выступали как представители того или иного сословия с его политическими интересами, а с другой — как ленники своего сюзерена, встроенные в вассально-ленную иерархию отдельных земель Ливонии. Роль ландтагов в системе взаимоотношений в этом регионе противоречива. Возникновение данного политического института может свидетельствовать об усилении сословий. Однако обращают на себя внимание нерегулярность его созывов, а также сопряженные с этим сложности, связанные зачастую с необходимостью достижения компромисса между ливонским магистром и архиепископом Рижским.

Кроме того, политическая проблема, внутренняя или внешняя, для решения которой созывался ландтаг, должна была быть достаточно серьезной. Эти доводы могут говорить о незначительном месте ландтага в политической системе Ливонии. Однако невозможность решения многих важных вопросов без созыва сословий свидетельствует о росте влияния последних. Это было обусловлено как важной ролью ганзейских городов и в экономическом, и в политическом смыслах, так и стремлением сохранить или получить поддержку рыцарства ливонских земель. Настоящая потребность была спровоцирована внутренними и внешними политическими процессами. Рост необходимости созыва ландтагов, несмотря на их нерегулярность, может свидетельствовать о высоком значении этого сословно-представительного института в Ливонии первой половины XVI в. Во второй половине этого столетия ландтаг продолжал играть важную роль, несмотря на изменение условий, связанных с трансформацией политического статуса ливонских земель в результате распада Ливонской конфедерации и секуляризации орденских владений. Помимо всего прочего, ландтаг был своеобразным зеркалом социальной структуры средневековой Ливонии, важное место в которой занимали города, особенно ганзейские.

Города и бюргерство⁴⁰

Города и их население являлись важным составляющим элементом социальной структуры Ливонии. Сегодня от бывшего величия осталось не так много, где-то больше, где-то меньше, но меньше, чем хотелось бы. Это плата за богатую историю региона. Однако в современных городах Эстонии и Латвии можно увидеть следы того расцвета — это соборы, как подтверждение могущества не только церкви, но и города, который мог себе позволить возвести не один, а несколько таких величественных зданий, например церкви Нигулисте и Олевисте в Таллинне или Домский собор и церковь Св. Петра в Риге. Немало подобных культовых сооружений можно

встретить и в других городах бывшей Ливонии. Не меньше впечатляют руины Домского собора в бывшем Дерпте (совр. Тарту), оставшиеся со времен Ливонской войны. Характерной чертой помимо готических соборов будут остатки крепостных стен (как, например, в Таллине), ратуша и прилегающая к ней ратушная площадь, а также оставшиеся в некоторых частях городов узкие улочки. На территории некоторых городов можно увидеть бывшие орденские замки, как, например, в Риге, где современная резиденция президента Республики разместилась в здании (безусловно, неоднократно перестроенном) Рижского замка.

Орденские замки находились, как правило, на территории городов, внутри городских крепостных стен. Это служит ярким доказательством того, что некоторые города Ливонии появлялись вокруг замков крестоносцев. При ордене их количество еще больше увеличилось. По соседству с некоторыми бургами выросли торгово-ремесленные посады (*Hakelwerke*), со временем также получившие городское право. Так появились в Ливонии Нарва, Везенберг, Венден, Вольмар, Лемзаль, Виндава, Гольдинген, Рооп, Пернов и др. К началу XV в. здесь насчитывалось около двадцати относительно крупных городов.

В конце XIII в. Ревель получил городской устав, а вместе с ним — самоуправление и автономию. За ним последовали Нарва, Везенберг и Вайсенштейн. Города быстро превратились в новую силу, требуя расширения своих прав и различного рода привилегий. Подчиняясь либо власти ордена, либо архиепископу Рижскому, либо одному из епископов, города стремились к самостоятельности в делах управления и суда. Они имели достаточно широкую автономию, что наложило отпечаток и на формирование городского права. В Ревеле и Нарве было распространено любекское право, в Риге — гамбургское, впоследствии развившееся в собственно рижское. Последнее переняли Дерпт, Голдинген, Газенпот и т. д. И любекское, и магдебургское были образцами средневекового городского права. Но, несмотря на общее сходство, между ними есть и разница в деталях. Любекское право стало формиро-

ваться с приобретением Любеком статуса вольного имперского города в 1226 г. В отличие от него, магдебургское право было своеобразным приспособлением к нуждам городского суда земского права — главным образом «Саксонского Зерцала». Различия между этими правовыми системами состоят в организации органов самоуправления — например, несмотря на то, что любекское право, в отличие от магдебургского, также предусматривает создание скамьи судебных заседателей — шеффенов (*Schöffen*), значительно большая полнота законодательной, судебной и исполнительной власти в городах с любекским правом находилась в руках Совета. Следующее отличие состояло в имущественных правах супругов. Если право Магдебурга рассматривало имущество каждого супруга по отдельности, то право Любека допускало ответственность вдовы должника собственным имуществом и т. д. Кроме того, отчетливо заметно территориальное размежевание. Если в Ливонии было распространено любекское право, то в Пруссии — магдебургское. Отчасти это объясняется тем, что в Пруссии было много выходцев из саксонских земель, которые и привнесли уже знакомые им правовые нормы. Также, несмотря на то что Немецкий орден в Пруссии всячески приветствовал ганзейских купцов, он был противником усиления влияния Любека. В то же время в Ливонии, поскольку основные городские центры входили в Ганзейский союз, то они придерживались норм именно любекского права.

Наличие этих систем права предопределило наличие развитой системы самоуправления. Управление города было сосредоточено в руках магистрата, состоявшего первоначально из 12 человек. Впоследствии их количество увеличилось за счет бургомистров. Изначально магистрат избирался сроком на один год. Его членами были представители местной элиты, однако позже и представители купечества также могли быть избранными на городские должности. Магистрат заведовал всеми важными делами в городе. Это было характерно для большинства средневековых европейских городов. Магистрат отвечал за составление городских постановлений,

принимал участие в создании уставов гильдий и цехов, в ряде случаев определял меры весов т. д. Структуру городского управления можно разобрать на примере Риги. Первой инстанцией по уголовным и гражданским делам был фогт, первоначально избираемый из членов магистрата и утверждаемый архиепископом. Позже, когда на Ригу частично распространилась власть ливонского магистрата, в заседаниях участвовал и представитель ордена, как правило, хаускомтур Риги (т. е. «комендант» рижского замка, принадлежавшего ордену). Второй инстанцией был весь магистрат и третьей — архиепископ и магистр, юрисдикция которых распространялась на Ригу. К моменту распада Ливонской конфедерации и падения ордена судебная власть в этом городе находилась в руках только магистрата. Должность фогта перешла к одному из бургомистров в рамках этого самого магистрата и утратила свою прежнюю независимость.

В остальных городах, как, например, в Ревеле, также игравшем важную роль в жизни Ливонии, прослеживается сходство с этой структурой самоуправления. Ревель, так же как и Рига, управлялся магистратом и сосредотачивал в своих руках как административную, так и судебную власть. В отдельных особо важных вопросах, особенно если они касались внешнеполитической деятельности, этот орган отправлял «запрос» в Любек, что было предусмотрено любекским правом. Одним из образчиков того, что магистрат связывался с правовыми полномочиями, в городе являются две ниши, украшавшие фасад ратуши в Ревеле. В круглой, над главным порталом, размещен герб города с тремя сказочными львами. Дубовый щит из ниши, расположенной под окнами зала магистрата, находится в настоящее время в фонде городского музея, а на его месте на ратуше — копия. Щит имеет трехфигурную композицию: в центре восседает Христос, по сторонам — Богоматерь с Иоанном Предтечей. Изображение, с которым связаны эти образы, крайне примечательно — это Страшный суд, на котором взвешиваются человеческие души. За головой Христа — меч, увитый виноградной лозой. Меч — это атрибут как власти, так и правосудия. Символика

же меча в виноградной лозе более понятна, если вспомнить притчу о садовнике, удел которого был не только сеять, но и удалять больные ветви.

Атрибутом ливонских городов были не только разновидности правовых систем, берущих свое начало из Священной Римской империи. С остальной частью Европы того времени ливонские города роднила социальная организация. Они образовывались в тот период, когда на территории империи уже сформировались объединения, которые мы знаем как средневековые корпорации. К ним относятся и гильдии, и цеха. Каждое из таких объединений имело свой устав, свое управление и собрания для обсуждения важных политических или экономических дел. Было несколько гильдий. Для вступления в большую гильдию требовалось доказать факт приобретения у магистрата местного «гражданства», а также доказать честное происхождение и честное поведение. В эту корпорацию не могли попасть ни ремесленники, ни духовные лица. Новых членов принимали с согласия все остальных. Для вступления в малую гильдию, состоявшую только из цеховых мастеров, требовалось то же самое, а кроме того, еще подтверждение мастера в одном из цехов. Каждая из гильдий управлялась выборными элдерманами и старшинами, которые составляли «совет старшин». Эти советы участвовали в заседаниях магистрата.

Среди ливонских городов важную роль играла Рига, чему способствовало не только благоприятное географическое положение, но и последующее пребывание здесь архиепископского двора. Датой основания города считается 1201 г., когда был возведен каменный собор. Город рос столь интенсивно, что быстро возникла необходимость предоставления ему торговых привилегий, устава для гильдии и т. д. Все это было даровано Риге 20 февраля 1230 г., когда папа решил спор о разграничении полномочий местного епископа и ордена меченосцев, тогда еще существовавшего.

Для понимания характера отношения городов к Немецкому ордену необходимо иметь в виду, что интересы торговцев и ремесленников редко совпадали с интересами ордена, что

Дом гильдии черноголовых в Риге.

привело в 1297 г. к открытой конфронтации. В 1305 г. орден продал свои права и замок, однако параллельно с этим он приобрел у цистерцианского монастыря его владения в Дюнамюнде, что позволяло ему контролировать выход в море. Вместе с тем, магистр развернул дипломатическое наступление. Двадцать третьего апреля 1316 г. ему удалось заключить с архиепископом Рижским и его вассалами договор, направленный против города.⁴¹ В то же время обладание Дюнамюнде, препятствовавшее развитию рижской торговли, послужило причиной открытого конфликта. В 1328 г. рижане фактически объявили войну ордену. Подавлением восстания руководил магистр Эбергард фон Мунгейм, осадивший город в 1329 г. Он, как свидетельствует орденская грамота, состоял в союзнических отношениях с «литовскими сарацинами»⁴² и после шестимесячной осады взял город. В результате в договоре от 30 марта Рига признала над собой

главенство магистра. Город должен был уничтожить грамоту о дарованных ему привилегиях и частично срыть крепостную стену, а также присягнуть на верность ордену, члены которого отныне выступали в качестве судей в спорных вопросах. Неоднократно вопрос об изменении статей договора поднимался на ландтагах в 1374, 1428, 1434 гг.

Во второй четверти XV в. начался очередной виток борьбы между городом и орденом. В 1435 г. рижанами была предпринята попытка захватить замок ордена, однако это предприятие не увенчалось успехом. Во многом это было обусловлено заключением между магистром и архиепископом соглашения, согласно которому они прекращали споры на двенадцать лет. По истечении этого срока в 1447 г. переговоры продолжились и закончились подписанием договора в Кирхгольме 30 ноября 1452 г. Согласно ему, власть в городе была поделена между магистром Иоганном фон Менгденом и архиепископом Сильвестром Стадевеером. Возможно, тот факт, что стороны пришли к консенсусу, был связан с попытками Риги установить связь с Прусским союзом. Спустя два года имели место тайные переговоры между рижским советом, магистром, рижским советом и архиепископом с целью отмены статей 1452 г. Происходили также встречи всех сторон. В результате в апреле 1454 г. Кирхгольмский договор был отменен.⁴³

При следующем магистре, Берндте фон дер Борхе, соперничество за город с архиепископом обострилось, что привело в 1479 г. к вооруженному столкновению, в котором Сильвестр Стадевеер потерпел поражение и был захвачен в плен, где и умер. Борьба рыцарей с городом возобновилась в 1481 г. Новый архиепископ занял сторону ордена. В 1491 г. магистр разбил рижан.

Второй по значению город Ливонии, Ревель, был заложен в 1219 г. предводителем датских крестоносцев королем Вальдемаром II Победоносным. Как город Ревель впервые упоминается в 1238 г. Он пользовался значительной автономией. Многие вопросы внутренней жизни решались в Любеке, а в самом Ревеле было распространено любекское право.

Однако при решении более важных вопросов мог вмешаться магистр. Например, без его согласия город не мог проявлять политической инициативы. Особенно важную роль орден играл в качестве посредника между городом и рыцарством Гарриен-Вирланда. С другой стороны, город, являясь частью Ганзейского союза и имея тесные взаимоотношения с Ригой и Дерптом, имел определенный политический вес и мог оказывать политическое давление на орден.

Вместе с тем, Ревель находился в значительной зависимости от ордена. Ревельский комтур был достаточно влиятельной фигурой во внутриорденских структурах. Периодически он избирался сначала коадьютором, а затем и магистром ордена. Трудно точно описать отношения между городом и духовно-рыцарской корпорацией. В Ревеле ее глава до 1524 г. был только представителем Верховного магистра, а после — прямым сюзереном.

Усилению влияния ордена в городе способствовал союз магистра с гильдией Св. Марии, особенно прочный в начале XVI в. Возможно, эта гильдия имела изначально церковный характер.⁴⁴ В 1508 г. Вольтер фон Плетенберг подарил ей землю под строительство. Во главе гильдии стоял олдермен или магистр. Обязанности же верховного магистра гильдии исполнял сначала комтур, а затем фогт крепости, которому начиная с 1540 г. каждый новый член гильдии был обязан платить 4 рижских марки. Сложно сказать, как повлияли вассально-сеньориальные отношения на социально-политическую обстановку в городе, но стоит заметить, что начиная с XIV в. большая часть семейств города, из которых выбирались ратманы, были выходцами не только из Любека, но и из Вестфалии.

Одним из факторов роста политического влияния ливонских городов было их экономическое положение и принадлежность к Ганзейскому союзу. Еще до завершения военной кампании 1368—1370 гг. Дания и двадцать три ганзейских города, в числе которых была и Рига, подписали Штральзундский мир. Согласно его условиям, подтверждались все прежние и предоставлялся ряд новых привилегий, но уже не

отдельным городам, а Ганзе в целом. Снижались пошлины, ганзейские фогты в Дании получали право высшей юрисдикции, а также Дания не могла короновать своих государей без согласия Ганзы. Вскоре возникло другое препятствие влиянию торгового союза. На сей раз во Фландрии, к которой в 1388 г. была применена блокада. Но, несмотря на ее общеганзейский характер, ливонским городам удалось добиться для себя особых условий, позволявших им продолжать торговать со своими фландрскими контрагентами.

Уже в первой половине XV в. ливонские города Ганзы, в особенности Рига, Ревель и Дерпт, стремились проводить собственную экономическую политику, что во многом было связано с начавшимся упадком Ганзейского союза.⁴⁵ В частности, с 1436 г. торговля с Русью стала осуществляться только через Ревель, Ригу, Пярну и Дерпт, и полностью ими контролировалась. Они стали избегать посредничества любекского отделения и напрямую следовали в Антверпен, а после подписания Утрехтского мира 1474 г. у них появилась возможность прямой торговли с английским купечеством.⁴⁶

В связи с таким влиянием городов важными причинами разногласий между ними и рыцарством были вопросы экономического свойства, обсуждаемые на ландтагах. Можно выделить две основных проблемы — вопрос о поставках зерновых и о достоинстве монеты. Здесь следует вспомнить, что, согласно ландесорднунгу 1422 г., порядок созыва общеливонских сословных съездов ограничивался только представителями ландесгерров.

Важное экономическое значение ганзейских городов обуславливало и серьезную политическую роль бюргерства как сословия. Однако лишь к середине XV в., в период так называемой Валкской конфедерации (1435—1441), рыцарство и горожане стали полноправными политическими игроками в решении внутривнутриполитических вопросов.⁴⁷ Однако на протяжении всего XV столетия политическая роль представителей бюргерства на ландтагах была недостаточно крепкой, чтобы оказывать сколько-нибудь существенное влияние на происходящие внутривнутриполитические процессы.

В XV—XVI вв. важнейшим вопросом ливонской торговли была проблема хождения монет и их веса. Положение рижских талеров было нестабильным не только по отношению к марке чистого серебра (табл. 1), но и к рейнскому гульдону (табл. 2).⁴⁸ В первой половине XVI в. сохранялась аналогичная ситуация. Следует учитывать, что начиная с 1515 г. в Ливонии, кроме мелких номиналов, были также крупные и высокопробные виды монет, что открывало возможности для монетной спекуляции. Сразу вспоминается закон Коперника — Грэшема, идеи которого были высказаны сначала

Таблица 1

**Отношение рижской марки
к марке чистого серебра
во второй половине XV—начале XVI в.**

Год	Соотношение
1460	10:1
1465—1471	12:1
1485—1492	14:1
1494	17:1
1495—1500	15:1

Таблица 2

**Соотношение рейнского гульдена
и рижской марки
во второй половине XV—начале XVI в.**

Год	За 1 рейнский гульден давали рижских марок
1447	1.60
1465	1.75
1468	1.78
1485	2.00
1494	2.15
1500	1.75

Николаем Коперником в трактате «*Monetae cudendae ratio*» в 1526 г., а в 1560 г. Томсом Грешемом. Основная его мысль заключается в том, что лучшие монеты исчезали из обращения, что в конечном счете приводило к ухудшению стопы.

В целом для рассматриваемого периода характерно удорожание серебра (около 68 %). Коррекция содержания металла в монете происходила поэтапно (в 1531—1532 и в 1553—1554) и примерно соответствовала повышению цен на серебро.⁴⁹

В одном из посланий горожане изложили свою точку зрения на данный вопрос. Также считая основной проблемой неверное соотношение между монетами обоих видов, они были не согласны понижать курс золотых денег: «...использовать все возможные пути и средства для того, чтобы обеспечить всю землю обращаемыми деньгами в достаточном количестве, с тем чтобы можно было добиться их размена. Для этой цели много добра и непременную пользу принесет осуществление изменения монет по стоимости рейнского гульдена».⁵⁰

Но магистр и рыцарство продолжали настаивать. В конце 1531 г. Плетенбергом среди предложенных Ревелю вопросов для обсуждения на ландтаге был включен и пункт о необходимости исправить сложившуюся ситуацию в монетном деле. Для обоснования предполагаемого в документе понижения курса золотых монет он ссылался на важность решения денежных проблем для всей Ливонии. Магистр подчеркнул, что вывоз качественных монет не только приносит ущерб правителям, но и приводит к упадку всей экономики в целом. Результатом этого стало решение Вольмарского ландтага 1537 г., согласно которому курс золотых монет был все-таки понижен. В начале 50-х гг. XVI в. предпринимались попытки ввести фиксированную стоимость ввозимого серебра, в частности талеров, а для желающих продавать их русским установить соотношение 1/8 от ввозимого серебра.

Не менее важным предметом спора между городами и рыцарством был вопрос о беглых крестьянах. Особенно он обострился на рубеже XV—XVI вв., когда быстро разви-

валось мызно-барщинное хозяйство.⁵¹ Стоит отметить, что в данном случае значительное влияние оказала правовая система городов. Наибольшее сопротивление рыцарству оказал Ревель, где действовало любекское право, содержащее положение о невыдаче крестьян, проживших в городе более одного года и одного дня. Впоследствии к этой борьбе подключились другие города. Объединение сил городской курии произошло во второй половине 20-х гг. XVI в., что, возможно, было связано с необходимостью отстоять распространявшееся в городах евангелическое учение.

ГЛАВА 3

СТОЛЕТИЕ ДВИЖЕНИЯ ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ. ПУТЬ ЛИВОНИИ К КРИЗИСУ С КОНЦА XIV ДО КОНЦА XV в.

Проигранная битва за Жемайтию

Ливония, как уже говорилось, была частью германского мира, но своего рода островом, который не имел с этим миром общей границы. При взгляде на карту видно, что Пруссию и Ливонию разделяла литовская Жемайтия (по-немецки она называлась Самогития). Из-за этой территорий шла борьба с Великим княжеством Литовским весь XIV и начало XV в. Рыцари пытались «срубить» перешеек и создать объединенную территорию Немецкого ордена на всем протяжении балтийского побережья от Поморья до Финского залива. Жемайты же были категорически не согласны с планами их покорения — на примере множества истребленных представителей племен прусов и ливов было ясно, к чему приводит приход крестоносцев. Ситуация усугублялась религиозным противостоянием: жемайты, как и значительная часть литовских племен, были язычниками. Вместе со своим государством — Великим княжеством Литовским — они воспринимались как объект крестовых походов. Их надо было покорить, сломить, обратить на путь истинный.

«Страшный сон» немецких рыцарей, что Литва примет крещение от кого-то другого, стал сбываться в конце XIV в.

После Кревской унии 1385 г. началось вхождение Литвы в католический мир. Орден активно враждовал и с Литвой, и с Польшей. Он надеялся на победу, поскольку в Литве разворачивалась борьба за власть между польским и литовским королем Ягелло-Владиславом и великим князем литовским Витовтом. Ливония здесь пыталась вести собственную партию, отличную от прусского руководства ордена. А именно — играть на противоречиях внутри Великого княжества Литовского, благо недостатка в князьях с сепаратистскими настроениями в нем не было. И за счет этого укреплять положение и влияние Ливонии.

Полоцкий князь Андрей в 1385 г. заключил с ливонским магистром фон Эльцем договор о переходе Полоцка под сюзеренитет Ливонского ордена. Русские и ливонцы три недели вместе разоряли Восточную Литву. В 1390 г. войско ливонцев поддержало соперника Ягелло — Витовта — в походе на Вильно. Осада длилась пять недель, устояли только Верхний и Нижний замки Вильно, а город оказался razoren. В боях погиб брат Ягелло — Каригелло. Победители насадили его голову на пик.

Однако надежды ордена не сбылись — король Владислав-Ягелло умел находить компромиссы и в 1392 г. заключил с Витовтом Остовский договор, по которому Литва фактически переходила под власть Витовта, а Ягелло был лишь ее номинальным правителем. Витовта это вполне устроило, и орден потерял шанс сыграть на противоречиях своих врагов.

В апреле 1398 г. между Витовтом и орденом был подписан Гродненский договор, по которому Витовт отказывался от Жемайтии, главной «земли раздора» между Литвой и орденом. Взамен он получил некоторые спорные земли на прусской границе, а также гарантии мира со стороны рыцарей и даже присылку воинского рыцарского контингента в ряды литовской армии (что еще недавно трудно было себе представить). Важно, что Литва и Ливония по этому договору поделили сферы интересов на востоке: Ливония зафиксировала свои интересы на Псков, а Литва — на Новгород. В октябре 1398 г. этот договор был утвержден великим магистром

Печать великого князя Литовского Витовта.

Конрадом фон Юнгиненом и ливонским магистром Веннемаром фон Брюгеной и получил название Салинского договора.

Причиной чудесного изменения орденско-литовских отношений было стремление Витовта на юг, к большой войне с Ордой. Орден это всячески поощрял — во-первых, это была война с нехристианами, во-вторых — военная активность Литвы переносилась из Прибалтики на юг, и рыцарское государство вновь становилось хозяином в регионе.¹ Витовту же для войны на юге был нужен мир на севере, да и обретение такого военного союзника, как немецкое рыцарство, сулило большие перспективы.

Будущее Прибалтики решилось далеко на юге, в приднепровских степях, на реке Ворскле. 12 августа 1399 г. татар-

ская армия Тимур-Кутлука наголову разгромила интернациональное и поликонфессиональное войско Витовта. Надежды на покорение Литвой юга Восточной Европы были утрачены. И политическая активность вновь возвращается в Прибалтику. Витовт в 1400—1402 гг. выступил в поддержку Жемайтии, восставшей против власти ордена. В последующие годы литовский правитель всячески лавировал, то заступаясь за жемайтов, то выдавая их ордену, то воевал с рыцарями, то поддерживал Ливонский орден в его нападении на русский Псков в 1408 г.

Однако дипломатические маневры не могли быть бесконечными, и в 1409—1411 гг. между Литвой и Тевтонским орденом вспыхнула война за Жемайтию, получившая название «Великой войны». Прусское рыцарство заявило, что настала решающая битва христианского мира с язычеством. Ливония, видя, что ситуация приобретает критический характер, фактически уклонилась от участия в сражении. 15 июля 1410 г. под Танненбергом (Грюнвальдом) Немецкий орден был разбит объединенными войсками Ягелло и Витовта. Польские и литовские отряды вторглись в прусские владения ордена и брали один замок за другим. Войну остановил только контрудар Ливонского ордена, чьи войска вошли в беззащитную Литву, что показало ее уязвимость. По Первому Торуньскому миру (1 февраля 1411 г.) Жемайтия перешла к Литве на время правления Витовта и Ягелло, орден получил обратно другие потерянные земли, но должен был заплатить 260 000 гульденов репараций, что, по словам немецкого историка Хармута Бокмана, сравнимо с унижительными условиями Версальского мира 1919 г.²

На Констанцском соборе в 1415 г. католические прелаты разбирали спорный вопрос о Жемайтии. Орденская делегация объявила, что любой враг ордена автоматически является врагом христианской веры, уничтожать которых — долг каждого христианина. Поэтому война с язычниками в Прибалтике, с Великим княжеством Литовским и даже с Польшей, которая покровительствует еретикам, совершенно оправдана. Польские знатоки канонического права утвержда-

Битва при Грюнвальде, 1410 г. Гравюра из издания польской хроники Мартина Бельского 1554 г.

ли, что орден надо упразднить как утративший смысл существования: в регионе нет столько язычников и еретиков — ему не с кем бороться. Они потребовали изгнать Немецкий орден из Прибалтики и ликвидировать его по образцу ордена тамплиеров. Собору была предъявлена делегация из 60 крестившихся жемайтов — мол, претензии ордена беспочвенны, никаких язычников в крае уже нет. Интересно, что интересы рыцарей на соборе отстаивал ливонец, рижский архиепископ Иоганн фон Валленрод. Проекты высылки Ливонского ордена из Прибалтики высказывались и в дальнейшем. Так, при заключении польско-датского союзного договора 1419 г. обсуждалась идея переселить Ливонский орден на Кипр, а его земли поделить между литовцами и датчанами.³

Рост влияния Ливонии, которого она не хотела

Возникновение планов ликвидации Ливонского ордена было связано с началом заката эпохи крестоносцев на Балтике. Поляки теснили прусских рыцарей, а Немецкий орден в Ливонии также постепенно терял одну позицию за другой. В 1422 г. был заключен Мельнский мир, по которому рыцари окончательно отказались от Жемайтии. В 1426 г. состоялась демаркация ливонско-литовской границы, которую еще недавно орден категорически не признавал. Ливония вмешалась в междоусобную войну внутри Великого княжества Литовского. Там во второй трети XV в., после смерти Витовта, шла борьба — за литовский трон соперничали князья Сигизмунд и Свидригайло.

Между орденом и Свидригайло в 1431 г. был заключен военный союз. Однако ливонцы сделали ставку не на того человека. Их стали просто бить в сражениях. Уже 13 сентября 1431 г. прусско-ливонское войско было разбито поляками под Наклом. В плен попал даже ландмаршал Вернер фон Нессельроде. Захваченные немецкие знамена были вывешены в кафедральном соборе Кракова.⁴

Проблема была в том, что Ливония своим участием в боевых действиях на стороне Свидригайло не просто вмешалась во внутреннюю войну в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском — она нарушила Мельнский «вечный мир» 1422 г., то есть дала Польше все законные основания на нее напасть. В ноябре 1432 г. ливонцы выступили к Полоцку на помощь Свидригайло, но, верные себе, на один день опоздали к месту решающей битвы. 9 декабря 1432 г. под Ошмянами Свидригайло был разбит. Понимая, что без союзников ему не победить, мятежный литовский князь начинает торговать землями своей страны: обещает отдать немецким рыцарям Палангу с побережьем в обмен на военную помощь. Для рыцарей это была бы серьезная победа: к ним переходила бы часть Жемайтии, и реализовывалась бы давняя цель ордена об объединении по суше Пруссии и Ливонии. Проблема была только в том, что Свидригайло обещал земли, которые он не

контролировал. В результате этот эпизод так и остался эпизодом: никаких земель орден не получил.⁵

В феврале 1433 г. ливонцы под началом самого магистра по приглашению Свидригайло вторгаются в северные земли Великого княжества Литовского, берут несколько крепостей, крупнейшей из которых был замок Ужпалай, где было захвачено 3000 пленных. В марте 1433 г. литовскую границу переходит отряд комтура Динабурга. В июле ливонцы участвуют в походе Свидригайло под Вильно. Однако вскоре выяснилось, что у них хорошо получаются погромы незащищенных деревень и взятие малоукрепленных замков, а к долгим походам и осадам серьезных крепостей они мало приспособлены. Уже в сентябре уставшее ливонское войско, оставив своего союзника, вернулось в Ливонию. С Сигизмундом — противником Свидригайло — орден заключил Ленчицкое перемирие.

В августе 1434 г. Ливония разорвала перемирие и объявила войну Сигизмунду. Ее войска вошли в Жемайтию. Первый отряд погромил деревни, захватил пленных и благополучно вернулся назад. Второй нарвался на войско жемайтов и был разбит. Третий, услышав о судьбе второго отряда, тотчас повернул обратно в Ливонию. На этом, собственно, участие ливонцев в войне в 1434 г. закончилось.⁶

В 1435 г. объединенное войско сторонников Свидригайло (ядро которого составляли ополчения Смоленска, Витебска и Киева) и Ливонского ордена под командованием магистра Франке Керскорфа и маршала Вернера Нессельроде двинулось на Вильно и Тракай. 1 сентября в битве при Вилькомире у оз. Жирнаяй ливонская армия была уничтожена, ее командиры, в том числе магистр, пали в бою. Свидригайло бежал.⁷

Эта битва знаменовала собой конец активного участия ордена в делах великого княжества Литовского. Ливония ослабела настолько, что в 1435 г. Рижское архиепископство, конфликтовавшее с орденским начальством, выбрало своим опекуном польского короля Владислава III и великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича. В 1435 г. на переговорах в Бресте обе ветви Немецкого ордена взяли обязательство не вмешиваться во внутренние дела Литвы и не призна-

вать никакого великого князя литовского, если его не одобряет король Польши и королевский совет.

Орден строго соблюдал этот мир вплоть до начала 13-летней войны Пруссии с Польшей 1454—1466 гг. В 1466 г. прусские рыцари потерпели поражение. Особенно позорным было падение Мариенбурга, столицы ордена: за неимением средств магистр отдал его в залог военным наемникам под невыплаченное жалование. Как только истек срок залога, наемники просто продали его. По Второму Торуньскому миру Данциг, Мариенбург и все земли по обеим берегам Вислы были навсегда утрачены. Столицей тевтонцев стал Кенигсберг. Предполагалось, что отныне магистр должен оказывать Польше военную помощь, а также что в будущем орден на 50 % будет состоять из поляков. Польша также требовала выплаты больших репараций. Ее амбиции были остановлены только тем, что римский папа не ратифицировал Второй Торуньский мир как несправедливый по отношению к ордену. Но все территориальные захваты уже свершились, и их изменить было нельзя. Географически центр орденской жизни сместился на восток, в Восточную Пруссию и Прибалтику.

Это повышало роль Ливонии, практически не участвовавшей в войне и сохранившей свой статус. Но вот чего Ливонии было совсем не нужно, так это становиться лидером немецкого рыцарства в Прибалтике. У нее для этого не было ни амбиций, ни военного и экономического потенциала. И если раньше взоры антигерманских политиков были направлены в сторону Пруссии, то теперь, после ее поражения и ослабления, они все чаще обращаются в сторону Ливонии.

Уцелевшей в перипетиях войн второй трети XV в. Ливонией начали интересоваться другие страны, в частности Дания. С середины XV в. она постоянно с трудом подавляла стремление к свободе Швеции и на всякий случай начала просчитывать варианты: а чем компенсировать возможную утрату шведских земель? Ливония представлялась весьма адекватной заменой. Датский король Христиан I в 1454 г. пытался сыграть на трудностях Пруссии в ее войне с Польшей и предложил военную помощь в обмен на право ввести гарни-

зоны в несколько ливонских замков. Христиан рассчитывал, что так, исподволь, начнется датское возвращение в Ливонию. Главное — захватить крепости, орден все равно не сможет выбить оттуда датских солдат. Датчан сгубила жадность — они потребовали «подъемные» в 60 000 рейнских гульденов, а обнищавший орден не смог их заплатить.⁸ В итоге соглашение было сорвано. Христиан I, правда, успел в 1456 г. принять титул «герцог Эстонский», выдавая свои будущие намерения.

Среди европейских дипломатов ходили слухи о тайных планах короля Христиана создать грандиозную антишведскую коалицию из всей Европы. В этих планах всем нашлось дело: папа римский должен был отлучить шведов от церкви, Великое княжество Московское — атаковать Швецию с востока, Шотландия — напасть с запада, а Дания, Польша, Померания и Мекленбург — с юга. Шведов большей частью надлежало физически истребить и заменить шотландцами. В Стокгольме скрыть укрепления и отдать его на разграбление иностранцам, если кто-то захочет подобрать этот ничемный город.⁹ Планы были замечательные, но абсолютно нереальные. С таким лихим датским королем надлежало вести себя крайне осмотрительно.

Ливония подхватила знамя, выпадающее из ослабевших рук Пруссии, и в 1457 г. заключила с Данией собственное соглашение. У ордена, уклонившегося от активного участия во всех предыдущих войнах, деньги были. В итоге Ливония купила себе на службу за 1000 гульденов ежегодно на 15 лет небольшой датский флот и отряд наемников в 300—500 человек. Король просил еще крепость Мемель, но ливонцы ухитрились ее отстоять в переговорах.

Рыцарский меч или купеческие весы? Загадки русско-ливонской торговли

В начале XV в. Ливония соседствовала с двумя русскими землями: Псковской, на долю которой приходилось 480 км русско-ливонской границы, и Новгородской (20 км). Русские

рубежи прикрывал ряд крепостей. Новгородскую границу сторожил Ям на реке Луге, основанный в 1384 г. и располагавшийся примерно в 30 км напротив Нарвы. Псков же отгородился от Ливонии целой сетью так называемых псковских пригородов, небольших пограничных крепостей: Изборск, Остров, Велье, Коложа, Гдов и др.

Отношения между Новгородом, Псковом и Ливонией в XV в. можно обозначить двумя словами: война и торговля. Причем они были взаимосвязанными. Войны происходили из-за мелких территориальных споров и гораздо чаще — из-за противоречий по торговым вопросам.

В экономическом плане Ливония была государством-транзитером, обеспечивающим перевоз товаров из Литвы и России на Запад и обратно. В конце XV в. ее доля в ганзейской торговле составляла около 38 % (для сравнения — Пруссии всего 18 %). Но собственно ливонское ремесло не играло большой роли, без его продукции могли обойтись все участники транзита.

Для Ганзы Ливония была восточной оконечностью зоны доминирования германской торговли, посредником между Западной и Восточной Европой (Великим княжеством Литовским и Русью в лице Новгорода и Пскова). И в этой роли она была востребована и нужна германскому миру. Из русских земель шел выгодный поток товаров, а как рынок сбыта они были бездонны. Историк М. Б. Бессуднова, пользуясь терминологией Ф. Броделя, назвала мир восточной Прибалтики «миром-экономикой», состоящим из треугольника «Ливония — Новгород — Псков».¹⁰ Здесь каждый элемент был на своем месте и сотрудничал с другим на взаимовыгодных условиях.

Конечно, отношения внутри этого «мира-экономики» не всегда были безоблачными. Здесь стоит остановиться на особенностях ливонской торговли. Исследования М. П. Лесникова применительно к XIV—XV вв. показывают, что европейские купцы, торговавшие на Балтике, по документам, имели очень низкий процент прибыли — от 5 до 22 %, но в основном не более 5—6 %.¹¹ Эта картина никак не стыкуется с тем

значением, какое современники придавали балтийской торговле, и с теми богатствами, которые она наглядно приносила (что видно из роста благосостояния того же Любека, Ревеля, Риги, который происходил явно не за счет 5 % прибыли).

Получается некая загадка: если купцы перепродавали в Любеке товар, купленный в Новгороде, почти по той же цене, то зачем они вообще занимались этой торговлей?

Разгадка кроется как в психологии купечества того времени, так и в особенностях торговых операций. Средневековая этика требовала т. н. «равной цены»: за сколько купил, за столько и продал. Сверхприбыли в 20, 50 и тем более 100 % считались неэтичными. Прилично было получить за свои труды лишь небольшой процент. Однако буквальное соблюдение таких этических принципов делало бы торговлю невыгодной.

Поэтому изобретались различные приемы, как прятать прибыль. Одним из них была дифференциация мер веса, длины и объема. И. Э. Клейненберг показал, что в разных пунктах в одну и ту же меру вкладывалось разное содержание. Например, шиффунт воска в Новгороде содержал 480 фунтов, в Ливонии он превращался уже в 400 фунтов, а в Любеке — в 320!¹² Разница в 160 фунтов потом продавалась отдельно и составляла чистую прибыль, при этом купеческая этика как бы соблюдалась, поскольку цена почти не менялась. Аналогичную картину рисует Н. А. Казакова: ласт импортируемой соли в Ревеле ганзейцы определяли в 15 мешков, но в Новгороде он превращался уже в 12.¹³ Кроме того, существовала практика так называемых «наддач» (*upgift*), которые ганзейцы взимали практически со всех товаров: это пробы, образцы товара (отломанные куски воска, меха «на пробу»), которые брались бесплатно, как бы в качестве проверки товара, и часто составляли довольно значительные объемы. Поскольку эти предметы не были куплены, то они официально не включались в приобретенный товар и их последующая продажа составляла нигде не учитываемую чистую прибыль купца и при этом никак не нарушала средневековую этику.

Этика «справедливой цены» парадоксальным образом сочеталась с допустимостью правила «не обманешь — не продашь». Обмен, обвес, всучивание гнилого товара под видом первоклассного неэтичным не считались, а наоборот, свидетельствовали об искусности купца. Русские источники пестрят обвинениями в адрес и ганзейских, и ливонских купцов в подобных нарушениях.

Эти торговые споры нередко выливались в военные акции устрашения, демонстративные нападения на пограничные села, аресты купцов с товарами и ответные военные набеги «в назидание». Но, что характерно, вплоть до конца XV в. стороны — ни Ливония, ни Новгород, ни Псков — никогда не пытались друг друга покорить или завоевать. Вопрос так не ставился в принципе: экономически они были нужны друг другу. Войны были, но требовались только для того, чтобы отомстить за мелкие обиды или сделать соседей поговорчивей. Коммерция всегда оказывалась важнее. По удачному выражению М. Б. Бессудновой, взаимовыгодная торговля выступала «в качестве главного стабилизатора международных отношений».¹⁴

От Нибурава мира до Наровского договора

В 1391 г. был подписан Изборский договор Ганзы, Ливонии и Новгорода о торговых делах. В 1392 г. он был утвержден в Новгороде и стал известен как «Нибуров мир» (его заключал посол Любека Иоанн Нибур). Это соглашение положило конец семилетнему конфликту и определило правила торговых отношений между Новгородом и Ливонией на много лет вперед.¹⁵ Договор защищал интересы купцов, устанавливал правила решения торговых споров, условия сыска по разбойным нападениям на иноземной территории и взимания пеней. Ганзейцы фактически получили свободу торговли в Новгороде, а русские — «путь чист», то есть беспрепятственный доступ для торговых сделок в Ливонию и право проживания в ливонских городах.

В военном же отношении возможности Ливонии, Пскова и Новгорода были примерно одинаковыми. Стороны могли воевать друг с другом, но сил для завоевания территории врага не хватило бы ни у одной из сторон. Если бы силы Новгорода и Пскова объединились, могла бы возникнуть угроза для Ливонии. Но весь XIV и XV вв. они друг с другом враждовали больше, чем с Ливонией, и, напротив, были готовы друг друга подставить. Псковский летописец объяснял этот раздор «завистью, дьявольским смущением» и называл «разгозой» — ссорой.¹⁶

После заключения Литвой и орденом Салинского договора (1398) Псков был признан сферой интересов Ливонского ордена. На конфликт его подталкивал великий тевтонский магистр Конрад фон Юнгинен, который выдвинул проект присоединения к ордену, помимо Псковской земли, Водской пятины Новгородской земли.¹⁷ Ливония испытывала по поводу этих планов мало энтузиазма: из Феллина перспективы войны с русскими виделись иначе, чем из Мариенбурга. Одно дело — перехватывать купеческие караваны (как было в 1403 г., когда 9 псковских купцов, ехавших из Полоцка, ливонцы утопили в озере Нещерде, а товар забрали)¹⁸ или жечь незащищенные деревни. И совсем другое — сходиться в поле с псковскими или новгородскими войсками. Псковичи иной раз доставляли много неприятностей ливонцам: в 1403 г. в ходе набега под Нейгауз был уничтожен запас зерна, в 1414 г. — угнан скот. В 1428 г. рижский архиепископ Геннинг Шарфенберг писал в Бранденбург, что псковичи «...к нам враждебно настроены и доказывают это при каждом удобном случае, творя насилие... они повсюду, где только могут, нападают на наших людей, живущих на границе, грабят их, вешают, замучивают до смерти, и мы в нашем бессилии должны все это сносить, поскольку они, русские из Пскова, думают принудить нас таким образом к денежным выплатам, чтобы потом с полным на то основанием диктовать нам условия мира... Русские хотят войны, чтобы снова подчинить себе эту бедную христианскую страну, частью которой они уже овладели».¹⁹

Ливония пыталась действовать чужими руками, а именно — воспользоваться враждой Новгорода и Великого княжества Литовского (по Салинскому договору, Новгородская земля оказывалась сферой интересов Литвы и Витовт пытался добиться от Новгорода подчинения и покорности). В 1406 г. Витовт вторгся в Псковскую землю, взял крепость Коложу, осадил Воронич. Псковский летописец писал: «Не бывала такая пакость с тех пор, как Псков встал».²⁰ Псков обратился с просьбой о военной поддержке к Новгороду и получил отказ. Новгородцы объясняли это тем, что они помощь послали, но псковичи сами от нее отказались и напали на новгородские городки Великие Луки и Ржеву.²¹ Псковичи же указывали, что в Луках они захватили коложский стяг — как он там оказался?²² Как всегда, установить, кто здесь прав, кто виноват, невозможно.

В августе 1406 г. войска Ливонского ордена, Курляндского и Дерптского епископств вошли в Псковскую землю, осаждали Изборск, Котелно и Остров. В октябре последовал ответный удар псковичей, они выиграли битву при Кирипме и один день осаждали город.²³ Псков опять просит о помощи Новгород и вновь получает отказ. Зато его поддержала далекая Москва, приславшая воевод, орудие, людей. Как написано в Софийской Первой летописи, «...князь Великий Василий Дмитриевич разверже мир с великим князем Витовтом за пскович...».²⁴

В 1407 г. псковское войско ходило в успешный поход за реку Нарову и вернулось с большой добычей. Ответный удар Ливонского ордена был направлен на сам главный источник угрозы — Псков. Произошло трудное сражение при бродах через реку Великую в местечке Туховитичи. После тяжелых четырехдневных боев псковичи удержали броды, ливонцы отступили. Хроника Рюссона рисует совершенно героический облик магистра, грозы русских и спасителя Пруссии: «Конрад фон Фитингоф, который вел ожесточенную войну против русских и предпринял поход в Псковскую область, где имел сражение с русскими при водах Модды (Великая), убил из них 7000 человек и отбросил множество их в воду,

так что они должны были потонуть. После такой победы магистр хотел далее преследовать своих врагов, но должен был воротиться ради пруссаков, на которых сильно нападали Ягелло, король польский, и Витольд, великий князь литовский, чтобы подать помощь и освобождение пруссакам».²⁵ На деле все было гораздо скромнее, ни о каких 7000 утопленных псковичах говорить не стоит. В русской летописи в описании боев с ливонцами фигурируют отряды в несколько сотен человек, но не многотысячные — таких сил ни у Ливонии, ни у Пскова попросту не было.

21 августа 1407 г. у крепости Камно на Лозговичском поле состоялось большое сражение, после больших потерь с обеих сторон войска отступили каждое в свой лагерь. В бою погибли три псковских посадника — Ефрем Кортач, Елентий Губка, Панкрат, что говорит о масштабе битвы.²⁶

Стороны продолжали бить друг друга с небывалым ожесточением. Очередной поход присланного из Москвы князя Константина Дмитриевича завершился успешно: «...и много зла учинися Немецькой земли, овых посекоша множество и полониша, и взя немецкий город Порх».²⁷ В том же году псковичи пытались совершить поход за Нарову, но по неизвестным причинам бросили прямо на реке свой флот и вернулись восвояси, «и были во многом сетовании и печали».

В феврале 1408 г. ливонцы пять дней осаждали пограничную псковскую крепость Велье. Они делают рейды по всей Псковской земле, вторглись также в Новгородскую землю, дошли до крепости Кошкин городок. Войска магистра громили новгородские и псковские территории больше двух недель. В мае нападение на Велье повторилось, пострадал посад, жителей спасли только быстро пришедшие на помощь войска из другого псковского пригорода — Воронича.²⁸

В 1409 г. рейды немецких рыцарей по Новгородчине и Псковщине продолжились. Новгород и Псков опять не смогли договориться о совместном отражении противника. После ряда тяжелых боев с переменным успехом 27 июля 1409 г. в Киримпе был подписан мир с Псковом, магистром и дерптским епископом. В том же году заключен договор Новгоро-

да с ливонскими городами, в котором были сняты торговые конфликты 1406—1409 гг., возвращены товары, отпущены задержанные купцы и т. д.²⁹ В 1410 г., пользуясь ослаблением ордена после поражения при Грюнвальде, Новгород пытался ввести для ганзейцев фиксированные цены, что было с возмущением воспринято немецким купечеством.³⁰

В 1416 г. состоялась бескровная «торговая война» Новгорода и Ливонии. Новгород запретил ливонцам розничную торговлю, в ответ те наложили аналогичный запрет для новгородцев во всех ливонских городах, но были одернuty Ганзой, которая потребовала снять запрещение — оно соблюдает интересы Ливонии, но нарушает интересы других ганзейских городов. Ливония не подчинилась Ганзе, возник конфликт. В 1417 г. на съезде в Ростке и Любеке Ганза поддержала ливонские города, хотя и осудила их за самоуправство, за несогласование своих действий с остальными членами торгового союза. В том же году Новгород пошел на попятную, подписал с Ливонией новое торговое соглашение, вернувшись на позиции «Нибурова мира» 1392 г., и торговля возобновилась.

В 1417 г. Псков предложил Ливонии перезаклучить мирный договор, в который входило бы взаимное обязательство — и для Пскова, и для Ливонии — не оказывать военной поддержки Великому княжеству Литовскому. Однако стороны не смогли согласовать условия договора (в основном по вопросу о том, как действовать ордену в случае конфликта Пскова с Дерптским епископом) и в 1418 г. заключили мир без всяких условий.

В 1420 г. Новгород попытался вывести отношения с Ливонией на принципиально новый уровень. Прибывшие в Ригу, а затем в Венден послы провели переговоры с капитулом. Помимо урегулирования традиционных вопросов о границах и торговле, новгородцы хотели добиться от ордена запрета торговли Ливонии со шведским Выборгом и отказа Ливонии от поддержки Швеции в случае шведско-новгородской войны (не пропускать шведские войска через Ливонию). Новгород также требовал свободного пути для русских купцов через

ливонские порты. Последнее требование вызвало возмущение капитула — если русские получают право свободного плавания по Балтийскому морю, рухнет весь складывавшийся веками порядок в балтийском мире. В ограничении торговли с Выборгом, союзе против Швеции и «чистом пути» за море орден категорически отказал. Мир был заключен «по старине», на прежних условиях.

В 1421 г. был подписан Наровский договор Новгорода с Ливонией о границах и правилах торговли. Он был основан на традиции, однако содержал одно важное новшество: орден признал существующую Новгородскую границу. Тем самым он официально отказался от претензий на Водскую пятину. В 1423 г. между Новгородом и Ливонией заключен дополнительный договор, решавший спорные вопросы торговли.

1420—1430-е гг. Н. Казакова определяет как период стабилизации в отношениях между Ливонией и русскими землями.³¹ Орден в 1424 и 1425 гг. даже дважды отклонял требования Ганзы запретить торговлю с русскими, ссылаясь на мирные договоры, которые он не хочет нарушать. В 1426 г. орден отказал Витовту, который приглашал рыцарей принять участие в походе на Псков. В 1428 г. мир ордена, Дерптского епископства и Пскова был продлен. В 1431 и 1436 гг. специальными соглашениями подтверждался мир Ливонии с Новгородом. Были торговые конфликты, попытки блокады, задержания купцов с обеих сторон, аресты товаров — но всегда побеждали здравый смысл и коммерческие интересы.

Ренессанс крестовых походов: борьба против «неверных русских» в середине XV в.

Отношения Ливонии с русскими землями испортились в начале 1440-х гг. В 1443—1448 гг. состоялась война Ливонии с Новгородом. Конфликт, возникший из-за убийства в 1438 г. в Ямгороде слуги Герхарда фон Клеве (в Новгородской IV летописи он назван «Итолька Ругодивец»), начал нарастать,

привел к арестам новгородских купцов, задержкам товаров, запрету со стороны магистра торговать с Новгородом хлебом, и в 1443 г. — к войне.³² Она началась с набега людей фон Клеве под крепость Ям. Они сожгли посад. В том же году псковичи под Нейгаузом потравили посеы и повесили семь местных крестьян.³³

В начале 1444 г. новгородцы перешли Нарову и подвергли набегам окрестности Нарвы и близлежащее побережье Чудского озера. Тогда под Ям явился «с пушками» уже сам магистр, осада длилась пять дней, город, обороной которого командовал князь Василий Юрьевич Суздальский, устоял. Рыцари громили Водскую пятину, Ижорскую землю, берега реки Невы. Князь Иван Владимирович вновь хотел повести новгородцев в поход за Нарову, но планы были сорваны из-за падежа коней.³⁴ В 1445 г. прошли переговоры. В качестве условия мира магистр потребовал отдать ордену крепость Остров, но получил отказ. Новгородцы столь же безуспешно требовали половину Наровы и остров в ее устье.

В 1447 г. магистр заключил союз со шведским королем Кристофором, направленный против Новгорода. Ливонцы должны были ударить на Копорье, а шведы — через Неву на Орешек. Этот союз сопровождался громкими религиозными декларациями, что дает повод усмотреть в нем влияние религиозных процессов в Центрально-Восточной Европе. Недавно, в 1439 г., состоялся Флорентийский собор, на котором произошло объединение католической и православной церквей. Русские земли, в том числе Новгород, этого решения не признали и тем самым окончательно поставили себя вне пределов европейского «христианского мира».³⁵ Римский папа Николай V издал буллу, разрешающую ордену тратить на борьбу с русскими «неверными» часть денег, собранных от продажи индульгенций.

В конце войны новгородцев возглавил как военачальник литовский князь Александр Чарторыйский. В июле 1447 г. он разбил ливонцев в сражении у устья Наровы. Видимо, оно частично было морским, потому что, по сообщению псковского летописца, «иных их много на мори в бусах (ко-

раблях. — А. Ф.) погибоша, а инии истопоша в море».³⁶ Орден ответил очередными походами под Ям и в Водскую пятину, но было ясно, что война не удалась. Ее окончания требовали ливонские города, которые грозили сепаратным миром с Новгородом или вступлением в союз с прусскими городами. Примечательно, что одним из итогов войны стала передача Ганзой ливонским городам всех полномочий по торговым переговорам с русской стороной. В 1448 г. был подписан Наровский мир на 25 лет. Тогда же был заключен псковско-дерптский договор, по которому Псков мог претендовать на Желачку — совр. остров Пириссаар около западного берега Чудского озера, на котором была рыбацкая деревня и споры о котором шли с XIV в.

Последние страницы истории прибалтийского «мира-экономики»

Именно конфликт из-за Желачки стал поводом к войне Пскова с Дерптским епископством в 1458—1463 гг. В 1458 г. Александр Чарторыйский, который теперь стал псковским князем, косил сено на Желачке и поставил там церковь Св. Михаила. Ливонцы церковь сожгли, с ней вместе заживо сгорело девять человек. Псковичи ответили походом и погромом пограничных территорий — пострадали ни в чем не повинные селения эстов, которых тоже жгли заживо, мстя за своих («...и много чуди мужей и жен и детей пожгоша, и месть мстиша за те головы за неповинные»)³⁷ Ливонцы захватили псковский корабль на Нарове, сожгли прибрежные деревни. Князь Александр Чарторыйский совершил налет на приграничные деревни «...и много повоеваша на 70 верст в землю немецкую, и три ночи начеваша и три дни, и много живота плениша, и погостов немецких много пожгоша, и божницу велику выжыгоша, и крест с божницы сняша, и 4 колоколы сняша, и попа немецкого поимаша, и немец и чюхнов, мужей и жен и девок много плениша, а все то, живот и скот и головы ко Пскову провадиша».³⁸

Эта эскалация насилия была приостановлена перемирием на пять лет, заключенным в 1460 г. Пяти лет стороны не выдержали. Зимой 1461/62 гг. русские стали строить на берегу Чудского озера укрепленный городок, позже названный Кобыльим городищем. 21 марта 1463 г. ливонцы осадили Новый городок под Псковом, стали жечь окрестные села. При приближении подмоги из Пскова они отступили к Колпину и были там настигнуты и разбиты. 18 июля русские осадили Нейгауз, причем подвергли его орудийному обстрелу и взяли бы, если бы пушка главного калибра не треснула при стрельбе.³⁹ На Нарове хозяйничали псковские корабли, высаживали десанты, перевозили войска: полыхало все чудское побережье и берега Наровы. Псковичи совершили несколько походов на кораблях по реке Эмбах, устроили настоящий погром территории Дерптского епископства.

Ливония запросила мира. В 1463 г. было заключено перемирие Пскова с Дерптом на условиях договора 1448 г. на 10 лет. Дерптский епископ обязывался платить дань и не покушаться на права русского конца в Дерпте. Ливонцы уступили Пскову спорную область Пурнау (округа Опочки), за которую противостояние шло уже много лет.⁴⁰ Для закрепления своей победы псковичи сразу же недалеко стали возводить крепость на реке Синей, которую называли Красногогородок. Орден ответил вылазками в районе реки Синей, но переломить ситуацию уже не мог.

Победы Пскова вызвали беспокойство в Новгороде. С 1465 г. начинает формироваться союз Новгорода и Ливонии против Пскова. В 1471 г. делегация новгородцев в Феллине просила магистра Иоганна Вольтуса фон Херзе в связи с истекающим перемирием продлить его только в отношении Новгорода, но не продлять с Псковом. Магистр затребовал у Пруссии военной помощи для возможной войны с Псковом и поддержки Новгорода в его противостоянии с Москвой. Но покорение Новгорода Москве в том же 1471 г. резко изменило расклад сил. Новгородско-ливонский союз не получился, а воевать маленькому Ливонскому ордену со всей объединенной под эгидой Москвы Россией было бы самоубий-

ством. Мало того, во время покорения Новгорода в 1471 г. московские войска, не особо разбирая границ, сделали рейд по территории Ливонии под Нарвой и вернулись с добычей и трофеями.⁴¹

Тяжелая поступь Москвы

Началом заката прибалтийского «мира-экономики» стало взятие великим князем владимирским и московским Иваном III в 1471 г. Великого Новгорода. Новгородская республика была ликвидирована, в 1478 г. снят вечевой колокол. Произошел «перебор людишек»: часть новгородцев выселена из города, а им на смену привезены московские купцы и служилые люди. Особенно больно это ударило по купечеству, потому что по живому рвались годами налаживавшиеся личные торговые связи. Новые выходцы из Москвы обладали совсем иными ухватками и стилем ведения дел, что Ливония почувствовала очень быстро. Треугольник «Ливония — Новгород — Псков» начал распадаться.

Ливония в 1471 г. во время Шелонской битвы думала даже вмешаться в конфликт и напасть на Псковщину, явно не представляя себе масштабов происходящего. Но магистру повезло — он не успел вступить в конфликт и уцелел. Правда, ситуацией он все же не владел — в 1472 г. магистр Берндт фон дер Борх решил, что, раз власть в регионе меняется, это повод требовать свое. И потребовал обратно область Пурнау, потерянную в 1463 г., причем от самого Ивана III. В ответ в Псков по приказу Москвы пришли полки из 2 русских городов, что значительно остудило пыл главы ордена. В 1473 г. после трудных споров было подписано псковско-дерптское перемирие на 5 лет, в 1474 г. — продлено на 30 лет (к договору также присоединился Новгород); а в 1474 г. заключен договор между Псковом и орденом о перемирии на 20 лет.⁴² Эта практика — заключения целой серии договоров между разными субъектами — продолжится и в дальнейшем, причем от имени великого князя московского их

будут заключать новгородские и псковские наместники. Данный порядок, несомненно, был на руку Москве — он запутывал ливонских переговорщиков и принижал Ливонию. Она была вынуждена иметь дело не с правителем России, а с его наместниками, что оскорбляло ливонского магистра. Государь всея Руси не считал его равным себе правителем, хотя сам магистр почтительно именовал его «кайзером». В договорах появились новые выражения: «челобитье» ливонских послов, «великий князь жалует милостью». Ливонцы не очень понимали, что за этим стоит, но смутно чувствовали, что они предстают зависимым, приниженным контрагентом.

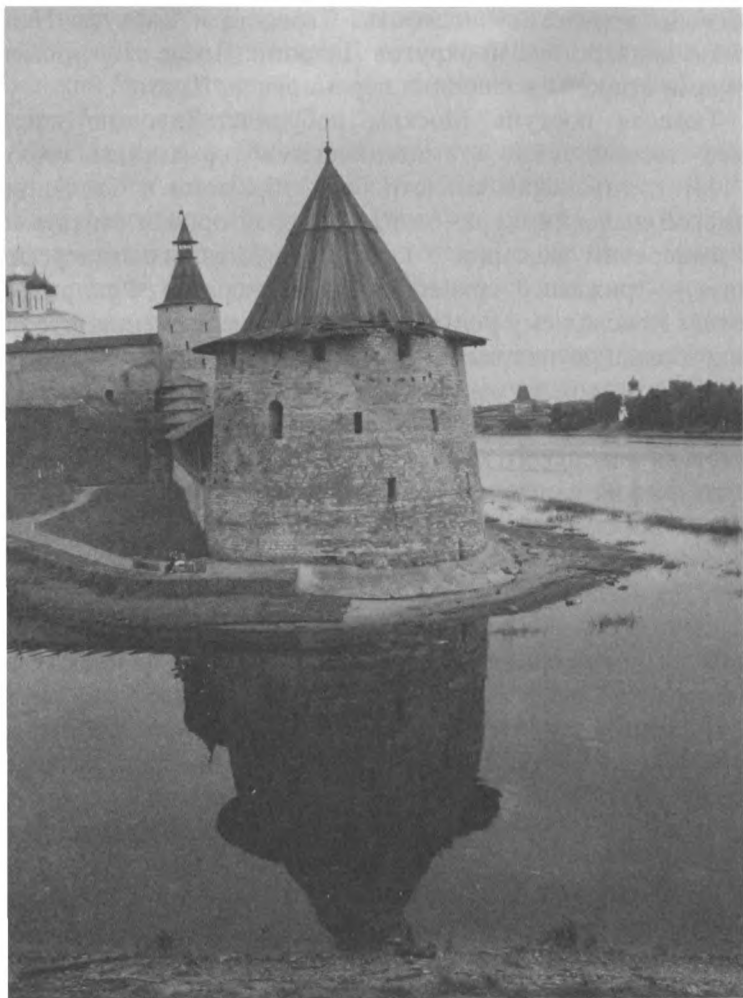
20 лет мира стороны не вытерпели. В 1478 г. во время третьего похода на Новгород войска Ивана III, слабо разбиравшиеся в местной географии (да и никаких пограничных знаков не было) слегка прошли по территории Дерптского епископства. Здесь не стоит видеть каких-то стратегических планов, видимо, воинов увлекала возможность безнаказанного грабежа. Ливонцы в ответ арестовали псковских купцов, псковичи совершили набег на Ливонию — мстили за обиды, нанесенные купцам.⁴³ Для фон дер Борха это был просто подарок судьбы — в это время внутри Ливонии вовсю шла гражданская война, противостояние магистра и рижского архиепископа. Римский папа грозил магистру отлучением от католической церкви. Борх в 1479 г. активно пишет в Рим, что над католическим миром нависла «русская угроза», что он является последним оплотом против схизматиков и что Иван III готов принять католичество, только условием этого является... подчинение Рижской архиепископии Ливонскому ордену.⁴⁴ Одновременно в 1479 г. магистр попытался заручиться антирусским военным союзом с Великим княжеством Литовским. Но король Казимир разочаровал ливонца: он был согласен, если Ливония... подчинится польско-литовской короне. Удалось договориться только об оборонительном союзе.

Чтобы продемонстрировать папе свое благочестие, в 1480 г. магистр фон дер Борх в союзе с дерптским епископом Иоганном начали «маленькую победоносную войну»

против Пскова. Целью войны было вернуть приграничные территории, захваченные псковичами с 1458 г. (Желачка, район Красногородка, архиепископская область Пурнау и др.). Был взят и сожжен Вышгородок. 20 января 1480 г. осажден и обстрелян Гдов. Ответным ударом псковичи и пришедшие на помощь московские войска прорвались к Дерпту и устроили его непродолжительную осаду. В феврале ливонцы осадили Изборск, разорили его окрестности: «...и поидоша немцы ко озеру, жгучи и паляче псковскую волость, а во Пскове видить дым и огонь». В Печской губе на льду состоялось кровопролитное сражение, закончившееся вничью. В бою погибли с обеих сторон сторожевые полки, а «большая рать» устояла. Следующим набегом немцы 5 марта 1480 г. сожгли Кобылье Городище.⁴⁵

Магистр запросил помощи у Данцига и Любека. Любек постановил войска не посылать, но на товары, поступавшие из Ливонии, вводился особый налог в размере 1 % — на военные нужды. 18 августа ливонские войска вновь осадили Изборск, 20 августа — Псков. К городу подошли 23 военных ливонских корабля. Во время осады псковичи сами сожгли Завеличье, чтобы враг не мог укрываться среди построек и использовать их для строительства осадных орудий. Пятидневная осада завершилась неудачей: высаженный под стены псковского кремля десант был уничтожен. Ливонцы отступили.⁴⁶

Псков обратился за военной помощью к Москве, и Иван III приказал войскам, стоявшим в Новгороде, недавно присоединенном к Русскому государству, выступить против ливонцев. Псковский летописец пишет, что 16 января в Псков вошло 20 000 московского войска — цифра, несомненно, преувеличенная. Но отряд, видимо, в самом деле был внушительным. Ливония сразу почувствовала разницу — воевать с псковскими или с московскими войсками. Воеводы ходили походом по ливонским землям 4 недели, взяли Каркус, осадили Феллин и сняли осаду только после внесения ливонцами выкупа (то есть фактически город тоже сдался). В Москву в качестве трофея посланы 8 феллинских колоколов. Были

Псков. Плоская башня и Верхние решетки.

сожжены городские предместья Тарваста и Каркуса. Нападению подверглись 16 округов Ливонии. После этого обмена ударами стороны заключили перемирие на 10 лет.⁴⁷

Тяжелая поступь Москвы побудила Ливонию искать более тесной связи с «материнским» германским миром. В 1481 г. ливонский магистр Борх обратился к Священной Римской империи с грамотой, в которой просил считать себя имперским вассалом в качестве подданного имперского князя — рижского архиепископа. Император Фридрих III в ответ прислал ему регалии на орденские владения, что вызвало большую напряженность как в Пруссии (великий магистр никогда ранее не получал регалий от императора), так и в Риме (папа ревниво относился к подобным обращениям). Действия ливонского магистра оказались непонятыми, но показательна их направленность — Ливония, чье положение на востоке Европы становилось все более шатким, пыталась более определенно утвердить свой статус в империи.

А беспокоиться было о чем. Иметь дело с московскими властями оказалось очень трудно, это не лояльные и готовые к компромиссам новгородцы. В 1487 г. был перезаклучен новгородско-ганзейский договор. В нем впервые были разведены «дела земли» (т. е. государственных структур Ливонии) и «дела купцов» (т. е. торговых городов). Ливонцы, казалось, вздохнули с облегчением: политические конфликты вроде бы как не должны были больше мешать торговле. Но здесь крылась ловушка: теперь в случае войны ливонские города не могли оказывать поддержку ордену и ландесгеррам. А деньги были у городов, и возможности найма войска для обороны Ливонии резко падали.

Главное, что произошло в 1487 г., — внутри и без того непрочной Ливонской конфедерации усугубился раскол сторон. Ландесгерры и города перессорились в ходе обсуждения своей роли в предполагаемой войне с русскими. Дело в том, что сразу после переговоров орден обратился с просьбой дать денег на наем солдат... к Ганзе, поскольку ливонские города отказываются сотрудничать. Удивленная Ганза запросила Ригу, которую ландесгерры прямо обвиняли в предательстве и «ра-

боте на русских»: «...они хотят преподнести страну русским и исторгнуть ее у христиан... <...> рижане на погибель всей немецкой нации намереваются совместно с ненемецкой нацией погубить эту страну».⁴⁸

Послы Риги в Ганзе заявили, что для торговли нужен мир. А орден сам виноват, и субсидировать его нечего. Это только разожжет конфликт. Русских вполне удовлетворит получение области Пурнау или денежные выплаты, которые орден, преступно захвативший архиепископскую казну, может сделать самостоятельно. Солдаты на самом деле нужны ордену не для войны с русскими, на «московской угрозе» магистр спекулирует. Он хочет на самом деле напасть на Ригу и установить свой диктат в Ливонии. А города свободны, хотят мира и торговли.

Собрание ганзейских городов — ганзетаг — приняло сторону Риги. Магистру ничего не оставалось делать, как активно распространять слухи о скором и неизбежном нападении схизматиков, и пытаться запугать Европу угрозой «русской агрессии». С этого момента тема «опасности нашествия с востока» становится постоянной (сегодня бы сказали — мемом) для сигналов, идущих из Ливонии.

В поведении России в самом деле видели угрозу христианским купцам. В 1488 г. новгородский наместник Ивана III приказал, страшно сказать, взвешивать ганзейские товары, поступавшие из Ливонии. Это вызвало буквально взрыв беспокойства в Ливонии и Ганзе, бурную переписку и подготовку специального посольства в Москву с просьбой сохранить «старину», не взвешивать заморские бочки с медом и мешки с солью, а продавать по традиционным единицам товара — мешкам и бочкам, без контроля веса содержимого.⁴⁹ Иначе купцы потеряют всю прибыль.

Русский великий князь нашел гениальный ответ — он заявил, что немцам никто не запрещает продавать товар без взвешивания. А вот новгородцам нельзя без взвешивания совершать торговые сделки. Так что если немцы найдут в Новгороде покупателя на товар без взвешивания — то, пожалуйста, торгуйте как хотите. А не найдете и будете торговать

Русский купец. Немецкая гравюра XVI в.

с новгородцами — то придется соблюдать установленные для них правила...

В 1494 г. в таком же стиле были отменены «колупание» и «наддачи». Никто не запрещал немецким купцам «колупать» товар и брать его значительные части «на пробу». Только вот русский купец, который разрешит делать это с продаваемым им товаром, наказывался штрафом в две гривны или битьем кнутом.⁵⁰ То, чего Новгород добивался десятилетиями, оказалось сделано одним росчерком пера великокняжеского наместника...

Все эти меры Москвы обрушивали веками сложившуюся систему русско-ливонской торговли. Она становилась более выгодной и справедливой для России, но резко уменьшала прибыльность для Ливонии и Ганзы. Больше нельзя было продать бочку с десятком сельдей, выдавая ее за «бочку сельди». Кроме того, из-за депортации новгородских купцов

и их замены московскими переселенцами после присоединения Новгорода значительно изменился контингент покупателей. Москвичей меньше интересовали утонченные предметы роскоши, изысканные вина, дорогие ткани. Зато они хотели покупать оружие и сырье для военного ремесла (металлы и т. д.), ввоз которых в «варварские страны» запрещался Европой с XIII в. Формально Ливония была вынуждена соблюдать запрет (Московию относили к нехристианским, варварским странам). На практике существовала контрабанда, поскольку азарт погони за прибылями брал верх.

Изменилась и ситуация на границе. В 1492 г. прямо напротив Нарвы по итальянскому проекту была возведена четырехугольная каменная крепость Ивангород. Немцы называли ее «русской Нарвой». Планы строительства крепости в этом месте новгородцы высказывали еще в 1417 г.,⁵¹ но реализованы они оказались много позже. Расположение крепости было несколько странным: правый берег Наровы ниже левого, и Ивангород оказывался полностью накрываемым огнем сверху с орудийной башни «Длинный Герман» Нарвского замка (в этом нетрудно убедиться и сегодня, поднявшись на смотровую площадку нарвской башни). М. Мильчик в связи с этим высказал мысль, что цель возведения Ивангорода была не военной, а символической: утвердить власть Ивана III в новом регионе.⁵² Это не совсем так: за всю свою историю Ивангород не был покорен или уничтожен огнем из Нарвского замка (хотя и страдал от него — пришлось строить специальную высокую внутреннюю стену, отгораживающую двор крепости от вражеского огня). А вот из Ивангорода Нарву в 1558 г. взяли.

Вскоре после основания в 1495 г. молодую русскую крепость захватили пришедшие по реке Нарове шведы. Они предлагали передать ее ливонцам. Магистр Плетенберг согласился принять подарок, но его послы прибыли в Ивангород, когда шведы из него уже уехали при слухах о приближении русских войск. Самостоятельно разбираться с русскими магистр не захотел и предпочел сделать вид, что «подарка» и не было. Русские отстроили Ивангород заново, и для Нар-

Вид крепости Ивангород с верхней площадки орудийной башни
Длинный Герман Нарвского замка.

вы наступили черные дни: ее жители больше не чувствовали себя в безопасности, русские пушки смотрели на них через реку. Хронист Бальтазар Рюссов так описывает реакцию ливонцев на постройку Ивангорода: «И после того времени, как замок был готов, христиане в Ливонии, а в особенности жители Нарвы, должны были терпеть оттуда много поруганий и насмешек, так что вкратце того невозможно и описать. Потому что русские из нового замка Ивангорода и во время перемирия стреляли в ливонскую Нарву так много и часто, как им было угодно, и убили многих знатных особ, именно Иоанна Мейнингенского, бургомистра в Нарве, и многих других. И когда к ним послали спросить, по какой причине они это делают, то они не знали, какими бы только насмешками и издевательствами принять тех послов, и творили всевозможные шутки, какие только могли придумать, над жителями Нарвы; все это описать неприлично».⁵³

«Кому и кобыла невеста», или Из-за чего был разогнан Ганзейский двор в Новгороде

В 1494 г. ганзейцы испытали шок. В Новгороде был в жесткой форме разогнан Ганзейский торговый двор. Б. Рюссов описал эти события следующим образом: «В этом году великий князь, в противность всякой справедливости, приказал арестовать всех немецких купцов, находившихся в Новгороде, и схватившие их сняли с немцев чулки и башмаки и заключили ноги их в железные колодки и бросили их в тесные башни, где некоторые должны были сидеть по три года, а некоторые — по 9 лет».

М. Б. Бессуднова приводит перевод немецкого описания «капута» Ганзейского двора в Новгороде: «...в день св. Леонарда (6 ноября) ровно в полдень немецкие купцы в Новгороде были вывезены с Немецкого подворья русскими старостами (*otdertuden*) Фомой *Zelara* (?) и Иваном Жидовиным (*Zydone*), да дьяками великого князя Данилой Мамыревым (*Vylnrarone*) Василием Жуком (*Zuth*) и Иваном *Zamerock* (?), сказавшими хаускнехту: „Ганс Хартвиг и вы, немецкие купцы, вы становитесь пленниками великого князя и царя всея Руси Ивана Васильевича до тех пор, пока его купцам не будет возмещен ущерб, причиненный, как они полагают, в ганзейских городах“. Они обыскали их и забрали себе ключ от церкви, в которой находилось имущество купцов и их товары стоимостью в 96 тысяч марок, как русские записали со слов нескольких немецких купцов. Кроме этого, проводившие арест забрали много ценной церковной утвари: колокола, кувшины с предназначавшимся для причащения вином, „а также другие ценности и деньги (*dennynge*), которые не были включены в опись“. Позже вечером купцы были доставлены в Новгород на архиепископский двор, после чего они находились в тюрьме в кандалах до 1498 года».⁵⁴

Русская сторона заявляла, что поводом послужили репрессии ливонцев против русских купцов в Ревеле — по свідетельству Рюссова, одного сварили заживо по обвинению

в фальшивомонетничестве, другого сожгли за зоофилию.⁵⁵ Данные казни действительно имели место: фальшивомонетчик Василий Сарай из Ямгорода в 1490 г. по приговору ревельского суда был заживо сварен в кипятке.

Русский купец Василий Захарьин был сожжен в Ревеле за противоестественную любовь к животным («сношения с кобылой»)⁵⁶ Несчастную кобылу при этом тоже убили (это полагалось по европейскому законодательству). Стоит заметить, что если в Европе за половые сношения с животными полагалась смертная казнь, то в России на это смотрели проще: предполагалось покаяние и большой денежный штраф. Поэтому казнь Захарьина была воспринята как кара, неадекватная его проступку.

М. Б. Бессуднова справедливо замечает, что казнь фальшивомонетчика была еще в 1490 г., и вряд ли русские раскисали бы четыре года, чтобы отомстить за него. Здесь явно видно, что ливонская сторона пыталась изобразить причины разгона конторы как можно более абсурдными и нелепыми (безумные русские власти вступаются за уголовника и извращенца, ради этого готовы обрушить веками налаживаемую балтийскую торговлю). А русским был нужен формальный повод для разгона ганзейцев. На самом деле, Ганзейская контора пала жертвой большой московской политики — в 1493 г. провалились переговоры Ивана III со Священной Римской империей об антиягеллонском союзе, направленном против Польши. Великий князь приказал продемонстрировать свое недовольство на немцах, которые подвернулись под руку, в назидание всему германскому миру.

**ЧТО ДЕЛАТЬ РЫЦАРЯМ,
КОГДА МИРУ УЖЕ НЕ НУЖНЫ РЫЦАРИ?
РЫЦАРСТВО И ГОРОЖАНЕ ЛИВОНИИ
НАКАНУНЕ КАТАСТРОФЫ**

**Прусский соблазн. Почему Ливония
отвергла прусскую модель Реформации?**

В 1523 г. верховный магистр Немецкого ордена в Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский отправил посланца в Виттенберг, где находился в тот момент Мартин Лютер. Этот небольшой немецкий городок был центром стремительно набиравшей силу церковной Реформации, выступления христиан-протестантов против господства католической церкви. Орден, напомним, создавался как оружие католической церкви в борьбе с неверными и язычниками, так что поступок Альбрехта противоречил всем принципам немецких рыцарей. Посланец магистра вступил в контакт с лидером протестантов Мартином Лютером. Он передал ему орденские статуты, чтобы Лютер их просмотрел и дал совет о возможной реорганизации духовно-рыцарской корпорации.

Виттенбергский реформатор адресовал жаждающим духовного совета рыцарям послание: «К господам Немецкого ордена, чтобы они избежали ложного целомудрия и обратились к правому, честному целомудрию». Он советовал братии не только отречься от обета безбрачия, но и выйти из ордена.

В одном из своих более поздних писем он писал, что посоветовал преобразовать «Пруссию в политическую форму или княжества, или герцогства».

Слова Лютера усилили смуту в умах рыцарей, уже и без того активно размышлявших на тему самоликвидации ордена. За секуляризацию высказались и некоторые гебитигеры. Значительную роль сыграл при этом Фридрих фон Хайдек, близкий союзник и советник Альбрехта, которого уже с 1522—1523 гг. можно отнести к сторонникам Реформации в Пруссии. Он агитировал за секуляризацию и членов ордена, и местное рыцарство, и бюргерство Кенигсберга.

Кончилось все это тем, что в 1525 г. произошла секуляризация владений Немецкого ордена в Пруссии. Он был преобразован в светское Прусское герцогство, в политическом плане вассальное Королевству Польскому.

Ливонцы не были обязаны следовать по пути Пруссии. Право на выбор своей дороги предусматривалось еще прусско-ливонским договором от 1513 г. 8 апреля 1525 г. Альбрехт Бранденбург-Ансбахский подтвердил автономию ливонской ветви Немецкого ордена. Но, вместе с тем, Альбрехт добавил, что в связи с ликвидацией должности великого магистра члены духовно-рыцарской корпорации могут снять с себя орденские одежды. Однако ливонцы отказались.

Почему Ливония в 1525 г. не пошла по тому же пути, что и Пруссия? Вопрос отнюдь не праздный. Некоторые историки назвали причиной отказа Плетенберга последовать примеру Альбрехта Прусского его происхождение и преклонный возраст. Ему было уже поздно снимать обет безбрачия, который приносили рыцари. Пожилой магистр вряд ли смог бы основать в Европе новую герцогскую династию. К тому же Плетенберг был верным католиком и истовым рыцарем. Идеи Реформации ему были чужды. Не менее значимой для Ливонии была расстановка в ней социальных сил. Орден и епископы время от времени находились в конфликте с городами, чей рост влияния был связан, в том числе и с эпохой Реформации. На этом же фоне происходило снижение популярности католицизма. Главной задачей Плетен-

берга в этой ситуации было сохранение политического баланса.

В результате секуляризации вековые идеалы рыцарства затрещали по швам. Сразу после секуляризации поползли слухи, что Альбрехт Прусский, страшно сказать, отрекается от celibата и хочет жениться. В 1525 г. Ливонию посетил кенигсбергский хаускомтур Михаэль фон Драе. Плетенберг его настойчиво спрашивал, верны ли слухи о возможной женитьбе верховного магистра. Он знал о тайных планах Альбрехта и недвусмысленно высказал хаускомтуру свое отрицательное мнение относительно подобного намерения. На это присутствующий на встрече ландмаршал Иоганн Платер фон дем Броеле заявил, что для ордена было бы лучше, чтобы Пруссия и Ливонии объединились.

Последовавший ответ Плетенберга обнажает еще один его мотив, почему он не хотел секуляризации Немецкого ордена. Магистр сослался на угрозу со стороны России. По его мнению, светское герцогство будет плохо готово к обороне из-за проблем финансового характера. Войска надо содержать, а где взять для этого денег? Нужно было бы привлекать отряды из Священной Римской империи, а она далеко, до их прибытия земли будут разорены. Нет и нет, — заявил Плетенберг. Существующая военная система Ливонии до сих пор ее спасала. Поэтому не надо реформ и Реформации. Пример Пруссии, фактически утратившей независимость — это антипример для Ливонии. Пока Плетенберг магистр, она этим путем не пойдет.

«Ливонию трясет»: влияние Реформации на повседневную жизнь ливонцев

Реформация в Ливонию пришла сама, мало считаясь с тем, что по этому поводу думает магистр Плетенберг. С лета 1521 г. лютеранские проповеди в Риге читал священник собора Св. Петра Андреас Кнопкен. Радикальную интерпретацию реформаторских учений с конца 1522 г. распространял при-

бывший в Ригу из Ростoka Сильвестр Тегетмейер. В 1523 г. в ответ на письмо рижского синдика Иоанна Ломюллера Лютер выпустил специальное письмо на имя советов Риги, Ревеля и Дерпта, и посвятил рижскому совету свое «Толкование на 127-й псалом».

Обращение лидера реформационного движения к горожанам Ливонии было воспринято с энтузиазмом. Попытки местной церкви пресечь рост протестантизма ни к чему не привели. Рижский архиепископ отправил к императору трех францисканских монахов (Антония Бомховера, Августина Альфреда и Бурхарда Вальдиса). Не застав императора, они взяли инструкции у папы и вернулись в Ливонию в 1524 г. с приказом ликвидировать все проявления новой церкви.

Ликвидации не получилось. В 1524 г. по Ливонии прокатываются погромы католических храмов. Горожане громили интерьеры, разбивали украшения и церковную утварь. Защитить соборы получалось только радикальными мерами: так, староста ревельской церкви Св. Николая Генрих Буш спас ее от погромщиков тем, что залил все замки расплавленным свинцом, и никто не смог попасть внутрь. В Дерпте горожане заняли епископский замок в центре города — Домберг. В 1525 г. была разрушена часовня поблизости от Вендена, резиденции магистра, а в следующем году беспорядки также были зафиксированы в Пернау и Феллине. Апокалиптические настроения населения подогревали участвовавшие случаи бегства из католических обителей монахов и монашек, причем последние, к ужасу набожных дворян, еще и выходили замуж!

В 1525 г. из Ревеля с позором изгнали монахов-доминиканцев. Погромы происходили в Дерпте, Вендене, Феллине, Пернове. В Дерпте особую популярность приобрели проповеди скорняка из Швабии Мельхиора Гофмана, который проповедовал скорое наступление Страшного Суда, ненужность церковной организации и право любого человека, не обязательно священника, совершать церковные обряды в качестве священнослужителя. В Риге Иоганн Ломюллер призвал горожан свергнуть власть архиепископа и перейти под власть ордена. В Ревеле были отпечатаны привезенные из Германии копии

«12 статей» для бунтующего немецкого крестьянства, которые теперь распространялись среди эстонских крестьян.

На Вольмарском ландтаге 1522 г. и Ревельском съезде 1524 г. епископы предложили передать ордену часть земель и привилегий-инвеститур в обмен на лояльность по отношению к католической церкви. Это решение было противостественным, так как орден уже много поколений враждовал с епископами как раз из-за инвеститур. А тут церковь делает шаг, противоречащий сложившемуся вековому порядку вещей, и призывает аристократию также радикально изменить своим принципам. Преодолеть сложившийся «стереотип соперника» рыцарям было нелегко, да они и не особо старались. Передел земель и раздача привилегий пошатнули и без того слабую внутреннюю структуру Ливонии, и усилили сепаратистские настроения у «непатриотично» настроенной части орденской знати.

На Вольмарском ландтаге 1525 г. магистр заключил с епископами союз на шесть лет о взаимной охране земельных владений. Земельные споры с городами можно было решать только по суду. Религиозный вопрос было решено законсервировать, ничего не предпринимать до специального церковного собора. Но практически одновременно 21 сентября 1525 г. магистр Вольтер фон Плетенберг выдал Риге грамоту о ее полной религиозной свободе. Рига охотно признала магистра своим единственным господином, отвернувшись от рижского католического архиепископа.

По Ливонии ходили проекты преобразований. Одним из их вдохновителей был Иоганн Ломюллер, рижский синдик. В его корреспонденции предлагается реформа управления Ливонией. Основной идеей было передать всю власть в Ливонии ордену. Архиепископ и ландесгерры лишались бы прав управлять своими землями. То есть секуляризация произошла бы, но коснулась только владений католической церкви. Мысль Ломюллера сводилась к тому, что власть архиепископа и епископов была не угодна Богу. Он обосновывал свое предложение ордену править единолично тем, что «...магистр вместе со своими гебитигерами пришли в Ливонию ми-

лостью божьей, чтобы ею править, защищать и оберегать...». По проекту рижского синдика, Плетенберг и члены ордена, в отличие от исключительно светского герцогства Прусского, обладали бы не только светской, но и духовной властью. Но даже такой «половинчатый» проект остался на бумаге.

Дело Бланкенфельда.

Был ли католический епископ агентом Москвы?

В феврале 1525 г. магистрат Дерпта заявил, что дерптский епископ Бланкенфельд вел с русскими изменнические переговоры. В ходе Реформации имели место конфликты епископа и горожан, и прелат потерпел поражение. Его изгнали даже из замка в центре города. Якобы Бланкенфельд из-за личных амбиций обратился к русским за военной помощью против своих же прихожан! Вторжения интервентов, которых позвал корыстолюбивый епископ, будто бы стоит ожидать в декабре.¹

Бланкенфельд все отрицал и говорил, что на него возводят ложные обвинения из-за внутренних политических интриг в Ливонии. Это не помогло — 22 декабря 1525 г. он был арестован. Факт переговоров с русскими был в самом деле установлен. Его контакты с воеводой Пскова подтвердила даже Псковская летопись. Прелат будто бы не гнушался приглашением иноземных войск, чтобы на копьях псковских детей боярских вернуть себе Домберг и власть над Дерптом.

Страну охватил ужас, что Бланкенфельд продаст Ливонию «вместе с женщинами и детьми... в руки нехристиан». Ливонцы считали, что их спасли семейные проблемы великого князя Василия III: он якобы совсем уже собрался вторгнуться в Прибалтику, да занялся разводом с женой, Соломонией Сабуровой, и ему стало не до военных походов.

Города требовали для епископа смертной казни. От имени Риги, Ревеля и Дерпта рижский бургомистр Антониус Мутер заявил, что они отклоняют любые переговоры с Бланкенфельдом, поскольку в Ливонии «...многие из живущих

понемногу поговаривали, что за измену приговаривают к смерти через повешение или колесование, <...> что как богатые, так и бедные, <...> и рыцарство и сословия могли бы этого не понять...». Ревель предложил отказаться от принесенной присяги Бланкенфельду со стороны Риги, Дерпта, а в особенности Дерптского епископства, в том числе от лица рыцарства. Вместо этого городам в качестве носителя власти от Бога следовало принимать только орденского магистра, если тот подтвердит их права и свободы. Как мы видим, города хотели воспользоваться «делом Бланкенфельда» для своих политических интересов и, используя его как прецедент, умалить роль католической церкви и ландесгерров в Ливонии в принципе.

Бланкенфельд отверг обвинения, пообещав передать магистру замки и уступить епископство Дерптское. В этих условиях Плетенберг не пожелал продолжать судебный процесс. Судя по всему, магистр опасался эскалации конфликта, что могло привести к обострению отношений с папской курией. Бланкенфельд также подписал примирительное соглашение с епископами Эзель-Вика, Курляндским и Ревельским. Они заключили союз о поддержке и взаимозащите, к которому присоединялось и рыцарство. Вместе с тем, Бланкенфельд и другие прелаты принесли Плетенбергу клятву верности. Хотя он и был реабилитирован и получил свободу действий, Рига его не признала, а изменить ситуацию военным или правовым путем без совета и поддержки Плетенберга было нельзя. К тому же вольмарские соглашения были направлены против промосковской политики. Они устанавливали, что никакие сношения с соседними землями не должны идти в ущерб Ливонии. В противном случае инициатор такой политики будет лишен титула и приговорен к смертной казни.

Вольмарским соглашением 1526 г. Плетенберг постарался укрепить свое политическое положение в Ливонии. Подчинившись, Бланкенфельд практически потерял свою власть над Ригой. Однако Плетенберг не воспользовался этой ситуацией, чтобы преодолеть политический «федерализм». Прежде всего, он должен был увидеть, кто его поддержит на

ландтаге в марте по вопросу о его единоличной власти. Его поддерживали Рига, Ревель и дворянство Гарриен-Вирланда.

Вассалы архиепископства Рижского и епископа Эзельского были против такой политики магистра и назначения Бланкенфельда архиепископом. Рыцарство дерптского епископства заняло нейтральную сторону, в то время как сам Дерпт выступил за сохранение прежнего положения дел. Возможно, Плетенберг опасался, что принятие им всей полноты власти над Ливонией может спровоцировать внутренний конфликт и последующее вмешательство извне. Поэтому он и упустил предоставлявшийся «делом Бланкенфельда» благоприятный шанс установить власть надо всей Ливонией.

Проблема была в том, что, согласно предыдущим договоренностям с Ватиканом и императорским двором, именно Бланкенфельд должен был представлять Ливонию на будущих переговорах, кто станет новым магистром Прусского ордена, если папа и император не признают законными действия Альбрехта и секуляризацию ордена. Плетенберг явно рассчитывал занять это место. В этих условиях осудить или казнить Бланкенфельда было нельзя — переговоры попросту сорвались бы, магистр не успел бы подобрать и одобрить кандидатуру нового представителя. Поэтому все помирились. Прощенный прелат благополучно отбыл в 1526 г. в Европу, встретился в Италии с римским папой Клементом VII и отправился к императору Карлу V. Но в городке с пугающим названием Торкевемада забыл помыть руки перед едой, подхватил дизентерию и в 1527 г. скончался, так и не выполнив своей европейской миссии.

Плетенберг остался один на один с ливонскими проблемами.

Рига и магистр: противостояние или союз?

Плетенберг опасался, что секуляризация Пруссии активизирует аналогичный процесс в Ливонии. И не зря. Уже в январе 1526 г., вскоре после принесения Альбрехтом присяги поль-

ской короне, он получил из Пруссии предложение принять евангелическую веру и секуляризовать орден. Одним из аргументов было утверждение, что «...христианам ради их же совести необходимо сохранять власть заповеди...».

Ливонского магистра беспокоили инструкции ревельского совета на предварительных переговорах в Руине. В них шла речь об отказе от духовной власти и о провозглашении магистра светским герцогом Лифляндским. Как следует из письма И. Ломюллера Хайдеку, в начале апреля 1526 г. он должен был отправиться в Венден по поручению Альбрехта для переговоров с Плетенбергом. В его более позднем письме говорится о запланированных тайных переговорах с рижским бургомистром и несколькими членами совета, участвовавшими в ландтаге.

Совет уже имел контакты с Альбрехтом, который, еще будучи верховным магистром, предлагал взять Ригу под свою защиту и покровительство. Однако на это совет ответил молчанием. Ливония пока не была готова последовать прусскому примеру. Всем хотелось, чтобы ничего не менялось и «цветущая Ливония» таковой бы и оставалась.

Говоря об ордене, стоит отметить две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, среди гебитигеров были противники и евангелического учения, и секуляризации. Причина этого видится в несоответствии внутренней структуры организации принципам наследственного права. К тому же магистр подтвердил свою приверженность прежней вере. С другой стороны, многие среди рыцарей поддерживали происходящие изменения. Даже в окружении главы ордена были открыто исповедовавшие евангелическую веру: например, орденский канцлер (состоявший на службе, но являвшийся братом ордена) Лоренц фон Охтерн. Впоследствии, в период с 1530 по 1544 гг., он будет женат на дочери своего предшественника и получит ряд земель в лен от ландмайстера Германа фон Брюнгеня.

Плетенберг оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он доказал и папской курии, и императору свою приверженность католицизму, отказавшись от мысли

последовать по стопам Альбрехта Бранденбург-Ансбахского. С другой, он не мог не наблюдать кризис «римской веры» и усиление позиций протестантизма. В особенности эти тенденции прослеживались в городах. Их идейным вдохновителем был уроженец Швабии Мельхиор Гофман, одной из центральных идей которого было скорое наступление Страшного суда. Но не менее, если не более важными были его мысли о возможности каждым человеком исполнять обязанности духовного лица, что автоматически ставило под угрозу существование церковных институтов. Это, безусловно, было достаточно опасное утверждение для церковных иерархов, и вполне логичным следствием стала высылка проповедника из города.

Поведение сторонников евангелической веры было вынесено для обсуждения на Вольмарский ландтаг. Согласно его рецессу, сословиям не дозволялось никаких нововведений до той поры, когда не будет созван всеобщий собор. Кроме того, регламентировалась процедура решения имущественных споров. Судя по всему, этот пункт был как раз последствием тех беспорядков, о которых речь шла выше. Магистр в этот раз поддержал архиепископа, в том числе и по вопросу мужских и женских католических монастырей, за которыми были сохранены их привилегии. Города этот рецесс не поддерживали, что явствует из отсутствия их печатей на документе.

Лучше понять отношение Плетенберга к евангелической вере помогает анализ его контактов с протестантскими проповедниками, например с Тегетмаером. С одной стороны, последнему было разрешено проповедовать евангелическое учение, но с другой — магистр запретил ему служить литургию на немецком языке. Кроме того, Плетенберг просил передать проповеднику, чтобы он не способствовал распространению смуты. Скорее всего, эти увещания были связаны с начавшимся крестьянским восстанием в Гарриене и Вирланде. Магистр был обеспокоен тем, что оно могло нарушить стабильность положения его вассалов, в чьей поддержке он нуждался. В пользу этого говорит тот факт, что он пошел на встречу рыцарству во время ландтага, однако за его рамками

дав Тегетмаеру согласие на чтение проповедей, хотя и с некоторыми ограничениями.

Одновременно с урегулированием Дерптской распри и предложением Плетенбергу провести секуляризацию в 1526 г. в рижском совете начинает формироваться пропрусская партия. Ее наиболее активным представителем был рижский синдик Ломюллер. Рига развивает активные контакты с Вильгельмом Бранденбургским, братом прусского герцога и бывшего великого магистра Альбрехта Бранденбургского. Он претендовал на пост коадьютора при рижском архиепископе.

Магистр был осведомлен о планах Вильгельма и стремился им помешать. Это прослеживается в попытке Плетенберга обратиться в Рим с просьбой оставить за ним владение землями в том случае, если Вильгельм будет назначен коадьютором, чему он не мог воспрепятствовать, и не оставлять последнему никаких прав владения.

Ломюллер, синдик Риги и пропрусская партия в совете, чьим активным участником он являлся, надеялись через установление протестантского герцогства и секуляризацию ордена в Ливонии или через объединение с Пруссией реализовать несколько целей: 1) объединиться с экономически сильным регионом; 2) укрепить собственные позиции в отношении феодальных городов; 3) защитить оппозиционно настроенные силы в городе влиятельными сеньорами.

В связи с этим сторонники магистра в совете выступали за единовластие ордена над Ригой, что было зафиксировано в докладе от 1525 г., желая, тем самым, создать противовес пропрусской партии. Последняя, возглавляемая Ломюллером в рижском совете, видела в выборе Томаса Шенинга в 1528 г. архиепископом перспективную возможность осуществить внешнеполитические планы. Шенинг, проповедник кафедрального собора Риги, был сыном берлинского бургомистра. Он состоял в родстве со многими представителями совета. Пропрусская партия навязала ему в коадьюторы брата Альбрехта маркграфа Вильгельма Бранденбург-Ансбахского. Шенинг вряд ли знал о тайных планах Вильгельма

последовать по стопам брата, Альбрехта Прусского, и превратить Ливонию в светское княжество. О подобных намерениях свидетельствуют, в частности, слова Вольфганга Лосса, являвшегося советником герцога, от 1529 «...а король в Ливонию уже найден». Под будущим «ливонским королем» явно имелся в виду Вильгельм.

Шенинг отправил жалобу в имперский суд, что с приходом Реформации в Ригу фактически пропали архиепископские владения и право. 30 июля 1530 г. городской совет подписал с архиепископом договор сроком на 6 лет. Согласно ему, архиепископ вновь получал верховенство в городе, но должен был гарантировать наличие трех евангелических священников. Архиепископ и кафедральный собор получили обратно утраченные во время Реформации дома и владения и могли снова пользоваться своими поместьями. Впредь договор устанавливал ряд правил: 1) споры с подданными разрешал городской фогт; 2) архиепископу не разрешалось собирать у себя сословия, подчинявшиеся городскому праву; 3) если каноники приезжали в город, то они могли жить в домах, но с бюргерами, которые там проживали; 4) лютеранские проповедник и директор школы оставались жить в отведенной им части собора; 5) небольшие драгоценности из церкви оставались в ведении совета; 6) сокровищами в кафедральном соборе по-прежнему ведал архиепископ.

Это означало отказ от духовной юрисдикции в городе. Юрисдикция суда также разделялась. Клирики были судимы архиепископом только за духовные проступки, в остальных случаях они судились городом.

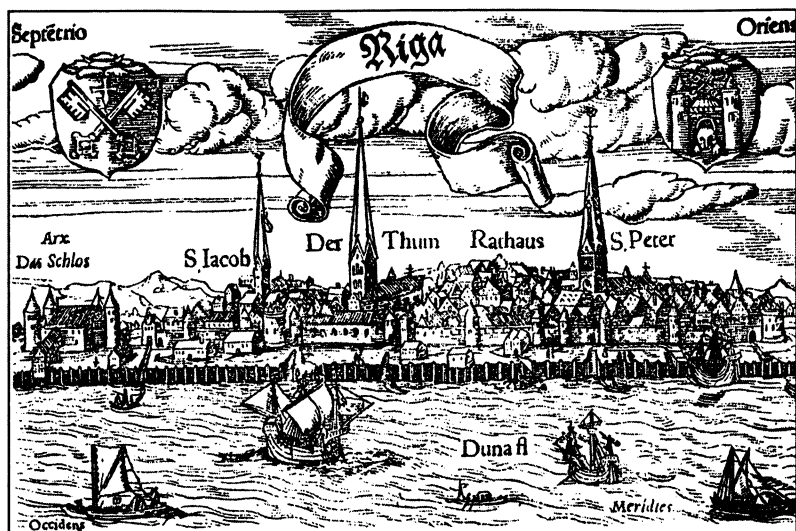
Договор был подписан Шенингом, Ломюллером, кафедральным собором и советом Любека. На обратном пути в Ригу Ломюллер посетил в Виттенберге Лютера, чтобы он высказал суждение и поддержал договор. В коротком письме в совет Риги он ходатайствовал за виттенбергского реформатора, указывал на возможные выгоды для города в случае приема Лютера. Он также занял определенную позицию по политическому вопросу ливонской Реформации. Однако Ломюллер не знал, что антипрусская оппозиция увидела в этом договоре

ограничение своих прав и объявила Ломюллера изменником. Под их давлением совет должен был отклонить этот договор, для Ломюллера требовали публичного отречения от своих.

Шенинг упорно боролся за восстановление своих архиепископских прав, надеясь на поддержку Альбрехта. Результатом стало то, что 15 сентября 1529 г. в Кенигсберге архиепископ назначил Вильгельма Бранденбургского своим коадьютором, заключив также оборонительный союз с Альбрехтом, фактически направленный против Ливонского ордена. Одновременно с этим Шенинг просил о поддержке сюзерена Альбрехта, польского короля Сигизмунда I, который формально считался протектором (покровителем) Ливонии. В июле 1530 г. на ландтаге в Вольмаре Шенинг провел аннулирование акта о смирении, подписанного епископом дерптским Бланкенфельдом от 1526 г., по которому архиепископство было подчинено ордену. Плетенберг уступил в этой ситуации, возможно, не только с целью сохранить мир, но и надеясь на расторжение союза между Шенингом и Альбрехтом.

3 августа в замке Дален начались непростые переговоры между представителями совета и уполномоченными лицами Шенинга, равно как и соборным капитулом об основах Любекского договора. Архиепископ требовал исполнения договоренностей, которые были согласованы на имперском камерном суде. Католическая сторона ссылалась на последующий имперский мандат от 15 января 1530 г., но не смогла его отстоять. Решающее участие Ломюллера в заседании 14 августа продлило его еще на два дня, в которые и отсрочка претензий Шенинга, и временное аннулирование имперского мандата были отклонены.

Когда первые слухи о содержании любекских соглашений достигли Риги, началось недовольство, направленное прежде всего против Ломюллера как главного проводника пропрусской политики в совете. Судя по всему, гильдии осознали надвигающуюся опасность в проводимой советом пропрусской политике и целях, преследуемых коадьютором Вильгельмом в Ливонии.

Рига в 1547 г. Немецкая гравюра середины XVI в.

Антипрусские силы примкнули к Керстену Шлоссмахеру, активно выступавшему против Вильгельма, которого он называл «тираном и разорителем города». Шлоссмахер был в периоды 1528—1532 и 1534—1536 гг. главой рижской «большой гильдии». В совете он представлял большинство членов гильдии против политики «тайного совета». Его достаток позволял ему принадлежать к типичным средним членам «большой гильдии», а не к крупному купечеству, занимавшемуся торговлей между городами и заинтересованному в сохранении относящихся к этому привилегий.

Однако, помимо «большой гильдии», существовала и т. н. «малая гильдия» (*Kleine Gilde*), занявшая сторону ордена. Она выступала против возвращения единоличного главенства в городе архиепископу, поддержав, таким образом, Плетенберга против Шенинга. Члены «гильдии» согласились с идеями, изложенными в любекском послании. Между тем, в 1530 г. Плетенберг аннулировал акт от 1526 г., по которому объявлялось верховенство Шенинга над Ригой. Подобным

действием он, судя по всему, надеялся ограничить прусское влияние на архиепископа. Шенинг теперь мог быть менее опасен, чем пропруская партия в совете.

Как явствует из всего вышесказанного, к первой половине XVI в. в Риге уже сформировалась ярко выраженная бюргерская оппозиция. Она готова была продолжить борьбу с советом и после изгнания Ломюллера. В начале 1534 г. последний констатировал, что торговцы отвернулись от Вильгельма. В городе произошло перемещение в пользу дружественных ордену сил, к которому принадлежала на тот момент большая часть бюргерства. Пропрусские семейства в совете отныне не могли более защитить Ломюллера, пытавшегося добиться в 1533 г. от Альбрехта вооруженного вмешательства во внутренние дела Риги. Синдик предложил герцогу отправить войска, которые могли бы взять ослабленный эпидемией город, но Альбрехт не принял это предложение, видимо, желая спровоцировать орден, возложив на него вину за возможный вооруженный конфликт. Сам Ломюллер, ввиду растущего недовольства им в среде бюргерства, поздним летом 1534 г. стал задумываться о побеге из Ливонии. В письме от 30 декабря этого же года он изложил свои мысли Георгу фон Клингенбеку, бургомистру Мемеля: «Это опасные и трудные времена, к тому же народ слеп и неблагодарен...»

1 апреля 1533 г. магистр Плетенберг и рижский коадьютор Вильгельм заключили союз в Вендене, согласно которому они обязались поддерживать друг друга и не мешать распространению протестантизма. К этому союзу под влиянием Ломюллера присоединился и город Рига. Основные положения договора состояли в следующем: «...святое божественное слово по библейскому Писанию Старого и Нового Заветов проповедуется свободно и беспрепятственно, никто не будет терпеть обид за свое вероисповедание. Всякое начальство должно за тем наблюдать, чтобы избирались такие проповедники, которые бы возвещали слово Божие истинно и ясно и воздерживались от всякого злословия и ругательств. Если же они будут делать последнее, то их следует надлежащим образом штрафовать или совсем оставлять их на

месте. Сословия обязуются помогать друг другу словом и делом. Если из трех договаривающихся сторон (коадьютор со своими сословиями, магистр со своими сословиями и город Рига) две будут несогласны между собой, то третья сторона должна привести их к дружескому и миролюбивому соглашению..., всякое сословие должно быть оставлено при своих правах, привилегиях, управлении, власти, свободных выборах и подсудности...»

Если сравнить статьи этого договора с постановлениями Вольмарского ландтага, то статьи в большей степени конкретизируют положение внутри Ливонии и регламентируют процедуру решения спорных вопросов, что, видимо, является шагом вперед в попытке нормализовать религиозную обстановку на рассматриваемой территории.

Тот факт, что в одном ряду с гарантиями исповедания евангелической веры присутствует обсуждение гарантий прав и привилегий дворянства и городов, показывает степень взаимосвязанности в Ливонии в конфессиональную эпоху реформационных процессов и проблемы поддержания внутри- и межсословного мира, одним из гарантов которого являлась духовно-рыцарская корпорация.

Подтверждение этого документа орденом весьма симптоматично в рамках проводимой им религиозной политики. Представляет интерес и то, что в конце текста среди подписавших этот договор, кроме сословий, от лица духовно-рыцарской корпорации встречается имя не только магистра Плетенберга, но и ландмаршала Германа фон Брюнгеня. Это подтверждает высказанное выше предположение о том, что внутри духовно-рыцарской корпорации росло число сторонников протестантизма. Упомянутый ландмаршал впоследствии занял место магистра и продолжил в отношении евангелического вероисповедания политическую линию, заложенную его предшественником.

Заключение договора вызвало раскол внутри духовно-рыцарской корпорации. Многие из представителей ордена были им недовольны и требовали смещения Плетенберга, заявляя, что союз магистра с Вильгельмом не отвечает потребностям

ордена. Но, несмотря на все попытки достичь компромисса, кризис продолжался. В Ливонии в эти годы главным процессом стало усиление влияния протестантизма, что объективно подрывало могущество и ландесгерров, и ордена. К концу правления Плетенберга позиции католицизма в значительной степени были подорваны.

Одним из показательных для понимания взаимоотношений духовно-рыцарской корпорации и лютеран в Ливонии являются события 1532 г. На Вольмарском ландтаге 25 февраля 1532 г. магистр поддержал сословия в религиозном вопросе. О важности этого шага можно судить по рецессу этого собрания. В нем говорится о том, что отныне всякий человек высокого или низкого сословия может поступать в делах по своему желанию, за что будет держать ответ перед Господом, императором и всеми христианами. Кроме того, каждому разрешалось оставаться при своих обычаях, привычках и богослужении, избегая при этом клеветы и богохульства.

Как видно, данный документ предоставляет широкие религиозные свободы сословиям Ливонии. Судя по всему, упоминание о клевете и богохульстве не было сделано с целью ограничения евангелической веры, поскольку в случае обострения взаимоотношений такой пункт мог весьма широко трактоваться сторонниками католицизма. Скорее всего, такая вставка говорила о нежелании повторения разгромов соборов и монастырей, которые имели место ранее.

Заметим, что собрание сословий в Ливонии было созвано после имперского Регенсбургского рейхстага, на котором, помимо всего прочего, была озвучена идея приостановки преследования протестантов. Судя по всему, такая политика со стороны императора Карла V была вызвана турецкой угрозой.

В 1532 г. был заключен договор о союзе между Ригой, рижским земским рыцарством и курляндским дворянством с целью защиты евангелической веры. Одним из лиц, его поддержавших и подписавших, был орденский комтур Виндау Вильгельм фон дер Бален. Договор предусматривал защиту Риги, если ей будет угрожать опасность в результате ее

перехода в евангелическую веру. Наличие этого источника позволяет говорить не только о прослеживавшейся широкой автономии внутриполитической деятельности отдельных гебитигеров, но и о том, что внутри Ордена, независимо от линии магистра, начинают появляться сторонники протестантизма.

Эзельская распря²

Эзельская распря стала показательным примером сложности происходящих в Ливонии процессов. В этом конфликте отчетливо проявились два противоборствующих лагеря: Немецкий орден и его сторонники, представленные епископом Эзельским со своими вассалами, с одной стороны, и приверженцы пропрусской партии в лице маркграфа Вильгельма Бранденбургского (коадьютора Рижского архиепископа) с его последователями — с другой.

Кoadьютор архиепископа рижского Вильгельм Бранденбургский, брат Альбрехта Прусского, последнего верховного магистра Немецкого ордена, помимо поста рижского коадьютора пожелал занять также епископскую кафедру в Эзель-Вике. Следствием стала так называемая Эзельская распря.

В 1527 г. Георг фон Тизенгаузен сменил скончавшегося Иоганна IV Кивела, на посту епископа Эзельского, и подтвердил жалованную грамоту своего предшественника вассалам Эзель-Вика. 18 октября 1530 г. главный капитул в Гапсале избрал новым епископом Буксховдена. Он отказался подтверждать привилегию Кивела, в которой утверждались права вассалов участвовать в выборе епископа. Отчасти такая позиция была связана с ростом интереса в среде рыцарства Вика к лютеранству.

Под давлением викского рыцарства, недовольного новым епископом, главный капитул в ноябре 1532 г. избрал епископом. Вильгельма Бранденбургского. Ему принесли присягу в Гапсале, в то же время эзельские вассалы поддержали Буксховдена. Зимой начались военные приготовления к событию,

которое будет впоследствии названо Викский мятеж, или Эзельская распря. Вильгельм подчинил себе значительную часть Вика, заняв резиденцию епископа в Гапсале и замки Лоде и Леаль, а Буксховден отступил в Эзель к Аренсбургу, надеясь на поддержку в среде верного ему рыцарства.

Вильгельм Бранденбургский в письменном объяснении, адресованном ландтагу, утверждал, что он представляет интересы папства и императора, а также был приглашен сословиями. Этим он старался показать легитимность своего избрания. Он получил поддержку польского короля, которому приходился племянником. Сигизмунд I отправил на ландтаг своих посланников, которые должны были достоверно выяснить ситуацию. Король был готов поддержать позицию своего родственника. Это была прямая угроза вмешательства во внутренние дела Ливонии.

Кoadьютор нашел поддержку, прежде всего, у главы рыцарства (*Ritterschaftshauptmann* — в Эзельском епископстве эта должность появилась в 1527 г.) Юргена фон Унгерна. Их знакомство состоялось еще на Вольмарском ландтаге 1525 г., в котором Вильгельм принимал участие в качестве посланника Альбрехта Прусского.

Озабоченный этими событиями, Плетенберг начал проводить тайные переговоры с фон Унгерном. Главным образом обсуждался вопрос, как можно было противостоять военной угрозе. Глава духовно-рыцарской корпорации в Ливонии надеялся на возможность решения эзельского вопроса «...правовым путем...». Однако никаких конкретных решений не было принято, а позиция ландтага была направлена на сохранение status quo.

Для ордена в целом и Плетенберга в частности сложилась достаточно сложная ситуация. Магистр выступал с критикой в адрес Альбрехта и Вильгельма, обвинял их в попытках создать бранденбургское герцогство в Ливонии. Магистр отказывался заключить союз с силами за пределами Ливонии, в частности с Польшей. 1 апреля 1533 г. он и ландмаршал Германн фон Брюнгеней заключили с вассалами Эзеля и городом Ригой союз, который гарантировал договаривающим-

ся сторонам свободное исполнение религиозных обрядов. Это было весьма важно для самого Плетенберга, поскольку противоборствующие стороны должны были отказаться от применения силы. Никто не мог нанести вред другой, подписывающей этот договор стороне, прибегая к помощи сил за пределами Ливонии. Запрещалось начинать новые военные действия.

В это время Иоганн Ломюллер, находясь в Вендене (где, кстати, встречался с канцлером Немецкого ордена в Ливонии Лоренцом фон Охтерном), призывал Альбрехта Бранденбургского и Ригу заключить между собой союз. С этой целью сторонники пропрусской партии в рижском совете отправили в Венден своих посланцев, поручив проведение переговоров с Альбрехтом. Судя по всему, упомянутые круги преследовали две основные цели. С одной стороны, заручившись поддержкой обоих представителей дома Бранденбургов, они надеялись укрепить свои позиции в городском совете, а с другой — стремились если не лишить, то значительно ослабить влияние ордена на местное самоуправление. Такая политика послужила определенным катализатором противостояния внутри совета Риги.

Плетенберг поставил себя под удар оппозиции, считавшей возникновение союза отказом от решений ландтага 1532 г. Одним из ее представителей был епископ дерптский Иоганн Бай — сторонник проведения жесткой «католической» линии против Вильгельма. Было и другое лицо, выступавшее против заключения союза, — Германн фон Ронненберг, епископ курляндский: он опасался евангелического государственного переворота со стороны Плетенберга и поэтому старался воспрепятствовать заключению союза с Вильгельмом. Обращает на себя внимание позиция Дерпта и Ревеля в этой ситуации. Они предпочитали «...держаться в стороне...» от этих процессов, несмотря на приверженность евангелической вере. Дворянство Гарриена-Вирланда и дерптского епископства не присоединилось к союзу.

В самом ордене также слышалась критика. Феллинский комтур Роберт де Граве был непримиримым противником

Пруссии. Его недовольство разделяли прежде всего молодые члены ордена, грозившие даже отстранить магистра, поскольку были настроены против поиска компромисса с коадьютором. Это следует из очередного письма Ломюллера Альбрехту от 15 июня 1533 г. Он пишет, что Венденский союз «...неглубоко проник в сердца...».

Иоганн Ломюллер после Вольмарского ландтага 1525 г. написал докладную записку, в которой негативно отозвался о Плетенберге, после чего отправился к Вильгельму. В последнем он видел политическую силу, способную распространить Реформацию на всей территории Ливонии. Еще до рассматриваемых событий Ломюллер составил послание, в котором предпринял попытку оправдать действия Вильгельма с теологической точки зрения. Он признавал, что Буксховден, согласно существующим правовым нормам, мог быть эзельским епископом и получить от императора лен с подтверждением папой конфирмации. Однако и капитул, и рыцарство Вика не имели права восставать против коадьютора. Согласно аргументации Ломюллера, если бы Вильгельм присвоил себе все епископство Буксховдена, покусившись и на другие владения, то это было бы грехом против второй заповеди. Но, поскольку маркграф действовал как инструмент Бога с целью распространения евангелической веры в Ливонии, то, в соответствии с первой заповедью, это не грех. Мюллер называет подобную аргументацию Ломюллера «уловкой».

На Феллинском ландтаге 1534 г. сословия упрекнули рижского архиепископа Шенинга, что его коадьютор сеет смуту в Ливонии. Архиепископ уверял, что виновник кризиса не повредит ни ордену, ни сословиям. Решение Феллинского ландтага, видимо, было направлено против Венденского союза, практически его аннулируя. Собравшиеся, включая Шенинга и Брюггеня, постановили, что законно признанным епископом Эзель-Вика объявляется Буксховден. Как следствие, Вильгельм должен был отказаться от своих притязаний на эти территории, вернуть захваченные им области. Постановления ландтага ставили целью защиту от волнений

и вооруженных конфликтов внутри земель и от внешнего вмешательства, в особенности от Вильгельма и Альбрехта (весьма симптоматично, что уже в первой половине XVI в. они воспринимались как единый агент в дипломатических играх). Вильгельм был вызван для урегулирования конфликта с Буксховденом, а также для того, чтобы принять результаты феллинских соглашений. В конце заседаний ландтага свою печать к его постановлениям приложил и Буксховден.

Деятельность протестантских проповедников не была четко прописана в рецессе этого ландтага, что вызывало недовольство городов. Это было важным моментом, ведь прусская сторона надеялась, что после принятия Вильгельмом евангелической веры Ливония будет секуляризована по прусскому образцу.

Брюггеней более решительно, нежели Плетенберг, отстаивал интересы Буксховдена. Вильгельм, который был вынужден отказаться от своих планов, что, возможно было связано с бегством Ломюллера из Риги, покинул Вик, а в 1536 г. окончательно отрекся от своих притязаний на должность епископа, признав законность Буксховдена.

Эзельская распря стала результатом накапливающихся противоречий политического характера. Однако религиозный вопрос не стоит полностью игнорировать. Поскольку влияние католического архиепископа могло служить препятствием для секуляризации Ливонии, целью Вильгельма Бранденбургского, выступавшего на стороне протестантского Альбрехта Прусского, стало занятие церковных должностей. Если в 20-е гг. вмешательство Пруссии ограничивалось только Ригой, то начиная с 30-х гг. прослеживается усиление политического влияния Альбрехта Бранденбург-Ансбахского.

**«ПОКА НА ВСЕХ НЕ НАЛЕТЕЛ
ВЕЛИКИЙ КОРШУН»:
ЗАКАТ СЕВЕРНЫХ КРЕСТОНОСЦЕВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.**

Почему гибель Ливонии была неизбежна?

В конце XV—первой половине XVI в. положение Ливонии меняется. Напомним, что она состояла из трех компонентов — земель ордена, владений католических епископов (ландесгерров) и территорий городов. Немецкий рыцарский орден изжил свою историческую миссию. В мире больше не было целей, для которых он создавался: все окружавшие его язычники были крещены, христианская религия в Европе давно утвердилась. Нести свет веры было некому и защищать Церковь — не от кого. Происходит вырождение рыцарства, упадок его идеологии, одряхление военного искусства. Огнестрельное оружие господствовало на европейских полях сражений, и оно убило рыцарскую тактику и способы ведения боя. На первый план выходил «продавец шпаги», профессиональный военный наемник с совсем другой психологией и философией, стилем владения оружием и даже другим вооружением.

По католической церкви и ее прелатам в начале XVI в. нанесет сильнейший удар Реформация, которая затронула Ливонию в полной мере. В ее контексте сохранить прежнюю влияние и положение для ландесгерров было невоз-

можно. Недаром инициатива секуляризации в 1550-е гг. исходила от самого главы ливонской католической церкви, рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского. Он тайно принял протестантизм и явно исповедовал эффективный политический принцип: «Не можешь запретить Реформацию — возглавь ее». У Вильгельма ничего не получится. Затеянная им «война коадьюторов» (о ней речь ниже) с призывом к иностранной державе Польше вторгнуться в Ливонию была проиграна. Но эти события обнажили все бессилие ландесгерров, которые еще могли интриговать, но уже не были способны править Ливонией.

В XVI в. меняется роль Ганзы как силы, контролирующей балтийскую торговлю. Распад Ганзы на западные и восточные города был намечен еще во второй трети XV в. Их рассорила политика Дании и Голландии, дающих массу привилегий своим городам и экономически конкурирующих с восточногерманскими.¹ Торговые споры, сопровождавшиеся ростом контрабанды и пиратства, ослабляли Ганзу. Ливонские же города, входившие в Ганзейский союз, не обладали потенциалом, который позволил бы им самостоятельно контролировать прибалтийский сегмент северной морской торговли — для этого у них не было ни материальных возможностей (например, своего военного флота), ни соответствующего масштаба. Чтобы сохраниться как торговые городские центры, они неминуемо должны были искать покровительства более сильных союзов или держав.

В конце XV в., после присоединения к Российскому государству Новгорода (1471—1478), а вскоре и Пскова (1510 г.), меняется характер ливонской торговли. В ливонских текстах она получила название «необычной торговли» (*ungewolicke kopenschopp*). Резко уમાлялась роль старых ганзейских центров — Риги и Ревеля. Рига ориентировалась в основном на торговлю по Западной Двине с Полоцком и другими центрами Великого княжества Литовского, а вот Ревель после закрытия в Новгороде Ганзейского двора пострадал сильно. У него и оставалась только возможность торгового взаимодействия через Выборг. В ответ на арест своих купцов Ганза

пыталась ввести против России что-то вроде санкций — запретить или резко ограничить торговлю. Торговые отношения прервались. А. Л. Хорошкевич указывает, что, согласно официальным документам, новгородско-ливонская торговля была прекращена в 1494—1514 гг., а псковско-ливонская — в 1501—1514 гг.² Н. А. Казакова и Р. Кентманн в качестве даты возобновления русско-ганзейских торговых отношений называют 1514 г., а русско-ливонских — 1509 г.³

Проводником торговой политики как главный ганзейский город региона выступал как раз Ревель. К его изумлению, пограничные ливонские города — Дерпт и особенно Нарва — вместо ограничения торговли с восточным соседом перевели потоки торговли с русскими на себя. Сутью и источником прибыли для ливонских городов был их посреднический характер: русские должны были иметь дело только с посредниками, отгружать свои товары только строго определенным лицам и конторам, а те торговали ими дальше. Это было выгодно ливонцам и куда менее выгодно русским. Теперь же и Дерпт, и Нарва, и Пернов, и другие ливонские города открыли для восточных славян возможность прямой торговли — и русские купцы буквально хлынули в Ливонию. В крупных городах уже с XIII в. существовали «русские концы», расцвет которых пришелся на XV в. — районы, заселенные ремесленниками и купцами, с православными церквями, складами и т. д. Они начинают торговать непосредственно на ливонских рынках, а в случае, если им пытались запретить это делать, — сами занимаются мелкой контрабандой и перепродажей, когда на рынках местные торговцы продавали от своего имени принадлежащий русским товар.

Это меняло всю картину — Ганза и «блюдящие старину» ливонские торговые города оказались не у дел, а процветали не желавшие соблюдать «европейские санкции» приграничные ливонские центры.⁴ На призывы к «немецкому единству» они реагировали плохо — побеждала жажда наживы. Неизвестно, куда бы завела эта ситуация, если бы не разразившаяся война. Но в любом случае прибалтийский мир уже никогда не стал бы прежним.

Меняется и политический контекст на Балтике. В 1523 г. распалась Кальмарская уния — союз Швеции и Норвегии под главенством датской короны. Швеция, долгие годы воевавшая за независимость, наконец-то ее добилась. Она вышла на балтийскую арену как полный сил и энергии молодой хищник, ищущий, кого бы сожрать. Ливония подходила идеально. Ее подчинение означало бы существенный шаг по превращению Балтики в «шведское озеро». Датчане же были также не прочь восстановить свои ливонские владения.

О роли России в грядущей судьбе Ливонии уже говорилось. Присоединение к ней Новгорода и Пскова разрушило весь треугольник прибалтийского «мира-экономики». При этом в Ливонии, похоже, не совсем понимали, что политику с Россией надо строить иначе, чем с Новгородской или Псковской республиками. Как ни парадоксально, но в арсенале ливонских правителей оставались такие инструменты, как угрожать России войной или экономическими санкциями. Это было бы возможно и действительно в отношении новгородских и псковских соседей, но очень наивно в адрес Москвы. Ливония здесь была похожа на ребенка, не понимающего, с каким огнем он балуется.

Дурную шутку сыграла и уже сформировавшаяся привычка ливонцев к спекуляциям на «русской угрозе». Ее воспринимали именно как лозунг, политический фон, лексику «хорошего тона» — политики должны ругать русских, говорить об их варварстве и угрозе «христианскому миру» и цивилизованному человечеству. Но мало кто при этом думал о том, что «русская угроза» серьезна и может воплотиться в реальный конфликт с хорошо предсказуемыми последствиями. Во всяком случае, вплоть до русского вторжения в январе 1558 г. для его предотвращения не делалось ничего, кроме пустопорожних пафосных разговоров.

Сравнивая судьбу Ливонии с соседними странами, следует согласиться с мнением М. Б. Бессудновой, что выживали государства, которые смогли централизовать власть и утвердить сильное монархическое правление.⁵ Например, так было в России, Швеции, в Речи Посполитой в момент ее наивыс-

шего военного триумфа при Стефане Батории (1576—1586) и т. д. То есть Ливонии могло спасти превращение магистра в короля с сильными властными полномочиями. Но на практике это оказалось невозможным: магистр делил власть с гебитами и капитулом, ливонские ландесгерры-епископы никогда бы не согласились ему подчиниться, а города все больше поднимали голову по мере распространения Реформации. Учет интересов всех сторон вел к ослаблению Ливонии как целого.

Сегодня ученые высказывают точку зрения, что у Ливонии были шансы реорганизовать свое внутреннее устройство, приспособить его к веяниям времени и тем самым избежать трагического конца. Шаги к спасению своей страны делал Плетенберг, но судьба не дала Ливонии «второго Плетенберга», а его последователи с ситуацией не справились. Если бы они не столкнулись со столь превосходящими в военном отношении врагами, был бы шанс. Но история распорядилась иначе.

Если помещать историю Прибалтики середины XVI в. в европейский контекст, то происходившее можно в какой-то степени сравнить с Итальянскими войнами 1494—1559 гг. Это были войны, по определению Р. Маккенни, по привязыванию «карликовых государств» к новым монархиям.⁶ Собственно, аналогичный процесс происходил и в Ливонии. Она была карликовым государством. Все принципы, на которых строилась жизнь этой страны в XIII—XV вв., утратили свою актуальность. На раздел Прибалтики претендовали новые европейские монархии — Швеция, Польша и Литва, Дания, Россия. Кончится все для Ливонии ее разделом и привязыванием разных частей к разным государствам.

Таким образом, главной причиной гибели в XVI в. Ливонского государства было изменение исторического контекста — как говорится, «Ливония созрела». Она не смогла найти свое место, геополитическую нишу на новой карте Центрально-Восточной Европы. Слишком много соседей-хищников с алчностью смотрели на богатые прибалтийские земли. Ее судьба была предрешена.

Неправильные выводы магистра Плетенберга

В 1495 г. с нападения русских войск на Выборг началась русско-шведская война. Она продемонстрировала Ливонии, насколько хрупким оказывается ее нынешнее положение и насколько возрос военный потенциал ее восточного соседа. Правда, магистром Вольтером Плетенбергом из этого были сделаны неправильные выводы. Он стал искать не мира с Россией, а союзников против нее на случай военной конфронтации.

В 1497 г. Пруссия выступила с так называемым «планом магистра Вильгельма фон Изенбурга» — проектом создания антирусского военного блока из Дании, Швеции и Ливонии. Плетенберг его поддержал. Ливонцы были в ужасе от происходившего в 1498 г. на русско-ливонской границе. Открытой войны вроде бы не было. Но вблизи границы периодически дислоцировались московские полки,двигающиеся на шведский театр военных действий. Они вели себя без особой деликатности, не считаясь ни с линиями границы, ни с какими-либо договоренностями.

М. Б. Бессуднова приводит перевод сообщения из ливонской хроники — «Прекрасной истории», — в которой описывается приграничная обстановка: «Вопреки перемирию, для несчастных христиан начались бесчисленные разбои. Поджоги, убийства и другие злодеяния; среди прочего некоторых мужчин они нагими привязывали к деревьям и без всякой жалости выпускали на них множество стрел; а их мужские органы либо перетягивали нитками и шнурами, либо отрезали и затыкали в рот; некоторым мужчинам и женщинам они отрезали носы, губы, уши и груди, отрубали руки, а в раны вкладывали издевательские пасквили и в таком виде колючими прутьями и плетью гнали в сторону ливонцев; другим вспарывали животы, вытаскивали внутренности и, чтобы повеселиться, прикрепляли один их конец к дереву, заставляя несчастных бежать так долго, пока они вытягиваются».⁷

Данный рассказ, несомненно, носит апокрифический характер — трудно себе представить московских детей бояр-

ских, на немецком языке XVI в. сочиняющих «оскорбительные пасквили» и вкладывающих их в раны. Большинство из них не умело писать не то что по-немецки — по-русски, не говоря уже о наличии «литературных талантов» пасквилянтов. Но, несмотря на явные преувеличения русской кровожадности в «Прекрасной хронике», конфликты на границе имели место, и страх перед «русской угрозой» в Ливонии нарастал.

Плетенберг в 1498 г. в замке Валк созвал собрание всех ливонских земель и сословий — ландтаг. Главной темой стало противодействие возможному нападению со стороны России. Но каждый тянул одеяло на себя. Города не хотели вводить военный налог, так как опасались, что деньги будут использованы для развития орденовой армии, а она будет им угрожать. Ландесгерры и землевладельцы не хотели отдавать крестьян в ополчение. В итоге были приняты половинчатые решения о сборе налога и созыве ополчения «в случае острой потребности». А пока она не наступила — можно ничего не делать и продолжать рассказывать страшилки, что Иван III держит на своем столе макет Ревеля и мечтает, как он захватит этот город. Магистр рассчитывал собрать для найма солдат военным налогом 14 000—15 000 гульденов. Собрали чуть больше двух тысяч...⁸ Этот факт демонстрирует, насколько серьезно на самом деле ливонцы относились к русской угрозе.

Видя, что Ливония защищать себя не собирается, Плетенберг решил нанести по России упреждающий удар с помощью внешних союзников. В 1499 г. он пытался договориться о военном союзе с Данией, но датский король поставил условием ежегодные денежные платежи и признание Ливонией датского сюзеренитета. Плетенберг отказался, перспектива потери независимости в обмен на датскую помощь его не вдохновляла.

В мае 1500 г. началась русско-литовская война. Россия 14 июля разбила противника в битве при Ведроши и начала захват Северских и Верховских земель. Великий князь Литовский Александр Ягеллончик запросил у Ливонии воен-

ной помощи. Он рассчитывал, что внезапный удар на северо-западе, на Новгород и Псков, ослабит давление русских на юго-западе. Иван III будет вынужден перебросить войска для спасения своих городов. После многих колебаний и переговоров с Пруссией и Священной Римской империей Плетенберг в начале 1501 г. согласился заключить с Великим княжеством Литовским военный союз и вступить в войну с Россией.

Что двигало здесь магистром? В документах вольмарского ландтага из его уст звучит аргументация, что если не помочь Литве — русские ее разобьют и Ливония окажется один на один с разъяренной Россией. Но способ был найден крайне странный — самим ввязаться в войну и тем самым разозлить русских еще больше. Похоже, что Плетенберг не рассчитал силы и всерьез думал, что его войска могут нанести России существенный ущерб, настолько большой, что русские забудут о своих агрессивных планах. Это была ошибка.

В 1501 г. ливонские войска перешли русскую границу и взяли псковский пригород, крепость Остров. Был осажден Ивангород. Ответным ударом в ноябре-декабре 1501 г. русские подвергли Ливонию страшному разорению. А литовцы на помощь не пришли. В 1502 г. Плетенберг осадил Псков, но город взять не удалось. Под Изборском в битве на Смольнинском озере магистр разбил русские войска, после чего, пока противник не нанес ответный удар, Ливония стала срочно искать мира с Россией. В 1503 г. был подписан договор о перемирии на 6 лет. Эта война (1501—1503) получила название «Первой Ливонской войны».⁹ С 1502 г., по свидетельству Даниила Принца, в Ливонии был установлен ежегодный праздник 14 сентября — в честь победы над «московитами» в войне 1500—1502 гг.¹⁰

С одной стороны, план Плетенберга в какой-то степени сработал — крупных военных конфликтов между Россией и Ливонией не было в последующие полвека. В 1509 г. истек шестилетний срок русско-ливонского перемирия. В марте в Москве прошли переговоры, и перемирие было продлено на 14 лет, начиная с 25 марта 1509 года. Договором 1509 г.

также подтверждалась ливонско-русская граница «по старине», как в предыдущих договорах. Вплоть до 1550 г. содержание русско-ливонских договоров принципиально не изменялось (они перезаключались в 1521, 1531, 1535 и 1550 гг.).¹¹

С другой стороны — а насколько это затишье было именно следствием Первой Ливонской войны? Нападение на Ливонию вплоть до середины XVI в. не стояло на внешнеполитической повестке Москвы, у которой хватало проблем с Казанским и Крымским ханствами и Великим княжеством Литовским. Планов покорения Прибалтики вплоть до 1558 г. у Москвы просто не было. Напротив, отношения с германским миром были максимально благожелательными. В 1513—1514 гг. была попытка заключить большой союзный договор России со Священной Римской империей. В первой четверти XVI в. развиваются интенсивные контакты России и Пруссии. Дошло до того, что государь Василий III финансировал польско-тевтонскую (нем. *Reiterkrieg*, пол. *Wojna pruska*) войну 1519—1521 гг. Русские платили немецким рыцарям, чтобы они напали на своих соседей — звучит совершенно абсурдно, но таковы были реалии «высокой европейской политики» в первой трети XVI в. В этом контексте конфликт с Немецким орденом в Ливонии мог бы обрушить все усилия русской дипломатии в Европе и был Москве совершенно не нужен.

Заслуга ли в этом магистра Плетенберга, или таково было стечение обстоятельств? От Ливонии в международных делах уже мало что зависело, и это ярко продемонстрировали последующие события.

Как великий магистр встал на колени перед польским королем, и Что это означало для судеб Ливонии

Решающий шаг к грядущей войне за раздел Прибалтики оказался сделан 15 августа 1525 г. на главной площади польской столицы — в Кракове. У стен городской ратуши и торго-

вых рядов Сукеннице последний великий магистр Немецкого (Тевтонского ордена) и первый герцог Пруссии Альбрехт принес клятву верности королю Сигизмунду I Старому. Прусская ветвь ордена была секуляризирована и превратилась в Прусское герцогство, вассальное Ягеллонам.

Ливония нервно отнеслась к переходу Пруссии под власть Польши. Магистр Вальтер фон Плетенберг обратился в Ватикан с просьбой защитить орден, если притязания Сигизмунда распространяться и на него. Но папе в 1525 г., в самый разгар борьбы с лютеранством, было явно не до Ливонии. Одно время Плетенберг даже рассматривал возможность нападения на Пруссию с целью ее освобождения от поляков, но перейти к активным действиям так и не решился.¹²

Связь судьбы Ливонии с судьбой Пруссии была очевидной: это были отделения одного и того же Немецкого ордена. Мысль об их подчинении другому государству витала у европейских политиков давно. Есть свидетельства (правда, невятные, исходящие от русской стороны), что имперский посол Георг фон Турн в 1490 г. предлагал взять под протекторат Немецкий орден... Ивану III.¹³ В это сложно поверить, но сам факт разговора дипломатов на данные темы свидетельствует: владения тевтонских рыцарей начали делить, они уже больше не воспринимались как серьезный игрок на европейской арене. В 1422 г. первые планы аннексии земель Немецкого ордена появляются в Литве и Польше.¹⁴ Периодически этот вопрос ставит Дания, о чем говорилось выше.

Идея аннексии Ливонии начинает активно муссироваться в Пруссии при формировании принципов внешней политики нового герцогства, то есть в 1525 г. В письме Акации Семы к Альбрехту от 21 июня 1525 г. содержится рекомендация: «не ограничиваться секуляризацией Прусского ордена, но то же сделать и с Ливонией, иначе она станет добычей Москвы».¹⁵ Но реальными военными силами для аннексии Ливонии Пруссия не располагала. Тогда было решено действовать путем интриг.

Альбрехт с помощью польского короля Сигизмунда I Старого добился назначения коадьютором рижского архи-

епископа Вильгельма Бранденбургского, своего младшего брата, сына Софии Ягеллонки, сестры короля Сигизмунда. Мотивы дальнейших действий Вильгельма довольно четко определил историк Г. Форстен: «...стремления Вильгельма, очевидно, клонились к достижению архиепископства и к секуляризации всех орденских земель, с тем чтобы обратить их в светское герцогство и владеть им в ленной зависимости от Польши. Будущее слияние ливонского герцогства с прусским было лишь вопросом времени. Миссия Вильгельма в Ливонии была такой же, какою миссия его брата в Пруссии...»¹⁶

Вильгельм шел к своей цели многие годы, интриговал, устраивал провокации и заговоры, даже, как уже говорилось, развязал внутри Ливонии небольшую войну за Эзельское епископство. В 1539 г. после смерти Томаса Шеннинга он стал рижским архиепископом, что на какое-то время удовлетворило его амбиции. Однако он продолжал свою деятельность по формированию в Ливонии политической коалиции в пользу Польши. В 1547—1548 гг., как показал историк Э. Тиберг, рижским архиепископом совместно с Альбрехтом Прусским и польскими политиками активно разрабатывался план аннексии Ливонского ордена польской Короной.¹⁷

Но этим планам не было суждено реализоваться мирным путем, по прусскому образцу. В качестве игрока на прибалтийскую политическую арену в начале 1550-х гг. возвращается Россия, которая начинает разыгрывать собственную партию в борьбе за Ливонию.

Все могло быть кончено уже в 1550 г.: как Ливония получила отсрочку от смерти

Ливонские хронисты, которые позже обратятся к описанию истоков войны, увидят зловещие признаки будущей катастрофы еще в 1530-х—40-х гг. Повседневная жизнь Ливонии накануне ее гибели в их изображении была буквально пропитана знаками надвигающейся беды.

Конечно, летописцы делали эти описания задним числом и строили повествование в своих хрониках таким образом, чтобы подвести читателя к мысли о неизбежности и закономерности произошедшей с орденом катастрофы. Однако стоит заметить, что бурные события начала XVI в., ликвидация Прусского ордена, Реформация, которую истинные католики воспринимали не иначе, как дело рук Дьявола, — все это в самом деле порождало упаднические настроения. По наблюдению Л. А. Арбузова, в 1530-х гг. в Ливонии резко увеличивается число заказываемых горожанами панихид и молитв за упокой души.¹⁸ Человеческое сознание тщательно фиксировало в окружающем мире признаки «последних времен»: пожары, эпидемии, атмосферные явления, пророчества юродивых. В 1547 г. горела Рига. В том же году по городам гастролировали канатные плясуны из Италии, смущавшие благочестие ливонцев. С 1549 г. пять лет свирепствовала чума. В январе 1551 г. в ночном ливонском небе наблюдались странные явления: в полнолуние видели на луне черный крест с расширяющимися закругленными концами, по обеим сторонам луны возникли два «солнца». В 1553 г. во время городских свадебных гуляний от огня, на котором варились пиво, сгорела соборная площадь в Ревеле. В 1556 г. над Ливонией во время Великого поста висела комета — вестник беды.

Другим символом надвигающейся беды были юродивые. Ливонские хронисты Б. Рюссов и И. Реннер приводят рассказ о некоем Юргене из Майсена, который объявился в Риге и «...прошел почти все ливонские города и земли совершенно босый, голый, покрытый только одним мешком, длинные волосы висели у него на плечах... и хотя у него не было ни чулок, ни башмаков, однако ноги у него были такие горячие, что снег таял у него под подошвами, где он стоял».

Юрген из Риги отправился в Пернов, а далее в Ревель. По пути он работал за харчи у помещиков и крестьян и молился. «Когда его спрашивали, зачем он пришел в Ливонию, он говорил: Господь послал его, чтобы наказать жадность, вы-

сокомерие и тунеядство ливонцев. Он повсеместно обличал людей в этих пороках», называл местных пасторов лицемерами. Юрген восклицал: «Горе Ливонии! Исправьте свои пути!» «Иные считали его безумным, иные за чудака, другие же говорили, что он — знамение Господне и что-нибудь непременно случится в Ливонии». Но пророков люди любят всегда после их смерти — Юргена убили крестьяне по дороге из Ревеля в Нарву, когда он в очередной раз принялся за свои обличения.¹⁹

«Русскую угрозу» в Ливонии постоянно поминали, но эта тема использовалась местными политиками в спекулятивных целях. Ссылаясь на необходимость тратить деньги на организацию обороны против русских и уплату особого налога на оборону от России, они на самом деле занимались собственными финансовыми или политическими комбинациями. Поэтому она порой воспринималась сторонами только как «софистический аргумент» (*Scheinargument*).²⁰

Между тем, в 1550—1551 гг. часы истории начали отсчитывать последние часы Ливонской ветви Немецкого ордена в Прибалтике. Тогда произошли не совсем ясные нам события, почти совсем не отраженные в российских источниках, зато вызвавшие большой переполох в самой Ливонии.²¹

В 1550 г. истек срок предыдущего русско-ливонского перемирия, заключенного в 1535 г., и стороны должны были перезаключить мирный договор. Но что-то не заладилось. Москва внезапно предъявила Ливонии ряд претензий. В ливонских документах о них впервые говорится в письме рижского архиепископа Вильгельма прусскому герцогу Альбрехту от 27 сентября 1550 г. В нем сообщается, что в Дерпт вернулось бывшее в России посольство. Мир удалось продлить всего на год. Царь потребовал от дерптского епископа возврата отнятых у купцов соболей и куньих мехов, выплаты штрафных процентов за это преступление. Кроме этого, русским купцам должны были разрешить свободную торговлю любыми товарами, в том числе свинцом, медью, доспехами и всем

военным снаряжением. В Россию через Ливонию должны беспрепятственно проезжать военные специалисты. В Нейгаузе, Пернове и Нарве должны открыться общие суды. Если через год эти требования будут удовлетворены — перемирие автоматически продлится еще на 10—30 лет.

Русская версия событий известна благодаря хранящемуся в архиве тексту русско-ливонского договора 1550 г. В нем говорится о конфликте, инициатором которого выступает именно Москва: «...благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси положил был гнев на честнаго князя Вифленского, и на архиепископа, и на всю их державу за порубежные дела, и за гостей новгородских и псковских безчестья и за обиды, и за торговые несправления, и что из Литвы и из заморья людей служилых, и всяких мастеров не пропускали, и за то не велел был наместником своих отчин Великого Новгорода и Пскова дати перемирья».²² В договоре Пскова с дерптским епископом 1550 г. этот перечень чуть более подробен: «...за порубежные дела и за гостей новгородских и псковских безчестья, и за обиды, и за торговые несправления, и за дань, и за старые залогии, и что из Литвы и из заморья людей служилых и всяких мастеров не пропускали...»²³

То есть налицо какой-то конфликт, который произошел около 1550 г. и был настолько серьезным, что Россия изменила своей полувековой мирной политике и фактически стала грозить войной. Что же произошло? Могут ли как-то прояснить ситуацию ливонские документы? Перечень претензий русской стороны в них сильно варьируется и не во всем совпадает с текстом договоров 1550 г. Наиболее подробно о русских претензиях говорит составленный задним числом меморандум неизвестного автора о положении Ливонии в 1552 г.²⁴ В нем сказано, что Иван IV — такой же враг христианского мира (в лице Ливонии), как и турецкий султан. Царь выдвигает к Ливонии следующие претензии:

- 1) перекрывание всех путей для русской торговли;
- 2) высокие экспортные пошлины для русских товаров;

3) препятствование ввозу в Россию военных товаров и пропуску военных и технических специалистов, желающих наняться на русскую службу;

4) конфискация товаров у русских купцов, за что следует выплатить компенсацию в 60 000 талеров;

5) умаление титула русского царя всея Руси, именование его всего лишь «великим князем московским».

Несколько загадочным здесь выглядит пункт о непризнании царского титула. Он странен, поскольку с Ливонией не возникало титулатурных проблем. Немецкие тексты русско-ливонских договоров содержат титулование *Kaiser*, и нет примеров, чтобы из-за данного вопроса вспыхивала хоть какая-то полемика. Даже Герберштейн отмечал, что ливонцы — одни из немногих, кто признает царский титул московского государя («Впрочем, титул царя он употребляет в сношениях с римским императором, папой, королем шведским и датским, [магистром Пруссии и] Ливонии и [как я слышал, с государем] турок. Сам же он не именуется царем никем из них, за исключением разве что ливонца»)²⁵. Никаких следов титулатурной полемики в тексте договора 1550 г. не отражено, там стоит *Kaiser und Hercherder aller Russen*.²⁶

Анализ остальных пунктов меморандума показывает, что его целью было не сколько предотвратить войну, столько убедить читателя в ошибочности политики Ливонского ордена по сравнению с другой политической силой в Ливонской конфедерации — Рижским архиепископством. Орден провалил всю подготовку к войне, имеет нелепые территориальные споры с Литвой, его политика вызывает недовольство местного дворянства. Т. о., тема «русской угрозы» была использована для интриг, порожденных политическим противостоянием ландесгерров внутри Ливонии. Из него невозможно понять, что за конфликт случился в 1550 г.

Подтверждение находят только пункты о торговой блокаде и непропуске в Россию иноземных специалистов. Эта проблема в самом деле волновала Москву. В качестве подтверждения этого обычно ссылаются на дело Шлитте. 21 июня

1546 г. немец из города Гослара Ганс Шлитте выехал в Россию. Он решил использовать конъюнктуру момента и выехал ко двору Ивана IV с рекомендацией прусского герцога Альбрехта. В 1547 г. Шлитте вернулся в Европу и там объявил себя эмиссаром Ивана Грозного, которому поручено вербовать в Европе специалистов в области техники, медицины и культуры. Госларец начал свою миссию с необычайной смелостью и блеском. Он явился на заседание Аугсбургского рейхстага и добился аудиенции у императора Карла V. 31 января 1548 г. он получил императорскую грамоту на свободный набор мастеров и ученых и вывоз их в Россию. Текст содержал лишь одно ограничение: недопущение попадания этих специалистов через Московию в Турцию или Татарию. Шлитте набрал 123 человека, однако по просьбе ливонцев их задержали в Любеке, а вскоре и арестовали их предводителя. Пока «эмиссар Ивана Грозного» сидел в тюрьме, собранные им люди разбежались. Специалисты в Россию не попали, правда, остается открытым вопрос, что это были за специалисты — известно, что Шлитте вербовал в свой отряд даже протестантских пасторов. Истории, подобные этой, могли вызвать недовольство Москвы, но вряд ли это был гнев таких масштабов, чтобы начать войну. При дворе Ивана Грозного в XVI в. было много иноземцев, значит, блокада была «дырявой» и всерьез не препятствовала притоку иностранцев.

Договор 1550 г. Россия заключила всего на один год. За этот срок ливонцы должны были «исправитца», и тогда бы он автоматически продлился на пять лет. Кое-какие меры Ливония намеревалась предпринять. На совещании в Вольмаре архиепископа Вильгельма со знатью ордена было решено обязать дерптского епископа заплатить компенсацию за конфискованные у русских меха соборей и куниц, из-за которых и разгорелся весь спор. Что же касается отмены запретов на торговлю, то ливонцы справедливо указывали, что это не зависит только от Ливонии, — такова позиция «христианского мира», это касается всей Священной Римской империи. Проще всего было решить вопрос о совместных

судах, тут уже был опыт предыдущих лет. Но ливонцы боялись подвоха и призывали к осторожности в контактах с русскими.

Основной проблемой было то, что ливонских ландесгерров волновало не столько улаживание конфликта с Россией, сколько извлечение из этого политических дивидендов во внутриливонской борьбе за верховенство. Архиепископ грызся с орденом, города подозревали ландесгерров, знать — города. Все обвиняли друг друга в интригах и наперебой клеветали на соратников перед императором, прусским герцогом, шведским и датским королями.

Русское посольство на 42 лошадях прибыло в Ливонию 19 февраля 1551 г. После переговоров с магистром 2 марта была достигнута договоренность о продлении перемирия. Договор 1551 г. не сохранился, в архиве отложилось только первоначальное соглашение 1550 г. Поэтому не очень ясно насчет «исправления» ливонцев — в чем оно заключалось и что именно было признано русской стороной «исправленным». На переговорах 1554 г. дьяк И. Висковатый в качестве новых обвинений говорил, что в 1551 г. ливонцы нарушили соглашение и «не исправились», как того требовал Иван IV. Но тогда почему Россия пошла на пролонгацию соглашения на 5 лет?

Ливония оценила продление перемирия следующим образом: хотя мир и заключен, москвитам никто не доверяет, и будущее Ливонии туманно. В ситуации 1550—1551 гг. проявились эмоции, настроения и мотивы поведения, доминирующие в эти годы в Ливонии. Это прежде всего восприятие «русской угрозы» как конфликта миров и цивилизаций. При этом до знаковых, глобальных выводов раздувались мелкие, рядовые коммерческие интересы. В любых действиях русских в Ливонии видели покушение на ценности «христианского мира». Необходима блокада России, недопущение в Московию того, что сегодня назвали бы «высокими технологиями».

В будущую войну никто всерьез не верит, но во многих головах она уже идет, воспринимается как свершившийся

факт. Она нужна. Она нужна ливонским ландесгеррам, чтобы, спекулируя на «русской угрозе», плести свои интриги. Даже факт продления договора в 1551 г. явился поводом для ссоры рижского архиепископа Вильгельма и магистра: Вильгельм всячески пытался представить себя перед прусским герцогом Альбрехтом спасителем Ливонии, который сумел договориться с русскими, а магистр якобы обижал послов и вел себя неправильно. Насколько этим инвективам можно верить, неизвестно, но показательно, что и эту критическую ситуацию ливонские политики использовали в основном «для своих нужд», чтобы поливать грязью друг друга.

Война и нападение России были нужны Священной Римской империи, Дании, Швеции, Польше. Из писем их политиков очевидно, что они спекулируют на теме войны, преследуя в Ливонии свои интересы. Появляется целый слой людей, которые хотят ехать в Ливонию, воевать с Россией. Авантюристы, наемники, искатели легкой поживы, юнцы, видящие в этой войне свой великий карьерный шанс. Они доставляли в Ливонии массу проблем местным властям, которые не очень знали, куда деть этих людей, требующих денег, вина, еды и войны. Если такое количество людей мечтает о войне для решения своих проблем — рано или поздно она наступит.

«Ошибка переводчика», или Как лингвистические недоразумения приводят к гибели государств

Годичное перемирие 1551 г. истекло, но на Ливонию никто не напал. Про нее было забыто. Ливонцы подождали-подождали и в 1554 г. наконец-то выслали посольство, потому что неопределенная ситуация «ни мира, ни войны» стала уже всех утомлять. В состав делегации входили: Иоганн фон Бокхорст, Отто Гротус, Бенедикт Форстнов и переводчик Мелхиор Гротхузен — от магистра, и Вольмар Врангель, Дитрих Кавер и Бласиус Беке — от дерптского епископа. В хо-

де переговоров в Москве, длившихся с 28 апреля по 1 июня, ливонцев ожидал сюрприз. Им предъявили целый букет обвинений, каждое из которых было чревато войной: «неисправление», нарушение крестного целования, неплатеж дани, невозврат православным общинам храмов, над которыми учинили поругание, препятствия русско-европейской торговле, чинимые путем непропуска мастеров и отдельных видов товаров, невыгодное для русских посредничество в торговле и даже нападение ливонцев из Нейгаузена на земли вокруг Красногородка и обида, причиненная послу новгородского наместника Адъекану Тускину.

Послы пробовали возражать. Они сразу заявили о готовности вернуть церкви, если православные священники смогут доказать на них свои права. Адъекан был хорошо принят, но устроил пьяный дебош. Его люди били стекла в домах добропорядочных граждан и пытались ворваться внутрь домов, чтобы изнасиловать немецких женщин. Насчет торговых и прочих запретов ливонцы всего лишь выполняют указ императора, поэтому просьба все вопросы и претензии по этому поводу адресовать в империю. Что до посредничества в торговых делах — то оно будет, и распространяется не только на русских, но на всех иноземных купцов вообще, ибо «города живут торговлею».²⁷

Самым неприятным здесь был пункт о Юрьевской дани. Ее происхождение туманно и теряется в глубине веков. Наиболее правильно, как показал А. Селарт, связывать ее с древней данью, взимаемой псковичами с латышей Толовы (память об этом осталась в названии Толовской башни Изборской крепости). Каким образом она трансформировалась в дань, упоминаемую в псковско-дерптских договорах с 1463 г., не ясно. Ливонцы позже рассказывали фантастические истории о каких-то пчельниках в приграничье, с которых русские взимали «медовый сбор», а потом придумали, что эта «дань» распространяется на всю Ливонию. Говорилось также и о связи дани с церковным сбором, платой за русские церкви на землях Ливонии. Точного ответа о том, что собой представляла «Юрьевская дань», нет. Но так или иначе под на-

жимом русских дипломатов и недвусмысленной угрозе, что «царь сам пойдет за данью», ливонцы подписали кабальные обязательства.

И вот здесь начинается интрига. Почему Ливония, взяв на себя обязательство в течение трех лет собрать и выплатить дань России, отнеслась к этому требованию столь беспечно? В роковом 1557 г. дань не была собрана. Ответ, видимо, заключается в том, что, как доказали Э. Тибберг и развивший его наблюдения В. Е. Попов, Россия и Ливония по-разному понимали (или делали вид, что понимают) заключенные соглашения. Имело место некое лингвистическое недоразумение, допущенное случайно или сознательно. Переводы текстов договоров были выполнены разными переводчиками: псковско-дерптский — Гансом Фогтом, новгородский — Мельхиором Гротхузенем. Оба они перевели русское выражение «сыскати дань» (то есть «востребовать ее сбор, выплату») как: «исследовать вопрос о дани»: *denselbigen Zinss undersuchunge thun* и *den Tinss undersocken* соответственно.

Теперь игра слов в новгородском договоре меняла его смысл до неузнаваемости. Согласно немецкому тексту, предполагалось, что дерптский епископ исследует поднятый русскими вопрос о дани и в третий год перемирия отошлет результаты своего расследования в Москву. Если же он этого не сделает, то следствие должна будет провести вся Ливония. А в русском тексте договора стояло, что ливонцы обязуются собрать и через три года выплатить дань, а в случае неисполнения этого условия русский царь сам пойдет собирать ее, то есть начнет войну! Откровенная угроза объявления войны превратилась под пером переводчика Мельхиора в миролюбивое пожелание царя самому принять участие в юридических «разысканиях» через своих послов.²⁸

Перед нами ошибка переводчика или умысел русских или ливонских дипломатов? Для средневековых договоров вообще-то характерна подобная терминологическая двусмысленность. Послы больше всего боялись навлечь на себя гнев сво-

их монархов, поэтому нередко случаи, когда каждая сторона писала в своем варианте договора то, что им велел государь, а не то, о чем договорились с участниками переговоров. Разница текстов договоров устраивала всех. Русские дипломаты Адашев и Висковатый отчитались перед царем Иваном Грозным, что дело сделано — Ливония обещала заплатить. Ливонские послы по возвращении могли заявить, что они отвергли страшные и необоснованные претензии московского варвара и согласились только на «расследование» вопроса о дани. В любом случае это было на руку обеим сторонам, и 24 июня 1554 г. в Новгороде они скрепили договоры печатями.

7 июля 1554 г. ливонское посольство, подписавшее роковой мирный договор с обязательством уплаты Юрьевской дани, вернулось в Ливонию. Первый отклик на это событие содержится в письме Кристофа Штурца, канцлера архиепископа Вильгельма, к своему патрону от 8 июля.²⁹ Он пишет, что теперь уже ни чума, ни татары не будут преградой к русскому вторжению в Ливонию. Надо воспользоваться предоставленной трехгодичной отсрочкой и за это время достичь договоренностей с татарами, Польшей или Швецией, которые помешают Москве реализовать ее агрессивные намерения. Георг Таубе призывал на помощь Польшу, Швецию и Данию. Выходит, Ливония платить изначально не собиралась (никто не говорит о необходимости сбора дани), а рассчитывала на свою принадлежность к «христианскому миру», на заступничество Европы. В ней, несомненно, понимали, что послы слухавили и что ситуация складывается не столь замечательно, как хотелось бы побывавшим в Москве дипломатам. Как показал М. Маазинг, среди ландесгерров были страх перед «русской угрозой», опасение, что неплатеж дани может привести к войне. Магистр обвинял дипломатов в превышении полномочий.³⁰ Но дни шли за днями, ничего страшного не происходило.

Даже когда в 1555 г. новгородский посланник Келарь Терпигорев прибыл в Дерпт для подтверждения соглашения, ливонские политики утвердили договор, но с «протестаци-

ей». Под ней понималось право оспорить договор в камерном суде Священной Римской империи. Сразу же обнажилась пропасть между юридической культурой европейски образованных ливонцев и дипломата московского царя. Терпигорев понятия не имел, что такое «протестация». Канцлер Дерптского епископа Юрген Гольцшуер на переговорах советовал не делать громких заявлений и как бы признать договор, но просить рейхскаммергерихт объявить дань незаконной и тем самым перенести спор в плоскость столкновения России со Священной Римской империей. Он утверждал, что «уж император поставит московитов в границы». Однако реакция русского дипломата Терпигорева на подобные заявления была равнодушной: «А какое дело моему государю до императора!»

Дерптский епископ в начале 1556 г. обсуждал с ливонскими сословиями, как ему дезавуировать проблему выплаты русской дани. Платить ее он не собирался. Рюссов свидетельствует, что среди ливонцев бытовали настроения: «Лучше мы сто талеров провоюем с московитом, чем хоть один талер дадим ему дани».³¹

Вместо сбора денег ливонцы занимались архивными изысканиями, результатом которых стали пять старых договоров: два из городского архива Дерпта и три — из епископского, в которых о дани не было ни слова. Посчитав, что они таким образом «сыскали дань», дерптский епископ и магистр направили в начале 1557 г. посольство в Москву, снабдив его обнаруженными документами.

Аргументы послов не произвели на царя никакого впечатления: он посоветовал им «отставить их безлепичные и не прямые речи» и исправиться во всех делах. Напрасно орденские послы убеждали Ивана Висковатого, будто магистр «...и вся ливонская земля поняли тот пункт, который записан в последней грамоте, не иначе как „расследование, наведение справок“ (нем.: *nachforschung, erkundigung*), а не „собираание“ (*samlung*), как это толкует царь и государь всея Руси: поэтому это недоразумение, будто дерптский епископ обязан давать царю всея Руси подать или дань...»

В марте 1557 г. послы были «бездельно отпущены с Москвы». Ливония занервничала, и было от чего — призрак войны приблизился неожиданно близко. «А теперь из-за глупого недопонимания одного слова все зашло так далеко», — говорилось в инструкции новым дерптским послам в Москву в сентябре 1557 г.³² Только теперь ливонская дипломатия решила начать торг о сумме выплат. Но было уже поздно: в ноябре 1557 г. при дворе Ивана Грозного выйдет русская грамота об официальном объявлении войны Ливонскому ордену,³³ а в январе 1558 г. поместная конница перейдет границу и начнется война...

Кто первый хотел захватить Ливонию — русский царь или польский король?

К началу 1550-х гг. становилось все яснее, что орден представляет собой легкую добычу. В сентябре 1552 г. на тайной встрече Сигизмунда II с герцогом Альбрехтом Прусским в Крупишках и Брайтенштайне король поручил ему разработать план инкорпорации Ливонии по образцу присоединения Пруссии 1525 г. Главным мотивом будущей интервенции было нежелание уступить русским: Ливония должна быть превращена в лен Ягеллонской монархии, чтобы «не достаться Московии». Историк А. Н. Янушкевич также считает, что Ливония оказывалась выгодным плацдармом для военного противостояния Великого княжества Литовского с Россией, не говоря уже об экономических выгодах от этой инкорпорации.³⁴

И польские, и прусские, и ливонские политики отдавали себе полный отчет, что Ливония не сможет противостоять Московии в случае серьезного военного конфликта. Причем, как и Россия, Польша апеллировала к очень древним, забытым и никогда не исполнявшимся договорам: в 1366 г. император Священной Римской империи Карл IV Люксембургский признал за польским королем Казимиром Великим и его наследниками титул протектора Рижского архиепископ-

ства. Теперь Сигизмунд II «вспомнил» об этом ягеллонском наследстве и напомнил, что является протектором и покровителем Вильгельма, рижского архиепископа.

Вильгельм в декабре 1552 г. горячо убеждал магистра фон Галена, что только Королевство Польское и ВКЛ в состоянии противостоять силе и мощи великого князя московского. Поэтому как было бы замечательно, если бы польско-литовская армия собралась бы около ливонской границы. Правда, фон Гален на призыв появления чужой армии у границ Ливонии отреагировал сдержанно и указал на необходимость соблюдения принципа нерушимости границ. В ответ Вильгельм отправил очень взволнованное письмо, что нет никаких свидетельств, будто бы литовские войска собираются нарушить границу, они не захватчики, а защитники. Король Сигизмунд II, справедливый сосед Ливонии, будет соблюдать все достигнутые соглашения.³⁵

Таким образом, уже в конце 1552 г. был фактически продекларирован план вовлечения Ливонии в орбиту политики Короны, план предоставления военной помощи в обмен на политический союз. «Страшилкой», в значительной мере спекулятивной, здесь выступала Россия. И Вильгельм, и магистр искали контактов с Сигизмундом II. Со стороны архиепископа это было поручено его канцлеру Христофору Штурцу, со стороны магистра — советнику Иоганну фон Бокхорсту. При этом Вильгельм хотел вести переговоры с польским королем отдельно от магистерского посла. Рижскому архиепископу помогал Альбрехт, выступавший посредником.

В апреле 1554 г. на переговорах орденского канцлера Кристофера Буттихера с датским королем Христианом III обсуждался вопрос о претензиях Копенгагена на ливонские земли. Орден хотел получить зафиксированные в договоре гарантии отказа датской короны на территориальные претензии, а Христиан III с разными отговорками затягивал принятие подобного решения. Он требовал от магистра предоставления документальных свидетельств о правах ордена на Северную Эстландию. В результате желаемые для рыцарского государства договоренности достигнуты не были, Дания со-

хранила для себя возможность ставить под сомнение территориальное единство Ливонии. Звучало также требование передачи Нарвы в виде обеспечения старинных денежных займов ордена у датской короны. Магистр надеялся только на мирный ливонско-датский договор 1544 г., гарантом которого выступал император Священной Римской империи. Это соглашение могло удержать Христиана III от попыток решить территориальный вопрос военным путем.

Эти ожидания в какой-то мере оправдались: в 1554—1556 гг. Дания формально не вмешивалась в разгорающийся конфликт вокруг Ливонии, несмотря на все попытки, предпринимаемые Польшей и Пруссией, вовлечь Христиана III в антиливонский союз. Датский король считал, что Ливония должна оставаться частью Священной Римской империи и никакого передела власти и тем более подчинения отдельных частей орденского государства другим странам быть не должно. В то же время Дания была заинтересована в решении вопроса о взимании дани с провинций Гарриен и Вирланд и неоднократно выдвигала данное требование на переговорах с Ливонией.³⁶

У Альбрехта к тому времени возник к ордену и личный счет: весной 1554 г. был раскрыт заговор герцога Генриха Брауншвейгского и немецких рыцарей. Мятежники хотели свергнуть Альбрехта, которого считали предателем, и восстановить из Пруссии Тевтонский орден во всем его средневековом блеске и могуществе. Заговор был разоблачен, Сигизмунд II направил послов в Священную Римскую империю, Поморье, Гданьск, Ливонию, Бранденбург с призывом не поддерживать мятеж. Генрих, осознав, что его планы провалились, уехал в Голштинию. Но было понятно, что такие заговоры неизбежны и будут повторяться, пока существуют ливонские рыцари.

В этом международном контексте ливонский вопрос и для Пруссии, и для Короны приобрел особую остроту. В августе 1554 г. в Вильно прибыл прусский посол Асвер фон Брандт. Он привез секретный мемориал с планом покорения Ливонии. В основу была положена модель присоединения

Пруссии 1525 г. Польша должна предложить ордену свою защиту от нападения русских на условиях признания короля сюзереном магистра. Герцог рассчитывал, что висящий над головой ливонцев дамокловым мечом русско-ливонский договор 1554 г., по которому они обязались платить Юрьевскую дань, сделает их более сговорчивыми. Ливонии нужны гарантии обороны от русской агрессии, это очевидно. И Корона должна быть готова их предоставить — в обмен за инкорпорацию по прусской модели. Кроме того, на случай, если страха, что «русские идут», окажется недостаточно, герцог предлагал пугать ливонцев возможной датской агрессией и потерей Гарриена и Вирланда. Одновременно надо подталкивать к началу борьбы за эти провинции датского короля Христиана III, чтобы угроза не казалась ливонцам беспочвенной.³⁷

«Война коадьюторов» как провокация польской Короны

Альбрехт приступил к активным действиям. В феврале 1555 г. в Шверине он провел переговоры с мекленбургским герцогом Яном Альбрехтом, на которых и родилась идея использовать для дестабилизации обстановки в Ливонии назначение коадьютором рижского архиепископа молодого герцога Христофора Мекленбургского. Оно было прямым нарушением рецесса Вольмарского ландтага 1546 г., по которому представитель наследственной аристократии не мог быть назначен коадьютором или епископом, поскольку это грозило секуляризацией ордена.

План Альбрехта, подготовленный к июню 1555 г., был прост. Назначение Христофора, «многообещающего юноши 18 лет» (род. 1537), должно будет вызвать недовольство руководства ордена. Видимо, кроме того, был расчет и на то, что Христофор окажется несовместим с суровым миром северных крестоносцев в нравственном отношении. Потеряв отца в 10 лет, юноша получил «женское воспитание» при дворе его матери в обществе придворных дам. В 16 лет

он впервые оказался игрушкой в руках политиков — был послан в Париж в качестве заложника от протестантских князей. В 17 лет стал обладателем титула епископа Ратценбургского. По словам Г. В. Форстена, Христофор был «...изнеженный, под постоянной опекой боготворившей его матери, для своих лет слишком рано вкусивший всех мирских удовольствий в бытность свою во Франции, религиозно индифферентный, без надлежащего образования, занятый одною только мыслью, как бы веселее и беспечнее провести жизнь...».³⁸

Такой заместитель главного католического владыки страны не мог не вызывать раздражения у ордена. С Вильгельмом у рыцарской верхушки и без того непростые отношения. По мнению Альбрехта, коадьюторство Христофора спровоцирует выступление ордена против Рижского архиепископства — и тогда Сигизмунд II получает законное право вмешаться в конфликт как протектор и родственник Вильгельма. Вмешательство может иметь любые формы — вплоть до отправки войск на защиту архиепископа и его коадьютора, то есть фактически — военного вторжения и интервенции. Сигизмунд II должен незамедлительно отправить послов к архиепископу с уведомлением его об этом плане и гарантиями поддержки в любой ситуации.

1 сентября 1555 г. на встрече с Альбрехтом Сигизмунд II принял план и обещал оказать Христофору полную поддержку. 27 сентября последний через Штетин, Данциг, Мальборк и Кенигсберг выехал в Ливонию. Ровно через два месяца, 27 ноября 1555 г. он прибыл в замок Кокенгаузен, для встречи с Вильгельмом и капитулом.

Все действующие лица были в сборе, и 9 декабря 1555 г. большая политическая игра началась. Ставкой в ней была судьба Ливонии. В этот день Вильгельм отправил магистру Генриху фон Галену (избран главой ордена в 1551 г.) письмо, в котором извещал о прибытии Христофора и о своем желании назначить его своим коадьютором. Этот выбор поддержан римским королем Фердинандом, мекленбургским герцогом Яном Альбрехтом, а также князьями империи. Все

эти сановники не признают решения Вольмарского ландтага 1546 г., и с этим ордену придется считаться. Поэтому Вильгельм просит магистра или согласиться с кандидатурой Христофора, или четко и недвусмысленно обозначить свою позицию по этому вопросу.

Генрих фон Гален занял уклончивую позицию: он не отказал Христофору, чтобы не ссориться с его влиятельными покровителями, но и не поддержал его кандидатуры. Он ответил, что в январе 1556 г. в Вендене соберется орденский конвент, который и рассмотрит проблему.

12 января 1556 г. на заседании конвента в Вендене выступил польский посол Каспар Ланский. Он предъявил требование Сигизмунда II как протектора рижского архиепископа избрать коадьютором Христофора. Конвент подумал два дня и 14 января пришел к выводу, что он неправомочен принимать какие-либо решения, а утвердить или отклонить кандидатуру коадьютора может только общеливонский ландтаг.³⁹ Ланский попытался настоять и получить более четкий ответ, неважно, положительный или отрицательный. Отрицательный для реализации планов Альбрехта — Сигизмунда II был бы даже лучше. Но руководство ордена проявило стойкость и продолжало отделываться туманными высказываниями.

28 января 1556 г. рижский капитул, собравшийся в замке Лемзаль, избрал Христофора коадьютором. Тем самым магистр просто был поставлен перед фактом. Таким образом, реализация плана Альбрехта началась. Сперва казалось, что он провалился — несмотря на все усилия Вильгельма, руководство ордена заняло уклончивую позицию, избегая резких выступлений и заявлений. Христофора не поддерживали, но и не выгоняли со скандалом. Магистр ссылался на конвент, конвент — на общеливонский ландтаг. Орден всеми силами противился эскалации конфликта. Эффект от недовольства назначением Христофора оказался куда меньшим, чем ожидали Сигизмунд II и Альбрехт.

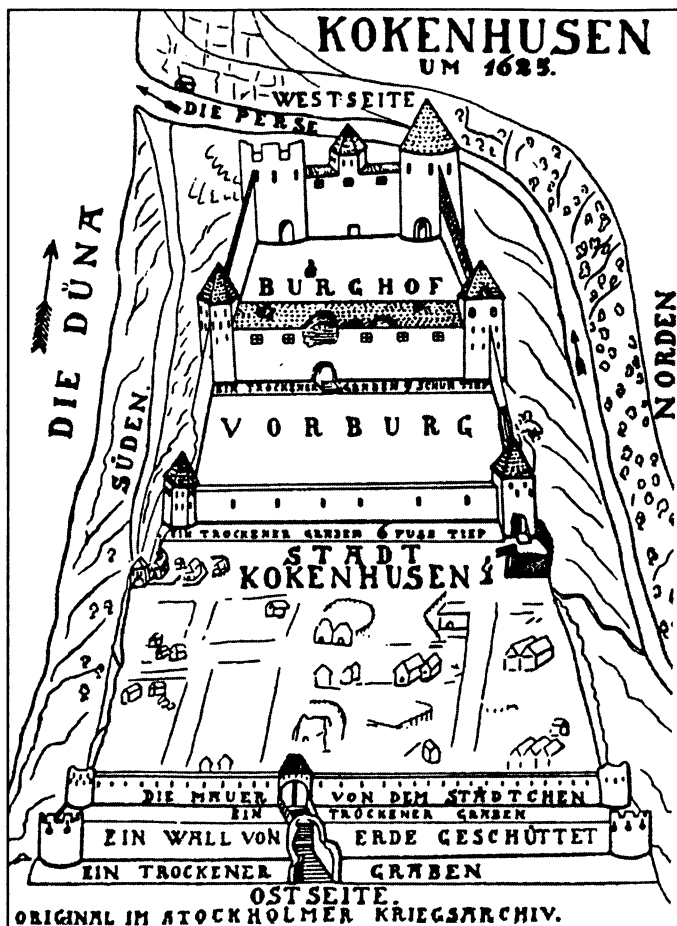
Вольмарский ландтаг в марте 1556 г. признал Христофора Мекленбургского коадьютором, хотя и несколько ограничил

его в правах. Но в качестве «ответной любезности» ландтаг принял еще одно решение, которое и обострило обстановку до предела. Магистру Генриху фон Галену также был нужен коадьютор. На этот пост претендовал маршал Яспер фон Мюнстер. Однако был избран другой человек — феллинский командор, вестфалец по происхождению, Вильгельм Фюрстенберг. Это вызвало раскол ордена на сторонников фон Мюнстера и союзников Фюрстенберга.

Дальнейшие события получили название «война коадьюторов».⁴⁰ Это был конфликт, с одной стороны, Яспера фон Мюнстера в союзе с коадьютором Христофором Мекленбургским и архиепископом Вильгельмом Бранденбургским, и, с другой стороны, коадьютором магистра Вильгельмом Фюрстенбергом, орденом и ливонскими городами. Группировка Мюнстера — Вильгельма очень рассчитывала на помощь Королевства Польского, вплоть до интервенции польских и литовских войск в Ливонию.

Война началась 5 мая 1556 г. с неудачной попытки сторонников фон Мюнстера захватить Дюнамюнде. 10 мая 1556 г. мятежники обратились к Сигизмунду и Альбрехту Прусскому с официальной просьбой о польской военной интервенции. Вильгельм просил прислать через Ревель три военных корабля и 3000 воинов для «реализации первой фазы нашего плана». Вильгельм собирался поднять мятеж в Курляндии, которая была наименее готова к сопротивлению.

Однако бунтовщиков безоговорочно поддержали только два замка в Курляндии: Митау и Нитау. Лидеры мятежников вели себя пассивно. Вильгельм и Христофор сидели в замке Кокензаузен и постоянно требовали от Польши и Пруссии вмешательства в конфликт. 8 июня о неподчинении мятежному архиепископу заявила Рига, а 16 июня ее действия поддерживали все епископы ордена. 16 июня Вильгельм получил официальный акт объявления войны. Орден воевал лучше, чем растерявшиеся мятежники. 24 июня орденские войска взяли Зербен, резиденцию секретаря Вильгельма Кристофора Штурца, и замок Пибальг, принадлежавший коадью-

Замок Кокенгаузен. Рисунок 1625 г.

тору Христофору Мекленбургскому. Сам Христофор вместе с Вильгельмом были осаждены 28 июня в Кокенгаузене. Не успели орденские войска занять позиции вокруг замка, как к их передней линии выехал Христофор Мекленбургский с сообщением, что Вильгельм желает сдаться и требует немедленно начать переговоры о капитуляции. Война закончилась победой Фюрстенберга и поражением мятежников.

«За честь короля!» Как Польша чуть не напала на Ливонию в 1557 г.

Однако Польша не желала уступить Ливонию столь легко. Для контактов с Вильгельмом выехал посол Сигизмунда Каспар Ланский. Он был убит в случайной стычке людьми командора замка Розиттен Шарля фон Белля. Убийство посла и пленение Вильгельма, родственника короля Сигизмунда, поставили Ливонию, Королевство Польское и Великое княжество Литовское на грань войны. В 1556 г. стороны ограничились военными демонстрациями вблизи границы — положение спасло вмешательство дипломатов Дании (прибывших в Ливонию в ноябре 1556 г.). После дебатов, длившихся несколько месяцев из-за различных проволочек, 19 марта 1557 г. был составлен проект договора, содержащего условия, на которых Вильгельм мог вернуться на должность Рижского архиепископа, а Христофор Мекленбургский — рижского коадьютора.⁴¹

Датские посланники на обратном пути в Данию проводили в Вильно переговоры с Сигизмундом и Альбрехтом Прусским. На этой встрече Альбрехт настаивал на необходимости создания тесного союза Польши, Литвы и Ливонии вплоть до фактической инкорпорации последней.⁴² Сигизмунд же высказывался в крайне воинственном тоне, обещая заступиться за «безвинно страдающего» Вильгельма. В результате миссия датских посредников оказалась провалена: в мае 1557 г. им дали понять, что Сигизмунд не подтвердит достигнутых ими договоренностей.

Правда, практически одновременно ко двору Сигизмунда 11 мая 1557 г. прибыли послы Священной Римской империи, которые привезли решение по делу рижского архиепископа как подданного империи, принятое германским рейхстагом 20 декабря 1556 г. Оно касалось в основном имущественных условий освобождения Вильгельма и подробно оговаривало как возмещение ущерба ордену за «войну коадьюторов» из бывших владений архиепископа, так и земли и замки, которые должны быть отданы на содержание бывшему мятежнику. 24—25 июля 1557 г. прошли вялые польско-имперские переговоры, которые не привели ни к какому решению.

Летом 1557 г. литовская армия под общим командованием троцкого воеводы Миколая Радзивилла, в которой также были 4000 коронной пехоты и 2000 конников под командованием коронного маршалка Яна Малецкого, прошла маршем от Вильно до Аникшты и была сосредоточена у границ ордена.⁴³ Современники, нагнетая обстановку, приводили совершенно фантастические цифры состава армии. Римский нунций в Польше Бонджиованни писал, что Польша выставила 100 000, а Литва — 70 000 воинов. Одновременно от замка Рагнит к ливонским границам двинулись прусские отряды Альбрехта, которые планировали соединиться с силами Сигизмунда под Биржами и Салатами.⁴⁴ Была подготовлена официальная грамота об объявлении королем Сигизмундом II войны Ливонскому ордену.

Под угрозой вторжения новое руководство ордена (умер магистр фон Гален, и его место занял Фюрстенберг) заявило, что готово к переговорам на любых условиях. Посредником выступила Священная Римская империя. 5 сентября 1557 г. был подписан Позвольский мир, ратифицированный магистром Фюрстенбергом 14 сентября.⁴⁵ Он заключал в себе несколько соглашений. Первое касалось отношений между магистром и рижским архиепископом. Вильгельму и Христофору обещали восстановление в должностях, полномочиях и владениях. Христофор объявлялся официальным наследником Вильгельма на Рижском архиепископстве, если на это будет воля самого Вильгельма. Главным здесь было получение

Вильгельмом юрисдикции над половиной Риги. Ему возвращались символы архиепископской власти, грамоты, книги и акты личного хозяйства. Полностью возмещались все материальные убытки, в том числе — военные трофеи рыцарской армии, захваченные при взятии городов, защищаемых мятежниками.

Второе соглашение было заключено между магистром и польским королем и содержало в себе условия мира между Ливонией, Королевством Польским и Великим княжеством Литовским. Первыми из них были восстановление в должности и реституция в отношении Вильгельма и Христофора, о чем подробно говорилось в первом документе. Во-вторых, учреждались специальные комиссии для разбора пограничных дел. Здесь Корона пошла по традиционному пути: учреждались комиссары, которые должны были зафиксировать границу по ее демаркации 1473 г. (т. н. «Радзивиллова граница»). Также учреждался суд по пограничным конфликтам из трех литовских и трех ливонских дворян. Раздел предполагалось начать 1 августа 1558 года, и в дальнейшем его собирались подвергать ревизии каждые пять лет. Фюрстенберг принимал на себя обязательство компенсировать все военные расходы, понесенные армией Сигизмунда во время похода к границам Ливонии. Точная сумма компенсации в соглашении не указывалась.

Кроме того, 14 сентября 1557 г. в присутствии все тех же имперских посредников Фюрстенберг подписал с Сигизмундом третье, отдельное союзное соглашение, направленное против России. Московия объявлялась общим врагом. В случае нападения России на Литву или Польшу Ливония была обязана выступить на их стороне, и наоборот. Стороны не могли заключать сепаратное мирное соглашение с Россией без консультаций друг с другом и одобрения принятого решения обеими сторонами. Правда, в договоре был пункт, что ливонско-польский союз вступит в силу только через 12 лет.

В историографии получило распространение мнение, что Позвольский мир открывал прямую дорогу к грядущей Ливонской войне: он грубо нарушал условия русско-ливонского

соглашения 1554 г. Однако вопрос о том, являлся ли Позволь для Москвы *casus belli*, довольно спорный. Нет никаких русских свидетельств, что на решение Ивана Грозного напасть на Прибалтику повлиял именно Позвольский договор. Во всяком случае, русские дипломаты сами никогда не указывали его как главную причину войны.

По образному выражению О. Дзярновича, «войну коадьюторов» и Позвольский мир, которые могли бы положить конец разделу Ливонии, «теперь помнят только историки» — все затмила начавшаяся в 1558 г. Ливонская война.⁴⁶ Она поставила крест на дальнейших планах Альбрехта и Сигизмунда II в отношении Ливонии: теперь события развивались в совершенно новом контексте.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА: РАЗГРОМ И ГИБЕЛЬ НЕМЕЦКОГО ОРДЕНА

Русское вторжение в Ливонию в январе 1558 г.

В декабре 1557 г. в Москву отправилось ливонское посольство — Элерт Крузе от Дерпта, Клаус Франке и Томас Хорнер от магистра. На переговорах 8—11 декабря им удалось договориться о некотором снижении размеров дани. Царь согласился, но потребовал немедленной уплаты, а у дипломатов денег с собой не оказалось. Они пытались занять необходимую сумму на месте, у московских купцов, но получили отказ. По слухам, москвичам запретил дать ссуду сам Грозный. Иван IV разгневался, решив, что попытка заплатить через заем и уменьшение платежей есть очередная проволочка ордена. Результаты этого нетрудно было предвидеть: «царь сам пошел за данью». Перед отъездом ливонцев, по Д. Фабрицусу, была разыграна символическая сцена: послов позвали к столу и подали им пустые блюда.¹ Когда расстроенные ливонцы уже покидали Москву, их догнал пристав, заявивший: «Оставляйте в залог свои драгоценности и сами сидите в Москве заложниками, пока не привезут дань, — тогда войны не будет». Но послы испугались, отказались и поспешили уехать из России.

В январе 1558 г. (ливонские хроники называют разные даты от 22 до 25 января)² войска Ивана Грозного вторглись

на территорию Ливонии. Нет никаких оснований видеть в этом какие-то далекоидущие стратегические планы по достижению выхода к Балтийскому морю и т. д. Ни в одном источнике того времени не говорится о подобных причинах войны. В 1558 г. царь хотел покарать ливонцев, особенно жителей Дерпта и Дерптского епископства, за неподчинение и неплатеж дани. Ливонию стремились сломать и унизить. Январский поход 1558 г. можно назвать карательным. Решение о нем, как явствует из грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену, было принято в ноябре 1557 г. Если бы ливонцы заплатили в декабре, возможно, поход бы и не состоялся.

О количестве войска можно судить только по косвенным указаниям. В частности, нам известно число голов. В большом полку было 13 голов, в полку правой руки — 7, в передовом полку — 8, в сторожевом полку — 5, в полку левой руки — 5. В среднем под началом головы в русской коннице XVI в. обычно находилось от нескольких десятков до нескольких сотен человек — точное число вряд ли было фиксированным, но, видимо, колебалось от 50—100 до 200—300. Приняв максимальное количество в 300 человек, получаем: в большом полку 3900, в полку правой руки — 2100, в передовом — 2400, в сторожевом — 1500, в полку левой руки — 1500; итого — в ливонском походе 1558 г. участвовали от 4000 до 11 000. К этому надо добавить семь отрядов служилых татар, расчеты полевой артиллерии, обозников и т. д. У страха глаза велики, и ливонцы завышали число русских в 4—15 раз (от 40 до 65 тысяч).

Русские им в этом активно помогали: ливонский хронист Реннер приводит свидетельство, что кнехты поймали русского командира с грамотами, в которых был расписан состав войска — более 60 000 человек. Это явная дезинформация, специальный вброс, все российские вооруженные силы в XVI в. насчитывали не более 100 000, и 2/3 из них отправиться в поход в Ливонию ну никак не могли. Но нетрудно представить себе эмоции немецкого командования, когда взят «язык» и из найденных при нем документов известно, что на их страну прет силища, в 10 раз превышающая все их

вооруженные силы, вместе взятые. Одной этой спецоперацией русское командование парализовало волю ливонцев к сопротивлению.

Русские разрядные книги приводят командный состав войска. Он включал в себя много опытных и титулованных командиров, что говорит о большом значении, которое в Москве придавали данной кампании. Общее командование осуществляли татары: Шигалей (при большом полку), Кайбула (при полку правой руки) и Тохтамыш (при передовом полку). Русскими воеводами большого полка были князья М. В. Глинский и Д. Р. Юрьев.³ Помимо войск из центральных и северо-западных уездов, в походе участвовали отряды казанских татар и мордвы.

Маршрут похода представлял собой полукруг. Войска вошли традиционным маршрутом от Пскова и Изборска в направлении на Нейгаузен, как веками нападали на Ливонию псковичи. Но дальше они свернули направо и пошли «загонями» вдоль западного берега Чудского озера по землям Дерптского епископства, с которого главным образом и вымогалась дань. Русский летописец свидетельствует, что якобы полки до Риги не дошли 50 верст, а до Ревеля (Колывани) — 30.⁴ Ему вторит разрядная книга: «...и многие места воевали до Риги и до Колывани...»⁵

Но при взгляде на карту подобное представляется маловероятным — боевые действия в январе-феврале 1558 г. протекали в Одинпэ, Иервене, Вирланде и Аллентакене, далеко и от Риги, и от Ревеля. На самом деле, видимо, отдельные разъезды дворян и татар были отпущены в рейды по Рижской и Ревельской дорогам и, возможно, преувеличено «отчитались» о глубине своих походов по территории ордена.

Несколько по-иному изображает кампанию И. Реннер. Он пишет, что почти одновременному удару подверглись Нейгаузен и Нарва, вскоре опять-таки одновременно начались погромы окрестностей Дерпта и Розиттена.⁶ Если доверять этому сообщению, то придется предположить, что какой-то отряд (неупомянутый в русских источниках) шел навстречу основным силам от Ивангорода через окрестности Нарвы

(иначе невозможно атаковать сразу и Нейгаузен, и Нарву — они находятся в противоположных районах Ливонии). Со всем отрицать такую возможность нельзя — ивангородские дети боярские вполне могли воспользоваться моментом и сделать вылазку как раз под Нарву. Однако подтверждения информации Реннера в русских источниках пока не обнаружено.

Поход носил специфический характер. По выражению А. Курбского, царь послал войска «...не градов и мест до-бывати, но землю их воевати». Русские прошли рейдом по земле ордена, при этом они не брали городов и замков, но картинно осаждали их, жгли и грабили посады, разоряли округу — словом, это была акция устрашения, демонстрация силы, сопровождавшаяся грабежом. За 14 дней боев было сожжено 4000 дворов, сел и поместий. По словам ливонского хрониста Ниенштедта, «...как только перешли они границу, сейчас засверкали топоры и сабли, стали они рубить и женщин, и мужчин, и скот, сожгли все дворы и крестьянские хаты и прошли знатную часть Ливонии, опустошая по дороге все».⁷ Полкам Ивана Грозного сопутствовал успех: «А Немецкую землю повъезали и выжгли и людей побили в многих местах и полону и богатства множество поимали». Псковская летопись оценивает поход менее оптимистично: ходили три с половиной недели, «а зима была тогда года без снегу с Рождества Христова, и ход был конем нужно, грудовато».⁸

30 января русская кавалерия начала громить окрестности Лаиса, однако была отогнана орудийным огнем со стен замка. Видимо, Лаис был обстрелян в ответ, поскольку командир гарнизона Фредерик де Граве получил тяжелое ранение. Под Лаисом, по Реннеру, русскими было убито 400 крестьян, из них 250 маленьких детей (последняя цифра выглядит странной — откуда такое соотношение, 250 крестьянских детей на 150 взрослых?). В лесу под Лаисом были схвачены три знатных женщины: две сестры Вольмера Бруммера и дочь Юргена Штальбитера. Последнюю убили.

Почти одновременно, 31 января, русский отряд в 300 человек напал на округ Аллентакен в окрестностях Нарвы. Он

громил деревни и поместья. Особое сопротивление русские встретили в Йеве, где местные крестьяне укрылись в каменной церкви, окруженной валом. Под командованием четырех немцев они сумели отразить нападение противника. 3 февраля русские вернулись, обложили церковь хворостом и сожгли. В огне и дыму погибла по меньшей мере сотня крестьян.⁹

По свидетельству И. Реннера, против русских из Нарвы делались активные вылазки. В стычках четверо русских было взято в плен. В конце концов около 11 февраля отряд ушел обратно за реку, в Ивангород.¹⁰

Для обороны Аллентакена из Вайссенштейна выдвинулся отряд в 80 кавалеристов, 12 ландскнехтов и 4 орудия. Им командовал Берт фон Шмертен. У мызы Варц к нему присоединился отряд из 60 конников — дворян Иарвена. Известий о боевых действиях этих частей мы не имеем, однако показательно, что полторы сотни воинов считались способными защитить целый округ. 4 февраля отряд Берта фон Шмертена вошел в сожженную Йеве. Ливонцы похоронили погибших. В этот день мела пурга, снег заносил свежие могилы и пепелище.

Между тем еще 2 февраля русские двинулись от Лаиса в направлении монастыря Фолкенау, расположенного поблизости от Дерпта. По пути они уничтожали монастырские деревни. Отряд под командованием Генриха фон Бремпта из Обрепалена и Дитриха Балена фон дер Флека из Талькгофа, состоявший из семи дворян и 30 конников, атаковал русских недалеко от Лаиса. Пятеро русских было убито и один пленен. Пленника отвезли в Оберпален, но он умер под пытками, отказавшись дать какую-либо информацию и лишь прокляв ливонцев-«собак».

2 февраля на мызе Ливол в 30 км от Везенберга трое русских были убиты и один взят в плен сводным отрядом из 13 крестьян деревни Фенниер, 18 крестьян из других разоренных деревень и четырех немцев. Двое детей боярских бежали. 4 февраля 30 конников из приходов Нигкеркен и Каткентакен выступили на защиту крестьян и убили 50 русских, но были вынуждены отступить от превосходящих сил противника.¹¹

Эти эпизоды наглядно иллюстрируют, что в январе-феврале 1558 г. происходило в деревнях и мызах Ливонии. Организованного сопротивления не получалось. Армия ордена в нужных местах отсутствовала. Наемных ландскнехтов не было видно. Мирное сельское население было фактически брошено на произвол судьбы и спасалось, как могло. Некоторые уповали на Бога и пытались спрятаться в храмах. Некоторые брались за оружие и совместно с малочисленными отрядами местных дворян убивали воинов, отбившихся от основных сил. При этом власти практически бездействовали. Вышеупомянутые конники из Нигкеркена, понимая, что одним отрядом они много не навоюют, обратились за помощью к властям Везенберга. И не получили никакого ответа...

Начавшиеся боевые действия никак не образумили ливонцев. Пока в приграничных деревнях лилась кровь и горели крестьянские избы, в Риге и Ревеле продолжались пиры и попойки, на которых «герои» похвалялись, как они разобьют русских. Рюссов рассказывает о некоей свадьбе в Ревеле в январе 1558 г.: «...там многие дерзко похвалялись и один перед другим целыми и половинными мерами пили против русских, так как в пьянстве они были сильные бойцы. Когда же свадьба окончилась и дело дошло до боя, тогда многие из них бежали не только от русских, но от сосен и кустов, коих они издали принимали за русских. Слово и крик: „Назад! Назад!“... были сначала в большом употреблении у них, над этим словом русские очень издевались».¹²

Магистр двинул от Феллина свои войска к Дерпту на встречу русским. Армия собиралась в Валке и 3 февраля прибыла в Тарваст. 4 февраля в район боевых действий выступил из Ревеля отряд Франца фон Зегехафена, но из-за пурги он прошел всего две мили и вернулся в замок.

Между тем, разорив окрестности Лаиса и Фалькенау, 4 февраля русские войска появились под Оберпаленом. Здесь они уничтожали округу два дня. Магистр осторожно выдвинул свои силы к Оберпалену, но в открытый бой не вступал. Отряды ливонцев ловили отбившиеся от основных войск

группы мародеров, но боялись встать на пути всей российской армии. 6 февраля нападавшие вторглись в Иарвен, сожгли деревню Фенниер и 17 мыз в Кардиноле. В пещере у деревни Кузель (25 км северо-восточнее Вайссенштейна) спрятались местные жители. Русские обнаружили убежище, разрушили вход в него, убили в стычке восемь человек, замутили беременную женщину — положили ей на живот камень и выдавили наружу плод.

Утром 7 февраля горожане Вайссенштейна получили известие, что враг громит Иарвен. Они выставили отряд из 25 германцев и около 100 крестьян, которые совершили десятимильный марш к Эммерну. Русские здесь уже побывали — сняли два колокола и разграбили церковь. Это был небольшой отряд, в то время как основные силы действовали под Каллицем, Лювенвольде и Цицем. Германцы пытались преследовать русских, но всего лишь шли по их следам, отмеченным пылающими домами и валяющимися по сторонам дороги трупами крестьян. Так и не решившись напасть, немецкий отряд ушел обратно к Вайссенштейну.

Но не все ливонцы были такими робкими. Роберт фон Гильзен возглавил отряд, сформированный в замке Асс из немецких дворян и наемных ландскнехтов. 7 февраля они напали на русский отряд и причинили ему значительный урон. Отступив, Гильзен повторно напал на врага у мызы Энгес в пяти милях от Асса. К этому времени к нему присоединился отряд иарвенских дворян. В новой стычке обе стороны понесли потери, но на российской стороне было численное преимущество (около 300 человек против нескольких десятков, которые были у Гильзена). Ливонцы были вынуждены спасаться бегством, причем даже бросили своих коней с упряжью и вооружением. Русские занялись захватом коней, а Гильзен с товарищами успел укрыться в замке и открыть огонь с крепостных стен. Разъяренные русские несколько раз штурмовали замок и в конце концов подожгли его. Осажденные не могли спастись — ведь коней они оставили за стенами замка, а пеший прорыв был невозможен. Тем временем к русскому отряду подошли главные силы армии. Замок пал.

Потери штурмовавших составили около 60 человек (среди них — татарская женщина), отряд Гильзена погиб.¹³

8 февраля русские разъезды появились под Борнхольмом, в 20 км юго-западнее Везенберга. Борнхольм принадлежал ревельскому епископу. Здесь развернулись тяжелые бои — в замке нашла убежище вся окрестная знать со своими крестьянами, и ей было некуда деваться, кроме как принять сражение. Ревель и Иарвен в помощи отказали — в распоряжении последнего был отряд численностью не более 200 человек. Состоялось по меньшей мере четыре штурма Борнхольма, замок пылал, русские шли на стены. Реннер сообщает редкий факт: под стенами Борнхольма была убита русская женщина-воительница, «кавалерист-девица» XVI века по имени Катя.¹⁴

Магистр с орденскими силами тем временем медленно продвигался по Иарвену. 9 февраля отряд иарвенских дворян (150 человек) вместе с крестьянским ополчением и вассалами ордена выступил из Везенберга и атаковал русский отряд. Однако последний оказался не один — к месту битвы подошли четыре отряда. Ливонцы отступили в полном боевом порядке. Однако это означало, что окрестности Везенберга будут разорены (что и произошло с 20 поместьями и мызами). Местные дворяне попытались укрыться в замке, но он оказался переполнен беженцами. Они просто физически не влезли внутрь крепостных стен. Тогда 115 человек ускакало в Ревель.

10 февраля русские осадили Везенберг. Они стали жечь окрестные деревни на глазах беженцев, надеясь, что везенбергцы не выдержат и совершат вылазку. Однако выманить ливонцев из-под защиты крепостных стен не удалось. Крепость огрызалась орудийным огнем. Поэтому русские не стали штурмовать Везенберг, а рассыпались «загонами» по беззащитным деревням Вирланда, грабя и разоряя все, что попало под руку.

Строго день спустя после ухода русских под стенами Везенберга появился Фюрстенберг с орденской армией. Другой орденский отряд под началом Бернта фон Хоевела в 103 конника, 500 крестьян и 8 орудий прибыл из Вендена в Вайссен-

штейн. Поход сопровождался конфликтом между латышскими и эстонскими крестьянами. Латыши из-под Вендена грабили территорию, по которой шел их отряд. Винить в этом их особенно нельзя: это был единственный способ для войска добыть пропитание. Но ограбленным эстонским земледельцам от этого было не легче.

Тем временем еще одна группа русских войск двигалась к Розиттену. Отряд в 400 человек прошел мимо Людзена, сжег мызы Нирзен и Плессоне. 20 людзенских дворян героически атаковали русских на реке Ашебоде (Синюце) и разбили их. На следующий день ливонцы разбили другой отряд русских в 400 человек у деревни Мезебен, причем убили его командира, воеводу Опочки Михаила. У него нашли письмо, в котором его мать просила его скорее вернуться домой в Опочку, поскольку в городе бунт.

Остатки русских войск — отряд в 500 человек, среди которых было много стрельцов, — были разбиты войском дворян и горожан Розиттена и Дюнабурга под командованием Плате фон Халве в бою у деревни Эйссен. Русские потеряли в схватке 120 человек и 40 пищалей. Их отряд отступил, но на пути к своим понес большие потери из-за партизанских нападений крестьян.

В конце февраля русская армия перешла Нарову под Ивангородом и вернулась в Россию. Магистр в феврале 1558 г. отвел свои войска к Феллину, ополчение иарвенских дворян, успевшее всерьез понюхать пороху, отошло под Вайссенштейн. Ревельское войско и отряд немецких наемников встали под Везенбергом. К ним присоединилось наконец-то собравшееся ополчение дворян Вика в 1040 человек.¹⁵

Однако это не означало окончания боевых действий: война вступила в неприятную фазу перманентного пограничного конфликта. В марте 1558 г. из-под Пскова и Красного дети боярские делали грабительские набеги на Валк, Розиттен и Люцин, причем никаких попыток штурма крепостей опять не предпринималось, а громилась округа.¹⁶ 10 марта 50 конников из Розиттена вместе с отрядом кнехтов и крестьянским ополчением перешли русскую границу под Вышгородом и

разорили 10 поместий, сожгли одну церковь и сняли с нее колокола. Рейд длился два дня и две ночи.¹⁷ Таким образом, казалось, что война перешла в привычную и для ливонцев, и для российского псковского пограничья фазу — пограничные стычки, грабительские рейды вглубь территории противника и т. д.

Крайне интересно поведение в Ливонии русских воевод: они с первых же дней похода начинают искать пути к миру, всячески подталкивают ливонцев к заключению нового договора. Об этом свидетельствуют грамоты, посылаемые Шигалеем и М. В. Глинским ливонскому магистру с объяснением причин войны, и даже фиктивная «опасная» грамота о беспрепятственном пропуске ливонских послов, которые якобы обратились к Шигалею с просьбой о мире, а он отослал челобитную царю с просьбой выслушать ливонцев и дать им опасную грамоту на новых послов! В феврале 1558 г. Шигалей рассылал «всем чинам грамоты», в которых утверждалось, что нападение произошло как наказание за неверность слову, которое ливонцы дали русскому царю. И, если орден исправится, Шигалей сам готов ходатайствовать перед царем о мире.¹⁸ В грамотах, датируемых февралем 1558 г., говорится, что ливонцы «солгали», преступили крестное целование, и условием их исправления является платеж дани. Если магистр и епископы хотят спасти свою страну от гибели, пусть шлют послов, а бояре за них будут «предстоять» перед государем.

Эти документы доказывают, что в первоначальных планах русского правительства не было никаких стратегических задач типа прорыва к Балтийскому морю. Перед войсками были поставлены чисто тактические цели: провести показательную карательную акцию, заставить ливонцев заплатить дань. «Рэкетирский» характер войны, в общем, понимали и сами ливонцы. Рюссов писал: «Московит начал эту войну не с намерением покорить города, крепости или земли ливонцев, он только хотел доказать им, что он не шутит, и хотел заставить их сдержать обещание».¹⁹

Правда, в трактовке январского похода 1558 г. как чисто карательно-устрашительного несколько смущает его мас-

штаб. Для того чтобы напугать ливонцев военной демонстрацией, вовсе не требовалось столько тысяч воинов, идущих под командованием лучших московских полководцев. Для Ливонии с ее хлипкой военной инфраструктурой было бы достаточно рейдов татарской конницы и новгородских детей боярских. Впрочем, ответа на вопрос, что было бы, если бы орден сломался и заплатил дань, у нас нет. Возможно, война бы прекратилась.

Магистр понимал, что ситуация нестандартная и надо что-то делать. Тем более что Ливонию охватила паника, которой, по свидетельству И. Реннера, не было последние 56 лет (то есть — с 1502 г., с предыдущей русско-ливонской войны).²⁰ В конце февраля в Вайссенштейне прошла встреча магистра с представителями Ревеля, Гарриена, Вирланда, Иарвена. В первое воскресенье Великого поста они признали на период войны верховенство орденового магистра и принесли ему присягу на верность. Также было сформировано и отправлено посольство в Россию, которое несколько подзадержалось в Нарве, ожидая окончательных инструкций.

13 марта 1558 г. Вольмарский ландтаг приступил к обсуждению вопроса, платить или не платить русскому царю, а если согласиться на его требования — то откуда взять денег. Решено было начать сбор средств путем контрибуций с сельского населения и займов у горожан. В Пернове дошли до того, что для уплаты пожертвовали даже часть церковной утвари. Пока магистр с епископами выясняли, кто же возьмет на себя финансовое бремя урегулирования спора с Россией, удар на себя приняли ливонские города. По Ниенштедту, Рига, Ревель и Дерпт собрали-таки 60 000 талеров. В. Урбан приводит несколько иной расклад, принятый на ландтаге: 12 000 от магистра, 10 000 от рыцарей Гарриена и Вика, 7000 от епископа, 10 000 от Дерпта, 10 000 с других городов и 10 000 — должен из других источников собрать архиепископ. Как мы видим, Ливония решила выкупить Дерпт и заплатить Юрьевскую дань. Видимо, горожане лучше других представляли, какие катастрофические последствия для Ливонии принесет война с ее неизбежным прекращением тран-

зитной торговли, что обрушило бы всю ливонскую экономику. В конце апреля 1558 г. новое посольство во главе с Готтардом Фюрстенбергом, секретарем Симоном Грашманом, а также Иоганном Таубе выехало в Москву через Псков. Дипломаты везли требуемую дань.

Однако логика развития конфликта уже изменила мнение Ивана Грозного о перспективах войны в Ливонии, и вопрос о дани стал неактуальным. К тому же 60 000 талеров по мере передачи их в Ливонии от одной инстанции к другой непостижимым образом превратились в 40 000. Их доставили Ивану Грозному уже после взятия Нарвы. Ливонский хронист Ф. Ниенштедт сетовал: «Но москвит не хотел принять их, а сказал, что у него денег довольно: он приобрел в Ливонии более, чем стоимость этих денег».²¹ Послы вернулись ни с чем, а возвращенную ими сумму присвоил себе магистр, заявив, что они все равно были собраны на нужды ордена.²²

Почему же Иван Грозный изменил свою концепцию ливонской кампании? Эти изменения были связаны прежде всего с ситуацией вокруг Нарвы.

«Нарвское взятие» как перелом в войне

Нарва не была целью похода русских войск в январе 1558 г., хотя татарские и дворянские отряды и действовали в ее окрестностях. Однако именно бассейн р. Наровы был той территорией, в борьбе за которую между русскими и ливонцами десятилетиями, а то и веками копились взаимные претензии, обиды, амбиции. И начавшаяся война давала возможность их безнаказанно выплеснуть. В марте 1558 г. начинаются регулярные стычки жителей Нарвы и Ивангорода. Они быстро приобретают радикальный характер. Перестрелки горожан через реку Нарову превращаются в артиллерийскую дуэль двух крепостей.

От Ивана IV приехал дьяк Шестак Воронин с приказом — бомбардировать Нарву.²³ По свидетельствам ливонских источников, видимо, преувеличенным, ежедневно в Нар-

ву летело до 300 каменных ядер весом до 6.5 пудов! Денег для обороны не было, бургомистр Крумгаузен для найма солдат даже конфисковал купеческие товары на сумму 8000 марок.²⁴ Но времени, чтобы истратить эти деньги, у городского главы уже не осталось.

Видя, что события принимают дурной оборот, нарвцы, видимо, спасая свои торговые дела, в апреле вступают в переговоры сперва с ивангородским воеводой, а затем с Москвой. Посольство выразило готовность выйти из ливонского подданства и присягнуть русскому царю. Примечательно, что горожане Нарвы одновременно послали гонцов с просьбой о принятии в подданство в Москву и в Брюссель, где находился Филипп II, муж английской королевы Марии. Собственно, ничего необычного в этом не было — в это время многие торговые центры гибнущей Ливонии, такие как Рига, Ревель, искали покровительства и подданства у иноземных монархий — Швеции, Дании, Священной Римской империи.

Здесь между дипломатами возникла ситуация взаимного непонимания, вытекавшая из разницы политических культур. Русская сторона трактовала заключенное соглашение следующим образом: «И царь, и великий князь ругодивцов ратманов и посадников и буймистров и полатников и всю землю Ливонскую пожаловал, взял в свое имя и на том дал жаловальную грамоту, какову быти им к государеву жалованию; а Яким и Захар (Иоаким Крумгаузен и Арндт фон Деден. — А. Ф.) за всю землю Ругодивьскую государю крест целовали, что им служить государю и города здати и иново государя не искати мимо царя и великого князя».

Здесь мы видим, что в глазах Москвы присоединение земли к Русскому государству есть великая милость для этой земли, «жалование». Оно оформляется священной клятвой (крестоцелованием), главное в которой — обещание не искать другого государя. С этого момента любой поступок жителей Нарвы, идущий вразрез с волей Ивана Грозного, квалифицировался как ложь и измена, «лукавство».

В Ивангород были присланы войска, которые должны войти и встать гарнизоном в новом государевом городе — Руго-

диве (так русские называли Нарву), поскольку «повеле государь беречи их от маистра». Но русские с возмущением обнаружили измену: жители Нарвы тайно послали за подмогой в Ревель (Колывань). По словам Степенной книги, этот отряд был наголову разбит, чем было достигнуто первое торжество над клятвопреступниками.²⁵

На самом деле все было несколько иначе. Нарвцы воспринимали свои обязательства не столь серьезно и считали себя вправе и в дальнейшем выбирать себе господина по своему разумению. Группа горожан не поддержала решение о переходе в подданство Москвы, то есть, с точки зрения русской стороны, действительно совершила «измену». В апреле на защиту Нарвы прибыл отряд ревельского командора Зеegaфена, присланный орденом коадьютором Г. Кетлером по просьбе горожан, раздумавших подчиниться Москве. Но после небольшой стычки с ивангородскими войсками ревельцы отказались защищать Нарву и ушли в свой город. С фогтом фон Шнелленбергом остался только Зеegaфен и несколько солдат. Командор оставил отчет о падении Нарвы, благодаря которому нам известны некоторые подробности драматических событий мая 1558 г.²⁶

11 мая в Нарве случился пожар. Согласно большинству источников, загорелся дом парикмахера Кордта Улькена, затем огонь перекинулся на соседние дома. Вместо того чтобы тушить пламя, жители Нарвы, по словам Зеegaфена, бросились укрываться от огня в замке, кто не успел — хоронился в крепостном рву. Решив, что начался штурм, пехота построилась на городской площади и заняла позиции у ворот, но, так и не дождавшись нападения противника, от огня и дыма кнехты ушли в замок. По Реннеру, Г. Кетлер послал тушить пожар шестерых конников, остальные должны были следовать за ними. Но второй градоначальник, Герман Моелен, отослал их, сказав, что все потушено.

Пожар кинулись тушить ивангородцы и московские войска, спасавшие от огня «свой Ругодив». Через Нарову переправлялись наспех, чуть ли не на выломанных дверях, бревнах и т. д., при этом были «яко ангелом носимы». Через Рус-

ские (Водяные) ворота у замка вошли отряды под началом А. Д. Басманова и Д. Ф. Адашева, через Колыванские ворота — И. Бутурлина. Помимо борьбы с огнем, русские сразу же открыли артиллерийский огонь по замку из ливонских орудий, которые они нашли брошенными на городских стенах. Рыцарям же ответного огня организовать не удалось — при первом же выстреле на артиллерийской площадке башни Герман орудие взорвалось, нанеся вред всей позиции. Если верить Реннеру, кнехты дважды отбрасывали русских от стен города. В третьем штурме уже было убито 100 русских, но тут пожар сделал оборону города совершенно невыносимой, и немцы сами оставили позиции.

По Зеegaфену, переговоры с осажденными в замке горожанами и отрядом рыцарей и кнехтов вел бюргер Бартольд Вестерман от имени воеводы П. П. Заболоцкого. И. Реннер пишет, что инициатива переговоров исходила от русской стороны, а посредником выступал фогт Нейшлосса. Русские предложили всем, кто хочет, покинуть город с имуществом, которое люди смогут унести в руках. Для тех, кто останется, царь обещает выстроить новые дома. Осажденные ответили: «Отдают только яблоки да ягоды, а не господские и княжеские дома». Дальнейшие переговоры выявили разницу менталитета: ливонцы утверждали, что нападение на Нарву незаконно, так как еще не закончились московские переговоры представителей ордена с Иваном IV. Заболоцкий в ответ сказал, что ему нет дела до переговоров, Нарву Бог наказал за грехи и дал ее в руки русским, и они не могут от этого отказаться.

По Ниенштедту, осажденные в замке защитники послали к коадьютору Г. Кетлеру, который был назначен орденом ответственным за оборону Нарвы. Но Кетлер встал лагерем в трех милях от крепости и ничего не предпринимал.²⁷ Зеegaфен описывает, что защитники спутали с рыцарями подходивший к Нарве отряд русских, и вспыхнувшая было надежда сменилась отчаянием. В цитадели было три бочки пива, немного ржаной муки, вволю сала и масла и пороху на полчаса стрельбы. С такими ресурсами сопротивляться было

бесполезно. Начались переговоры о сдаче, ливонцы угрюмо наблюдали их завершение: русский воевода велел принести воды, при всех умылся и торжественно приложился к образу, с клятвой, что отпустит гарнизон замка и сдержит все данные обещания. Ночью начался исход из замка, к утру бывшие защитники Нарвы были в лагере Кетлера. Уцелевшие кнехты, рыцари, жители Нарвы, не пожелавшие оставаться с московитами, и отряд Кетлера ушли к Везенбергу. По Реннеру, русские работали день и ночь, укрепляя Нарву, в страхе, что ливонцы вернутся с подкреплением. Но никто и не пытался отвоевать Нарву...²⁸

В русских рассказах о взятии Нарвы центральное место занимает чудо, связанное с неопалимыми иконами — некий немец бросил в огонь православные иконы, и от этого поднялся пожар во всей Нарве. То есть ливонцы согрешили, и Бог их наказал, а православным явил чудо и дал в дар Нарву. Ливония же осмыслила потерю Нарвы в традиционных для европейского средневековья категориях. Рига нервно требовала защиты от «*monstrum septentrionale*», как был назван Иван IV. Она тут же стала платежеспособной и была готова выслать в Вольмар 60 000 талеров — сумму дани, запрашивавшейся Иваном IV. Дани, которая была уже неактуальной...

Возникла легенда об измене нарвских бургомистров — якобы Иоаким Крумгаузен, собираясь в Ивангород для переговоров с русскими, агитировал своих родственников поджечь город. С 11 мая в городе начались пожары, возможно, вызванные поджогами, которые никто не тушил. А когда Кетлер предложил прислать солдат для борьбы с огнем, второй бургомистр — Герман фон Мюлен отправил их назад со словами, что помощь не нужна. В результате, мол, и возник знаменитый крупный нарвский пожар, который привел к падению города.

После потери Нарвы в Ливонии стала популярной идея, что Нарва — источник богатства и экономического процветания русских, их прорыв на европейские рынки. Дальнейшие победы Ивана Грозного ливонцы были склонны считать

следствием экономической помощи, которую царь получал от западных купцов через балтийскую торговлю. Уже Г. Кетлер писал императору Священной Римской империи, обращаясь с просьбой о помощи: «Нарва, которой владеют русские, это — глаз Ливонии, и ее необходимо отвоевать, ибо без Нарвы русские, лишившиеся главной опоры, не страшны». Француз Губерт Ланге писал Кальвину 26 августа 1558 г.: Иван IV взял Нарву, это самая удобная гавань на Балтийском море. Русский царь не успокоится, пока не упрочит свое могущество. «Если в Европе чье-либо могущество должно возмечиваться, это будет Россия».²⁹

Нарва получила от Ивана IV жалованную грамоту, подтверждавшую торговые привилегии горожан: «...вас государь пожалует, из домов из ваших не розведет и старины ваши и торгу у вас не порушит, а владеют царя государя воеводы Вышегородом и Ругодивом и всеми землями Ругодивскими, как маистр и князец у вас владел» (под «князем» имеется в виду нарвский фогт). В Степенной книге акт принятия Нарвы в подданство трактуется как то, что Иван IV «милость показал и вину отдал и взял на свое имя».

Иван IV выговаривал себе право держать в цитадели гарнизон с воеводой на правах фогта. Более никакого военного постоя в городе не размещать. Убытки, которые воинские люди причинят местным жителям, должны возмещаться. Бургомистры и ратманы сохраняли свою власть, суды, свободу промыслов и торговли. Горожане, кроме свободы торговли и передвижения, сохранили право заключать браки с жителями германских земель. Отныне ни магистр, ни архиепископ не могли вмешиваться в эти права. Это гарантировала защита, предоставляемая русским царем. По вопросу о вероисповедании подчеркнуто принципиальное невмешательство Москвы в вопросы веры. На этих условиях нарвцы обещали служить Ивану IV и его детям «безо всякой хитрости» и не искать чужой власти.

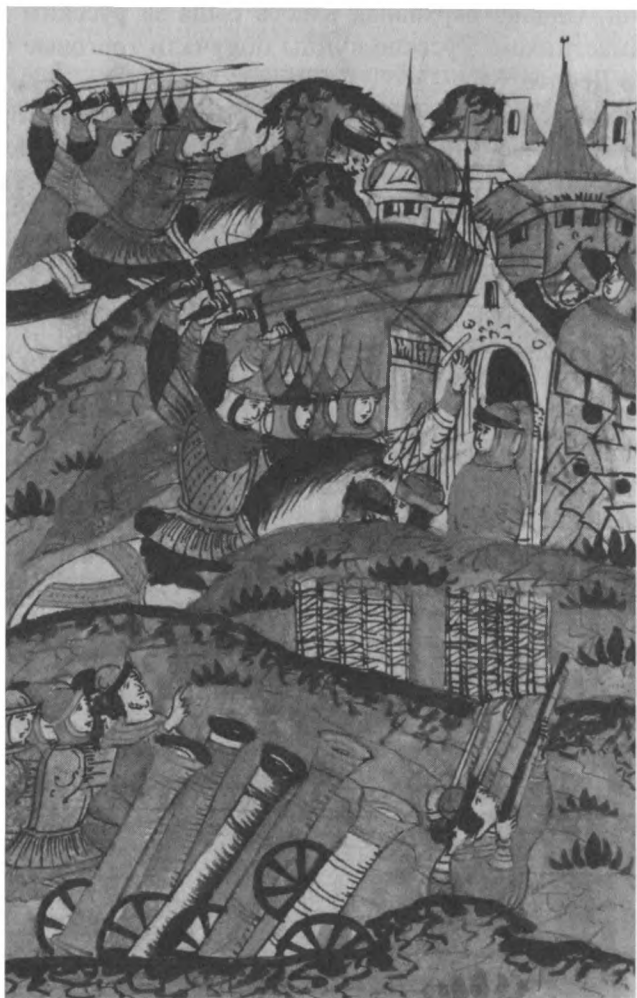
Взятие Нарвы психологически надломило ливонцев. До 11 мая даже падения и сожжения отдельных ливонских зам-

ков и мыз воспринимались как эпизод военного времени, но не катастрофа. Тут же в руки русских, судя по всему, всерьез и надолго перешел целый богатый торговый город и один из мощных замков. Тут же возникала мысль: а если царь на этом не остановится? Раз такое возможно, не ждет ли подобная судьба другие города и всю Ливонию? Подтверждая эти страхи, Иван Грозный начал наступление в Прибалтике.

Начало завоевания Ливонии

В июле 1558 г. войска под общим командованием П. И. Шуйского и А. М. Курбского двинулись по маршруту зимнего похода 1558 г., по территории Одинпе и Дерптского епископства в обход Чудского озера. Но теперь русские не только громили сельскую округу, но брали города и занимали крепости. Пали Кирримпе, Дерпт, Ковлет, Ранден, Конгот, Ринген. Тем самым практически вся территория Одинпе оказалась под властью воевод Ивана IV. Круг был замкнут уже в Вирланде, у Везенберга, куда в августе на соединение с посланным П. И. Шуйским отрядом Б. Колычева подошли русские полки из взятого Нейшлосса.³⁰ Историк В. В. Пенской справедливо назвал летний поход 1558 г. «Потопом» — по известной библейской аналогии.³¹

Русские не просто брали города, но приводили их в подданство Ивану Грозному. Сохранилась жалованная грамота Дерпту. Город был осажден 11 июля, после четырехдневной осады и обстрелов он запросил о сдаче на милость победителя. 17 июля ливонцы представили две группы условий, на которых они готовы сложить оружие: от епископа и от магистрата и городской общины. Но условия согласовывались долго, посылались в Москву. Жалованная грамота от имени русского царя была выдана только 6 сентября 1558 г. Большинство ливонских требований в нее не попало, а остальные были искажены. Русские не покушались на протестантскую веру, не слишком вмешивались в вопросы городского самоуправления, взаимных торговых и экономических отношений

Штурм Дерпта. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

горожан. Однако верховная власть была за русским воеводой-наместником. Русские купцы получали торговые привилегии в Дерпте.³²

К концу августа 1558 г. русские контролировали практически полностью Одинпе, Вирланд, Аллентакен и развернули наступление на Летляндию (направление Венден — Шванебург), Гарриен и Вик (окрестности Ревеля и Вейсенштейна). Московские воеводы придерживались уже опробованной и оправдавшей себя тактики: сначала несколько рейдов по вражеской территории, погромы окрестностей городов, разгром встретившихся на пути рыцарских отрядов в полевых сражениях.³³ После этого войска возвращаются, и через некоторое время по проложенному ими маршруту движутся основные силы, которые уже берут города и замки и приводят население в подданство Ивану IV. Отчасти такая тактика, видимо, была вызвана нетвердым знакомством русских с географией Ливонии и расположением потенциальных очагов сопротивления. Без предварительной разведки боем, видимо, просто нельзя было обойтись.

В сентябре 1558 г. в Ливонию из германских земель прибыли 1200 ландскнехтов со 100 орудиями.³⁴ Возможно, с этим связано замедление продвижения русских войск — в сентябре-ноябре 1558 г. боевые действия были для них менее успешными, чем за предыдущий период. В Оберпалене (Полчеве) воевода П. Заболоцкий закрепиться не смог, а просто сжег город.

В октябре 1558 г. орденские войска под командованием Г. Кетлера впервые наносят серьезный контрудар. В ноябре после шестинедельной осады Кетлер отбил у русских первый замок — Ринген и двинулся дальше, к Дерпту.³⁵ Это контрнаступление выявило слабый потенциал русской армии в Ливонии: на отражение похода Кетлера были переброшены части из Раковера (Везерберга), Дерпта и даже с российской территории — из Вышгорода и Красного. 8 ноября 1558 г. в бою Кетлер получил тяжелое ранение. Войска ордена отошли к Вендену. Таким образом, во второй половине 1558 г. ливонцам удалось взять пусть небольшой, но реванш.

Первый раздел Ливонии (1559 г.)

Россия, обеспокоенная осенними событиями 1558 г. на театре военных действий, стремится нанести решающий удар для ликвидации военного потенциала ордена. В декабре составлен разряд нового большого похода на Ливонию. Одновременно Грозный велел наместнику Юрьева боярину Д. И. Курлятеву передать магистру очередные мирные предложения. Только после игнорирования этого обращения 15 или 17 января 1559 г. русские войска выступили против ордена.

Судя по всему, январская кампания 1559 г. мыслилась по образцу январской кампании 1558 г., только носила более жестокий характер. Целью удара на этот раз была избрана центральная часть Летляндии, и боевые действия были ориентированы на уничтожение замков, деревень, городских посадов, населения, отрядов противника. Разорению подверглась широкая полоса территории между реками Коивой (Трейденой) и Эвстой вплоть до Западной Двины. Русские не теряли время на бои под сильно укрепленными замками (Ригой, Венденом, Ашераденом, Кокенгаузенем и др.) и громили только их окрестности. Зато более слабые (Смелтин, Зербин, Шуен, Эрль, Роденпойс и др.) войска брали штурмом, сжигали и шли дальше. 11 замков, по свидетельству русских летописей, ливонцы бросили сами, гарнизоны разбежались. По псковской летописи, русские воевали до самой Риги, все Задвинье и Поморье. Семь городов под Ригой были разорены, на море сожгли не успевшие уплыть корабли. В отличие от весенне-летней кампании 1558 г., русские совершенно не пытались закрепиться в захваченных пунктах, а вели войну на уничтожение. Все попытки ливонской армии оказать сопротивление были неудачными. В битве при Тирзене она была разгромлена. 17 февраля русское войско вышло из Ливонии.³⁶

Гибнущая страна в 1559 г. запросила о помощи разные европейские государства. Ревельцы вели переговоры с Данией, Соломон Геннинг и Ромберт Гильдесгейм отправились

в Швецию, Кетлер пытался апеллировать к Священной Римской империи — номинальному господину ордена. Были обращения с просьбой денег для найма армии и к Ганзейскому союзу. Отзывчивости ливонцы ни у кого не находили. Единственным, кто предложил реальную помощь, были... крымские татары, которые прислали посольство с предложением военного союза против Москвы.

В январе 1559 г. в империи для обсуждения ливонского вопроса собрался Аугсбургский рейхстаг. На съезде были послы ордена, которые официально запросили имперского заступничества. Было решено просить у городов заем в 100 000 гульденов для найма солдат и ходатайствовать перед Иваном IV о прекращении боевых действий в Ливонии. Но финансовые проблемы так и не получили своего решения: денег не собрали...

В январе 1559 г. ливонское посольство было отправлено и к королю Сигизмунду. Дипломаты напоминали об обязательствах Ягеллона как протектора Ливонии и просили соблюдать условия Позвольского договора. Видя колебания монарха, орден предложил спасти его нервы тем, что формально войска, присланные Польшей, будут считаться наемными, на службе у магистра. Тем самым официально ягеллонская армия не будет участвовать в конфликте, а ее солдаты выступят в роли наемников, за поведение которых король ответственности не несет. Но после почти двух месяцев бесплодных переговоров Сигизмунд не согласился даже на это. 14 марта послы получили окончательный отрицательный ответ. Главной причиной подобного решения было нежелание Короны нарушить перемирие с Иваном IV.

Между тем, в Москву через Ливонию едут датские послы. 17 января 1559 г. они обратились к юрьевскому наместнику Дмитрию Курлятеву с просьбой временно, на период переговоров прекратить войну в Ливонии. На что Курлятев 28 января ответил — подобная просьба должна исходить не от послов. Пусть сам магистр бьет челом и шлет послов, тогда и прекратим. А пока государь приказал «воевать» Ливонию. Возможно, сознательной провокацией было распространение

вслед за этим в феврале 1559 г. грамоты от имени следующего юрьевского наместника, И. Ростовского, будто бы русские бояре, сострадая несчастьям ливонцев, решили по просьбе датчан прекратить боевые действия и отозвать войска, уже двинувшиеся на Ригу и Ревель. От магистра только требуется очень быстро прибыть с челобитьем и униженной просьбой о мире...

В реальности боевые действия не прекратились. Датские дипломаты, проезжавшие через разоренную Ливонию 9, 10, 11 февраля, описывали страшные опустошения, сделанные войной. Они фиксировали настроение населения: орден «у народа в презрении» за то, что не сумел защитить страну, а русских в Ливонии 40 000 воинов, и они полные хозяева, особенно в сельской местности, где идет безнаказанный грабеж населения. А вот с осадой крепостей дети боярские связываться не очень любят из-за нехватки осадной артиллерии. Увиденное так впечатлило дипломатов, что они решили требовать у магистра в обмен за посредничество в переговорах с русскими крепости Феллин и Пернов, потому что, по их мнению, все равно «эта страна не может существовать без покровительства иностранного государя».³⁷

3 марта 1559 г. в Москву прибыло литовское посольство во главе с Василием Тишкевичем. Оно привезло предложения, разработанные при дворе Сигизмунда в декабре 1558 г. Литва расценила готовность Москвы к заключению анти-татарского союза как желание сменить продлявшиеся перемирия вечным миром, а для того пересмотреть земельные споры. Удовлетворение всех застарелых территориальных претензий было для Вильно условием, при котором возможно антикрымское соглашение.

Литовские дипломаты говорили очень пышно, сравнивали Ивана IV с православными царями древности, Константином Великим и Владимиром Крестителем. Они призывали его следовать примеру великих христианских государей древности и скорей заключить почетный мир с королем за гибель всем басурманам. Глава русской дипломатии на переговорах А. Ф. Адашев предложил заключить мир

по принципу, кто чем владеет на данный момент. При этом «прародителевых своих отчин, города Киева и иных городов русских для доброго согласия не учнем изыскивати». Таким образом, Москва в 1559 г. была готова в обмен на вечный мир и антитатарский союз отказаться от претензий на русские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского.

Литовцы же условием мира выдвинули возврат Смоленска, Северских и Черниговских земель, Стародуба, Брянска, Вязьмы. При этом, продолжая придерживаться принятого на этих переговорах высокого стиля, дипломаты привели притчу: «У некоего человека в подворье была змея, да съела у него дети и жену, да ощо захотела с тем человеком вместе жити. И тот нынешней мир ком уж подобен: съедчи змее жену и дети, съестъ ему и самого». Адашев в сердцах обозвал речи литовцев «гнилыми семенами», которые и «во сне не грезит». Но дипломаты Сигизмунда уперлись: без Смоленска и Северских земель мира не будет.

На заседании Боярской думы было принято решение: раз литовцы не ценят столь «великих уступок» — отказа от Киева и других городов, то заявить им, что перемирие поддержим, но продлять не будем. Трудно сказать, как можно расценивать эту позицию России — как временный демарш (ведь ничего не мешало продлить перемирие в дальнейшем, на следующих переговорах) или как объявление о будущем разрыве отношений и подготовке к войне.

Тогда 10 марта послы сделали заявление. Они обвинили Ивана IV в нарушении мира с христианскими державами, в нападении на рижского архиепископа Вильгельма, родственника Сигизмунда: «...ты, брат наш, валку ведешь з законом реши Неметцкие земли Ифлянские... А к тому же княже бранденборский Вилгелм, арцыбископ ризский, есть кровный наш, землю прошлого году сами особою нашею государскою тягнули есмя, докуды ся узнали в твоём выступе и нас просили, мы, стерегучи, чтоб кровь христианская не розливалась, и привергнувши князя арцыбископа во все прежнее его достоинство в покорение, и просьбу от них есмя приняли». Литовцы недвусмысленно дали понять, что намерения

Сигизмунда заступиться за родственника более чем серьезны, вплоть до начала очередной русско-литовской войны.

В ответ на заявление Тишкевича не было сказано ни слова. Послам приказали ехать на подворье. И было от чего молчать: вместо локальной карательной акции по наказанию слабенького ордена перед Россией внезапно оказалась перспектива большой европейской войны! 16 марта литовских послов выслали из Москвы. Грозный приказал в отместку не давать гостям меда и в последнем слове заявил, что Россия старое перемирие додержит, а там «как Бог даст».³⁸

Однако польско-литовский демарш все же произвел на Россию впечатление. Возникло ощущение, что надо сбавить интенсивность давления на Ливонию, прислушаться к мнению других держав. Тем более, тех, кто предлагал разделить Ливонию между собой, без посредников. В такой роли выступила Дания — посольство Клауса Урне в марте 1559 г. привезло в Москву проект соглашения о разделе Ливонии между русской и датской коронами. Послы объявили о принадлежности к Дании «княжества Эстониен», земель Гарриен и Вирланд «с епископством, державою и градом Колыванью (Ревелем)». Это — владения «родителей датского короля». Поэтому завоевание русскими датских земель незаконно: данные территории могут отчуждаться только с разрешения датской короны, а без ее санкции они «неотвольны и безотдвижны».

Россия была готова удовлетворить эти претензии и «поделиться» бывшими владениями ордена. Но при этом Дания должна была выступить гарантом капитуляции Ливонии, обеспечить личное прибытие в Москву магистра и архиепископа с униженным «челобитьем» о пожаловании. Надежда на взаимовыгодный раздел Ливонии между Иваном IV и датским королем Фредериком, видимо, была столь велика, что в итоговой речи А. Ф. Адашев объявил о согласии на перемирие в Ливонии с 1 мая по 1 ноября 1559 г., заключаемом «по челобитью» датских послов. Как выяснилось впоследствии, это оказалось роковой ошибкой.

Сценарий грядущих московских переговоров с магистром нам точно неизвестен. По косвенным данным, Иван IV был

готов в случае личного «челобитья» магистра и архиепископа сохранить за ними их владения в Ливонии пожизненно, при условии уплаты дани и ввода русских гарнизонов в Ревель, Пернов, Динабург, Розитен, Каркус, Тарваст, Лаюс, Оберпален. То есть Ливония должна была потерять независимость и быть разделена между Россией и Данией. В письме датских послов в Ревель Х. Мюнхгаузену от 13 мая 1559 г. перечисляются уже другие города, в которые царь требовал ввести своих наместников при условии личного челобитья магистра: Ревель, Феллин, Пернов, Вайсенштейн, Вольмар, Венден, Мариенбург, Трикат, Тарваст, Каркус, Динабург, Кокенгаузен.³⁹

Однако заключенное по инициативе датских послов перемирие обернулось против и Фредерика, и Ивана Грозного. Орден решил воспользоваться предоставленной передышкой не для подготовки к капитуляции, а для организации сопротивления и поиска покровителей среди соседних держав. В мае 1559 г. рижский архиепископ Вильгельм обратился к Сигизмунду с письмом, в котором выражал готовность перейти под подданство Короны по прусской модели, с условием сохранения номинального подчинения и Священной Римской империи. Вскоре к переговорам присоединился и Кетлер, который стал требовать у Сигизмунда исполнения условий Позвольского мира в обмен на превращение ордена в вассала польского короля.

В том же мае 1559 г. Кетлер поехал в Вену просить субсидию для найма солдат для обороны ордена. Но империя обвинила его в самовольных действиях и чуть ли не в самозванстве — мол, всего лишь коадьютор обращается через голову магистра, где субординация? Никакой помощи Кетлер не получил. Новая поездка Георга Зиберга (уже рижского командора) тоже оказалась бесполезной: ему предложили слишком мало средств для найма войска. Феллинский командор Руперт де Граве посетил Святые Места в Палестине и на обратном пути добился аудиенции у папы, который заявил, что не оставит орден в его бедах. Когда воодушевленный Руперт рассказал об этом рыцарям, они подняли его на смех.

Россия же либо не ведала об этих миссиях, либо не обращала на них внимания, будучи уверенной в своих силах. Как и в случае с Позводем, или не сработала разведка, или Иван IV гнул свою линию, не желая считаться ни с какими внешними обстоятельствами. В отношениях с Королевством Польским и Великим княжеством Литовским Москва была уверена, что ей удастся нейтрализовать соперника. 12 июня 1559 г. в Вильно выехал гонец Роман Пивов с грамотой «об обидных делах», в которой перечислялись «разбои, татьбы и поджоги» на русско-литовской границе, особенно в районе Псельского города. Пивову поручалось со ссылкой на «старые dokonчания» отрицать право Сигизмунда на вмешательство в ливонские дела: ни в одной грамоте Ливония не записана как владение Сигизмунда, следовательно, он не правомочен за нее заступаться. Но переговоров не получилось: Пивову был оказан очень холодный прием, и 27 августа он приехал обратно с королевской грамотой, в которой вся вина в пограничных конфликтах возлагалась на русскую сторону, а литовцы объявлялись строго держащими перемирие.⁴⁰

Орден летом 1559 г. пытался консолидировать силы для сопротивления. Ландтаг в Риге 25 июля даже обсуждал вопрос о способах привлечения к борьбе с оккупантами-московитами местных крестьян. Часть из них должна была являться в армию вместе со своим хозяином, который снаряжал одного или двух воинов. Для основной массы вводился специальный военный налог. Известны крестьянские ополчения, сражавшиеся против русских, но ни их число, ни их роль не были значительными. В июле 1559 г. русский наместник из Юрьева посылал магистру жалобу на незаконные нападения ливонцев, не соблюдающих перемирие. Правда, описание нападения выдает в нем обычный грабеж: угнали 30 голов скота и отобрали 2000 марок «рухлядью и деньгами».

31 августа 1559 г. в Вильно было заключено Первое Виленское соглашение между Сигизмундом II Августом и Готтардом Кетлером, вскоре (21 сентября) ставшим новым магистром Ливонского ордена.⁴¹ Польский король принял в свою «клиентеллу и протекцию» земли Ливонии. 15 сентября к со-

глашению присоединился рижский архиепископ Вильгельм, который в уплату за помощь жертвовал землями вокруг замка Кокенгаузен. Сигизмунд обязывался оказать ливонцам, если потребуется, военную помощь против России и до 11 ноября отправить к Ивану IV посольство с требованием прекратить войну в Ливонии. Взамен король получал орденские земли в среднем течении Западной Двины, и ему были заложены замки Динабург, Зельбург, Людзен, Розиттен и Бауск.

Таким образом, под властью Сигизмунда оказалась юго-восточная часть Летляндии, к тому же граничащая с Россией, что делало грядущий польско-литовско-русский конфликт практически неизбежным. Орден мог выкупить заложенные земли за 600 000 гульденов, считая в гульдене 24 литовских гроша. Архиепископ заложил королю замки Леневарден и Мариенгаузен и дворы Бирзен и Любан с правом выкупа за 100 000 гульденов.

Этими событиями было положено начало раздела Ливонии. Он был усугублен позицией Риги и Ревеля, которые не примкнули к договору с Польшей. Они надеялись как на помощь Ганзы и Швеции, так и на сотрудничество с русской Нарвой. Смирить строптивость городов можно было только одним способом — подорвав их торговлю. Поэтому Кетлер начал массовую выдачу патентов на морское пиратство — каперство, надеясь разрушить морские коммуникации рижских и ревельских купцов.

Развитию союза с Королевством Польским мог помешать Фюрстенберг, настроенный более патриотично, чем уже фактически сдавший орден Кетлер. Проблему «не в меру честного магистра» коадьютор решил довольно просто: на переговорах с представителями Сигизмунда Кетлер лично вставил в договор пункт о необходимости отречения Фюрстенберга, а затем, вернувшись в Ливонию, на съезде в Вендене преподнес это как требование польской короны. Бывший магистр оказался даже без замка. Сперва ему выделили Пернов, но местный командор отказался уступить замок. Фюрстенбергу тогда дали Тарваст и Гельмет, а в 1560 г. — Феллин, в котором он и будет пленен русской армией.

но обеспокоившее московское командование. Целью октябрьского похода рыцарей стал бывший Дерпт, а ныне русский Юрьев — ни много, ни мало, столица московских владений в Ливонии!⁴² И опять, как и осенью 1558 г., сосредоточенных в округе Одинпе русских сил оказалось недостаточно для отражения нападения. Во всяком случае, Москва велела срочно перебросить на помощь Юрьеву полки из Пскова, Красного и других пограничных центров. В Ливонию были направлены подкрепления под командованием А. Д. Басманова, Ю. И. Темкина и З. Плещеева. Отряд З. Плещеева оказался разбит, погибло больше тысячи человек. Войска магистра и епископа в конце ноября осадили Юрьев, бомбардировали его и штурмовали 10 дней, после чего осада была снята. После этих событий приказы Москвы даже немного отдают паникой: в Ливонию срочно перебрасываются полки даже из центральных уездов страны, причем они выступают «наспех», в бездорожье и холода, «и в нужу рать пришла великую, а спешити невозможно».⁴³

Не взяв Юрьева, преследуемая русскими войсками, армия Кетлера ушла к Лаюсу. Эту крепость ливонцы осаждали также безуспешно, хотя осадная артиллерия и смогла проломить крепостную стену. Псковский летописец писал, что Лаюс выстоял «молитвами чудотворца Николы».⁴⁴ Магистр отступил к Оберпалену. В результате этого похода теперь уже ливонская армия прошла рейдом через занятую русскими территорию и вышла, не потерпев поражения.

Осенние походы ливонцев и в 1558, и в 1559 гг. свидетельствуют о том, что мнения историков о военной деградации ордена и неизбежности его быстрой военной катастрофы преувеличены. Кампании первых двух лет войны развивались по одной схеме: русские удачно воюют зимой и летом, но осенние контрудары рыцарей и германских наемных войск вполне успешны. Во всяком случае, каждый раз требуются специальные меры и мобилизации резервов на уровне Российского государства, чтобы отразить нападение ордена. Вряд ли это говорит о слабости ливонской армии. С осени 1558 г. фактически не произошло расширения территориаль-

ных владений России в Ливонии, несмотря на достаточно широкий театр боевых действий. Другой вопрос, ставилась ли перед войсками задача новых захватов, однако факт остается фактом: несмотря на походы в Гарриен и Летляндию, русские там не закрепились, а только разорили эти земли. Ядро же «русской Ливонии» с центром в Юрьеве дважды подвергалось нападениям рыцарей.

Если судьбу кампании не смогли решить военные, казалось, свою роль должна сыграть дипломатия. Здесь Россия взяла курс на обострение отношений с Великим княжеством Литовским. На переговорах литовского посла Андрея Хоружего с А. Ф. Адашевым, Ф. И. Сукиным и И. М. Висковатым 7 декабря 1559 г. дипломат заявил о желании панов рад разрешить намечающийся конфликт миром. Адашев ответил, что таково же желание и Боярской думы, но «...король ныне вступился государя нашего в данную землю Ливонскую, и толко король того дела не оставит, и за то без кровопролитья быти не может». Таким образом, в декабре 1559 г. Москва уже совершенно определенно пригрозила войной в случае продолжения вмешательства Сигизмунда в ливонский вопрос.⁴⁵

Дележка «ливонского пирога»

В январе-феврале 1560 гг. очередная крупная рать, состоявшая из прибывших из центральных уездов войск, вторглась в Ливонию. Первый удар был направлен на Мариенбург (Алыст). После его взятия полки прошли разорительным походом по землям Летляндии и Иервена широким фронтом от Феллина до Вендена («преж сего те места были не воеваны») и ушли обратно к Пскову. Поход вновь носил рейдово-грабительский характер: «взяша в полон множество людей и всякого живота и скоту и побиша многих». В феврале русские отряды, вышедшие из Юрьева, сожгли Тарваст и воевали в окрестностях Феллина. 10 февраля был осажден Шванебург. После этого войска введены в «русскую Ливонию» «на лето». Им велено «своего дела беречи, как им Бог помо-

жет».⁴⁶ То есть был учтен неудачный опыт прошлых лет, когда при нападениях ливонцев приходилось звать подмогу из России.

Между тем количество участников раздела Ливонии увеличивалось на глазах. В апреле 1560 г. под Аренсбургом высадился отряд 19-летнего датского герцога Магнуса, приступившего к реализации Нюборгского соглашения 1559 г. Правда, продвижение датчан было не очень легким. Им пришлось провести небольшую войну с орденом: орденский фогт в замке Зонебурге на о. Эзель Генрих Вольф фон Людингаузен напал на войско Магнуса. Помощь ему прислал Кетлер. Беспокойство магистра можно было понять: дворянство Вика видело в приходе датчан знак перелома в войне. Хронист Бальтазар Рюссов писал: «...многие ливонцы сильно надеялись, что снова в Ливонии настанет доброе время». Ревельский епископ Мориц фон Врангель передал Магнусу земли своего епископства. Под контролем датчанина оказался и округ Вик. Определенные силы в ордене связывали с Данией надежду на спасение Ливонии при сохранении ее государственной целостности, но при переходе под датский протекторат. Кетлер, который строил свою политику на передаче ордена под власть и защиту Польши и Литвы, не мог быть сторонником подобных планов и видел в Дании еще одного противника.

От позиции Дании во многом зависел расклад сил в Ливонии: если она выступит самостоятельным игроком, как было до сих пор, или хотя бы будет соблюдать нейтралитет по отношению к России, то это означает перспективу противоборства за территорию бывшего ордена нескольких сил. Если же примкнет к Польше и Литве — то можно надеяться на складывание антирусской коалиции. Поэтому Сигизмунд неоднократно обращался к Фредерику II, сменившему умершего 1 января 1559 г. Кристиана III, с призывом хотя бы запретить торговлю с Россией через Нарву. Дания не хотела портить отношения с Польшей, но и терять доход от московской торговли тоже было жалко. Поэтому на словах датчане шли навстречу польским призывам. 12 мая 1560 г. даже вы-

шел официальный запрет торговых операций Дании с Россией. На практике же он не соблюдался.

Уклончивая позиция Дании была обусловлена зависимостью эстляндских владений Магнуса от угрозы вторжения русских войск. Часть отошедших к Дании земель в Гарриене и Вирланде даже успела оказаться розданной в поместья московским детям боярским. И обострение отношений с Иваном IV, неизбежное в случае союза Дании и Польши, было чревато войной, которая, учитывая отдаленность от датских берегов ливонского театра военных действий, вполне предсказуемо привела бы к потере Магнусом Эстляндии. Положение датского принца в Ливонии было в высшей степени трудным: он оказался между нескольких огней. Его воины периодически сталкивались с русскими, шведскими, польскими и литовскими войсками. Поэтому в 1560 г. Дания избрала в отношении России принципиально нейтральную позицию. 16 июня 1560 г. Фредерик II обратился к Москве с просьбой «ради дружбы» не нападать на герцогство Магнуса. В 1562 г. Дания станет первой и единственной европейской страной, которая официально признает все завоевания Ивана Грозного в Ливонии.

Активизировал свои действия и другой участник балтийских войн — Швеция. Вызвано это было прежде всего беспокойством от датского проникновения в Эстляндию, благодаря которому датчане получали прекрасный плацдарм для нападения на Швецию. Шведский король Густав Ваза даже по собственной инициативе провел вялые и безрезультатные переговоры с орденом о субсидии в 100 000 талеров под залог Зонненбурга и о посредничестве Швеции на переговорах Ливонии с ее противниками.

Надежды Стокгольма оправдались: протестантские районы Ливонии, опасавшиеся оказаться под властью короля-католика, начали свои самостоятельные (без участия ордена) переговоры со Швецией. В ней ведь уже победила Реформация, и ревельские протестанты надеялись найти в шведах «братьев по вере». В сентябре 1560 г., находясь под впечатлением от разгрома русскими Гарриена, горожане Ревеля и гар-

риенское дворянство обратилось к Швеции с просьбой о защите. Послы Иоанн Шмедельман и Йост Гаке отправились просить денег на наем войска и обсудить вопрос, готова ли Швеция принять Ревель под покровительство, как Дания — Эзель и Вик. Шведы обещали и денег, и армию, и защиту в обмен на признание подданства Ревеля шведской короне. При этом гарантировалось сохранение всех городских привилегий. Вскоре горожане Ревеля и дворяне Северной Эстляндии объявили о неподчинении ордену, и 4 июня 1561 г. рыцарство, а 6 июня — горожане подписали акт о переходе в подданство шведской короны.

Раз уж Швеция приступила к разделу Ливонии, ей было необходимо определить свою позицию по отношению к конкурентам — Дании, России, Польше и Литве. Все ясно было только с датчанами — они враги по определению (в 1563—1570 гг. разразится Первая Северная война, война между Данией и Швецией за господство на Балтийском море). С Польшей, как и с Россией, ссориться не хотелось. К тому же обе страны были очень выгодными торговыми партнерами. Поэтому Швеция принципиально пока воздерживалась от ведения в регионе боевых действий и надеялась решить все спорные вопросы путем переговоров.

На фоне растущей активности балтийских держав политическое бессилие Священной Римской империи оставалось неизменным. Шпейерский рейхстаг в сентябре 1560 г. принимает решение отправить обращения с просьбой о поддержке Ливонии в Англию, Польшу, Данию, Швецию и ганзейские города. В октябре повторно собравшийся рейхстаг от имени императора поручил Иоганну Альбрехту Мекленбургскому организовать сбор средств путем обращения к Польше, Швеции, Англии, Дании, Испании, Франции, германским городам и наиболее связанным с Ливонией богатым нижнерейнским и вестфальским землям. Было также решено запретить экспорт в Россию боеприпасов и военного снаряжения. Но эти меры вновь не были воплощены в жизнь, а обращения остались без ответа. 1 ноября 1560 г. вышел императорский указ о запрете Нарвской торговли военными товарами. Одна-

ко в том же 1560 г. Любек, продолжавший, несмотря на все запреты, наживаться на нарвской военной торговле, попытался запретить членам Ганзейской лиги торговать военным снаряжением... с Ливонией.

Наконец, в декабре 1560 г. третье заседание Шпейерского рейхстага опять выдвинуло уже известные инициативы: прекращение снабжения Московии военной продукцией, обращение за помощью к другим европейским странам, сбор 100 000 гульденов и подготовка к отправке в Ливонию наемных солдат, если будет дополнительно открыто финансирование в 200 000 гульденов. Рейхстаг также вынес решение послать в Московию специальное имперское посольство с требованием прекратить войну в Ливонии.

Повторяемость этих лозунгов свидетельствует о том, что все они оставались не более чем «декларацией о намерениях». Империя не смогла в самый решающий момент оказать реальную поддержку своей прибалтийской провинции, во многом из-за молчаливого нежелания помочь Ливонии германских, прежде всего ганзейских, городов. Для последних это была коммерческая война, источник наживы, и они вовсе не хотели ее прекращения. Единственное, что удалось имперским идеологам в полной мере — беспрецедентная анти-московская идеологическая кампания, настоящая пропагандистская война, вовсю развернувшаяся в начале 1560-х гг. в германских землях. Русские изображались варварами, злодеями, пожирающими младенцев, пьющими человеческую кровь и т. д. Сочинения католических публицистов отдавали некоторым злорадством: смотрите, как нашествием московитов Бог карает обратившуюся в протестантство Ливонию.

На фоне придерживающихся нейтралитета Дании и Швеции главным военным противником России оказывалось Королевство Польское и Великое княжество Литовское. На переговорах в Москве в январе 1560 г. посол Мартин Володкевич озвучил новую концепцию прав короля на Ливонию: «Ливонская земля изстари в прикладе государю нашему поддана в обереганье от цесаря, а за вашим государем не быва-

ла». В грамоте Сигизмунда к Ивану IV от 8 декабря 1559 г., присланной с Володкевичем, говорилось, что король принял магистра и архиепископа рижского «в подданство» по их челобитью и по согласию на это цесаря. Сигизмунд изображал себя радетелем принципов христианской политики и защитником христианского мира от московитов. Иван Грозный обвинялся в продаже пленных христиан в мусульманские страны, в нарушении перемирия на русско-литовских границах. От царя требовали соблюдать перемирие до 1562 г., как указано в действующем русско-литовском договоре, и немедленно прекратить войну в Ливонии. При этом предлагалось прислать послов, продлить перемирие и обсуждать перспективу совместных антимусульманских действий, чтобы «рука христианская высилаяся». Учитывая то, что одновременно зимой 1559/60 гг. начался ввод польских и литовских войск в Ливонию, перед нами фактически ультиматум об объявлении войны.

16 ноября 1559 г. Сигизмунд отдал распоряжение о подготовке расчетов по нормам продовольственного снабжения литовских войск, выдвигаемых к ливонской границе. Намечалось три направления вторжения и три литовских «зоны ответственности»: из Друи литовские части должны были войти в Динабург, воевода Ян Хоткевич занимал Людзен, Юрий Зеновьевич — Розиттен. В декабре 1559—январе 1560 г. шла переписка короля и Кетлера об условиях пребывания на территории ордена подразделений армии Ягеллона. Переговоры об этом должно было вести посольство Станислава Габриловича Наркушского, виленского каноника, и Николая Наруховича Маркова, секретаря. Руководству ордена обещалось, что литовские рейтары помогут магистру в борьбе с русскими, вот только не указывалось, каким образом. В письмах к Хоткевичу и Зеновьевичу от 31 декабря 1559 г. и 8 января 1560 г. король приказывал им воздерживаться от конфликтов с московитами до прибытия отряда литовских татар под командованием Александра Полубенского.

В феврале 1560 г. Сигизмунд отдает новые распоряжения о вводе литовских войск в Ливонию, в частности, Станиславу

Довойне, выдвигавшемуся из Полоцка, — распоряжения, которые, по выражению историка К. Расмуссена, должны были бравурной музыкой звучать в ушах ливонцев. Однако музыка оказалась обманчивой: войска входили медленно, от столкновений с русскими частями уклонялись, и спасти Ливонию не спешили. Зато из-за закладов крепостей руководство ордена оказывалось все более зависимым от литовских панов в финансовом плане.

Московия реагировала на происходящее продолжением боевых действий в Ливонии и созданием в Посольском приказе развернутой аргументации прав Москвы на захват территории ордена. Она была изложена в грамоте Ивана IV к императору Фердинанду от 24 февраля 1560 г. Царь включил в свой титул слова: «государь Ливонской земли, и Юрьева и иных». Он перечисляет вины ливонцев: они нарушили наказ Господень и приняли «учение Люторово», то есть стали протестантами (русский царь как борец с протестантизмом смотрелся несколько пикантно, но Грозного такие нюансы не волновали). Иван утверждал, что Ливония — исконно русская земля. Юрьев был устроен еще в 1152 г. князем Юрием Владимирским (на самом деле — основан в 1030 г. Ярославом Мудрым), и с тех древних времен ливонцы обязались платить русским дань. В Риге и Ревеле были освящены православные храмы, учинены ярмарки, возведены крепостные укрепления. Ливонцы утвердили свою верность клятвами, но потом злостно нарушили их. Они сделали из православных церквей конюшни и места для человеческих ekskрементов. Иван IV увещевал отступников, но безуспешно, потому что сердце их закоснело. И поэтому ливонцы «терпят ныне за своевольство свое от огня и меча, не по желанию нашему, а по собственному умышлению. То, что происходит в Ливонии, — *Justitiae revisio*, проверка правосудия.

Царь Иван был уверен в своей правоте и убийственности собственной аргументации. Но Ливония должна была достаться тому, кто действовал, а не писал письма. В мае 1560 г. Перновский ландтаг призывал Магнуса и Кетлера примириться перед угрозой русского вторжения. Но руководителей

рыцарей гораздо больше интересовал конфликт друг с другом, чем спасение Ливонии. Лишь 2 октября 1560 г. магистр ордена Кетлер смирился с передачей Магнусу управления Ревельской епископией. Однако положение датского князя в Прибалтике было более чем непрочным: 4 марта 1561 г. Фредерик II заставил его подписать договор об ограничении прав управления в пользу штатгальтера датского короля Дидериха Бера. Собственно, Магнуса держали как ширму, прикрывавшую планы захвата Прибалтики непосредственно датской короной.

Фактически к первой половине 1560 г. Ливония уже была поделена на четыре части: Эзель, Вик и части Гарриена и Курляндии были в руках датчан, Вирланд, Аллентакен, Одинпе и часть Иервена — под оккупацией Москвы, значительные районы Курляндии и Летляндии — в залоге польскому королю Сигизмунду. Четвертая часть: оставшиеся неоккупированными орденские и епископские земли Летляндии, Иервена, Гарриена и Курляндии были опустошены войной. Было очевидно, что их захват — всего лишь вопрос времени.

Во второй половине 1560 г. раздел Ливонии вступил в решающую фазу. Все стороны стремятся закрепить за собой свои приобретения и, по возможности, расширить их. В мае полки под командованием А. М. Курбского под Вайсенштейном разбили армию магистра и затем разорили Гарриен. В июле-августе были взяты Феллин, Ружа, Тарваст и Полчев (оставленный немцами при приближении русских). Во взятии 21 августа Феллине в плен попал бывший магистр Фюрстенберг — самое крупное должностное лицо Ливонии, оказавшееся в руках русских.⁴⁷

Весной-летом 1560 г. шла интенсивная переписка между Кетлером и руководством Великого княжества Литовского. Магистр просил, требовал, призывал, умолял ввести литовские войска в земли, еще не занятые русскими. Польша и Литва не спешили. Только в июне 1560 г. на совещании представителей сторон в Зальцбурге были решены дипломатические вопросы, связанные с приходом литовских войск

на территорию ордена. Лишь 19 июля отдельные литовские отряды перешли Западную Двину, но в сражения с русскими не вступали. В июле 1560 г. отряд А. Полубенского появился под Людзенем, а посланные из Полоцка части С. Довойны вообще встретились с полком Хоткевича в Людзене только 1 сентября. Литовских войск было мало — по подсчетам Э. Тиберга, от 800 до 2500 человек, распыленных по разным гарнизонам. В результате никакой реальной помощи ливонцы не получили и были вынуждены сражаться в одиночестве. Лишь в октябре 1560 г. после долгой переписки между Сигизмундом, Хоткевичем и Кетлером было принято окончательное решение о введении литовских гарнизонов в Эрмес, Гельмет, Трикатен, Каркус, Вольмар. Призывы Кетлера занять Вассенштейн и Феллин с указанием на важное стратегическое положение этих крепостей запоздали, их к тому времени уже взяли российские войска.

2 августа 1560 г. под Эрмесом состоялась последняя в истории Восточной Европы крупная битва с участием северных крестоносцев. Ливонская армия была уничтожена московским войском. Ее командующий и практически все военное руководство ордена (командоры Вернер Белль, Генрих Гален, Христофор Зиберг и Рейнгольд Засс) погибли в плену. Последнее обстоятельство даже обрадовало Кетлера: он тяготился влиянием военного командования ордена, надоедавшего ему пустыми лозунгами и обветшалыми идеалами и мешавшего секуляризировать рыцарское государство на условиях, выгодных лично для Кетлера.

В августе 1560 г. русская армия двинулась под Венден и Вольмар, опустошила городскую округу и захватила стада скота. Пять недель она осаждала Вайсенштейн, однако командовавший обороной Каспар фон Ольденбокем сумел его отстоять. Русские вторглись в Вик и захватили большой полон. 11 сентября под Ревелем был разбит отряд горожан, отважившийся на вылазку.

Эти события знаменовали собой новое обстоятельство в разделе Ливонии. Свободные земли закончились, и начались столкновения между державами за право владения уже

состоявшимися приобретениями. Вик уже считал себя принадлежащим датской короне, его население было настолько уверено, что для них война закончилась, что гарриенские дворяне даже перегоняли свой скот для укрытия в Вик. Вторжение московских войск было для новоиспеченных датских подданных шоком. Рюссов пишет: «Не успели они оглянуться, как русский со всем войском явился в Вик, забрал все, и к тому же многих из них увел в плен в Москву и Татарию... беспечность и людские утешения обманули их».

Пока всерьез не заговорили пушки, еще можно было попытаться спасти ситуацию путем дипломатии. Между тем, Москва молчала. Иван IV задержал ответ на январское посольство Володкевича почти на полгода. Только 20 июля было дано распоряжение ехать в Литву русскому гонцу Н. Сущеву, который сидел в Смоленске с грамотой царя и ждал команды отправки за рубеж. Не дождавшись, 15 июня 1560 г. Сигизмунд принял решение о присылке в Москву Андрея Станиславова (Люлю) с посланием, в котором вина за развязывание войны возлагалась на русского монарха. Сигизмунд объявлял, что «перемирие додержит», но на нем лежит обязательство оборонять ливонские города, которые перешли под его подданство. То есть если русский царь не одумается, война неизбежна...

Люля разминулся с Сущевым, который привез в Литву «жестокую» грамоту Ивана IV, требовавшего вывести польские и литовские войска из Ливонии. Царь был возмущен, что правители ордена подались в подданство Сигизмунда, и настаивал на приоритете древних прав Рюриковичей на Ливонию. 6 сентября с Сущевым в Москву была направлена еще одна грамота, в которой Сигизмунд повторял свою оценку войны как злодеяния, сравнимого с наступлением мусульман на христиан. Король возлагал вину за разрастание конфликта на Россию и объявлял о готовности начать военные действия против московских войск, если они нападут на обороняемые литовцами ливонские города. Прозвучало также обвинение в «шкодах» русских уже на границе с Литвой, вопреки перемирию.

Между тем фактический раздел Ливонии между несколькими странами подталкивал стороны к его юридическому оформлению. В августе 1560 г. к Сигизмунду прибыло ливонское посольство Михаила Бруннова и Юста Клодта, которые привезли очередные грамоты с настойчивыми просьбами заступиться за гибнущий орден. Дипломаты просили как можно быстрее ввести польские гарнизоны в замки Трикат, Эрмес, Гельмет, Каркус, Руен, Оберпален и Вольмар. На этих переговорах был поставлен вопрос об условиях окончательного перехода ордена под власть Сигизмунда. Предполагалось, что Ягеллоны будут считаться такими же верховными господами над Ливонией, как императоры Священной Римской империи.

Именно здесь и лежала проблема, которая заставляла Ягеллона медлить: ливонцы хотели присоединиться не так, как это представлял себе Сигизмунд, но с сохранением большой доли автономии. Медлительность Короны в оказании военной помощи Ливонии и ее готовность затягивать начало военного конфликта с Россией до истечения срока перемирия в 1562 г. свидетельствует о том, что король выжидал, пока несчастья Ливонии не сделают ее руководство более сговорчивым. Поэтому, несмотря на все громкие заявления, Польша и Литва не делали резких движений и решительных шагов, а продолжали поиски вариантов компромисса с Россией. 23 августа в Москву был отправлен гонец Михаил Гарабурда. Ему поручалось передать предложение к царю заключить перемирие с магистром, при этом Сигизмунд хотел выступить посредником на переговорах. На время последних предлагалось временно прекратить все боевые действия в Ливонии, до 1 апреля 1561 г.

Однако здесь неожиданный ход сделала Россия. 18 августа на заседании царя и митрополита был принят новый сценарий развития событий: в Литву отправлялось посольство окольничего Ф. И. Сукина и дворцового дьяка Г. Шапкина с предложением... сватовства Грозного к одной из сестер Ягеллонок, Анне или Екатерине. Свадьба должна была сопровождаться заключением между державами вечного мира.

И свадьба, и заключение вечного мира обязательно должны быть в Москве, где Иван IV будет хозяином, а Ягеллоны — гостями.

27 октября от Сукина поступили вроде бы обнадеживающие известия. Постановка вопроса об Иване IV как потенциальном зяте оказалась для Сигизмунда неожиданной. Поэтому высланные для переговоров паны ближней рады не сразу выработали линию поведения. Сперва они отговаривались, что из-за войны в Ливонии ни о каких делах, кроме прекращения войны, вообще разговаривать нельзя, потом заявили, что о сватовстве надо еще «обослаться» с радой польской, царем и другими христианскими королями.

Но затем началось обсуждение кандидатур невесты. Русские хотели младшую, Катерину, паны упирались, что выдавать младшую сестру раньше старшей, Анны, нельзя. 12 октября Сигизмунд заявил о готовности выдать Катерину за Ивана IV и отправить для договора больших послов. Русским дипломатам даже показали невесту, но тайно — во время посещения костела Сукина и Шапкина спрятали в избе во дворе, и оттуда они подсматривали королевский выход, «а королевна... Катерина к нам оборотилась и на нашу избу смотрела, а того, государь, не ведаем, ведала ли будет нас или не ведала». Таким образом, в октябре 1560 г. сватовство не было принципиально отклонено, оставалось договориться об условиях.

4 декабря 1560 г. в Москву было отправлено посольство Яна Шимкова и Яна Гайки. Вопрос о сватовстве можно было рассматривать на следующих условиях: вывод русских войск из Ливонии, заключение вечного мира, договор о браке и мире должен быть заключен «на рубеже» между государствами, а не в Москве. В ходе дебатов 11 февраля литовские дипломаты также выдвинули набор традиционных территориальных претензий на Новгород, Северские земли, Смоленск и другие города. Трудно сказать, было ли это заведомо невыполнимое требование высказано специально для срыва переговоров, или же Сигизмунд в самом деле рассчитывал под маркой сватовства что-нибудь получить. Так или иначе, литовские усло-

вия для Москвы оказались совершенно неприемлемыми. Не удалось и продлить литовско-русское перемирие, потому что Россия отказалась прекращать боевые действия в Ливонии до вывода оттуда литовских войск. 18 февраля послы «безделно» уехали из Москвы.

В целом русскую политику в ливонском вопросе в 1558—1562 гг. можно оценить как неудачную. Россия не сумела уловить дипломатических сигналов Сигизмунда, который был готов к разделу Ливонии, если бы при этом Москва пошла бы хоть на какие-то уступки. Вместо этого Иван IV «полез на рожон», стал обострять конфликт, желая захватить всю территорию бывшего ордена и вдобавок под предлогом «наказания» литовцев отнять часть земель еще и у них. Это подтолкнуло Великое княжество Литовское не только к вооруженному вмешательству в ливонский вопрос, но и к слиянию (в будущем, в 1569 г. по Люблинской унии) великого княжества с Королевством Польским. А вот победить объединенные силы Речи Посполитой для Московии Ивана Грозного оказалось задачей непосильной, что в перспективе и привело Россию к поражению в войне в 1582 г.

Чего хотела Россия получить в Ливонии? В этом плане очень интересен проект «Русской Ливонии», содержащийся в датско-русском договоре 1562 г. В эту территорию Иван IV желал включить «Гестонию» («Истлант»), которая делилась бы на «державу Феллинскую», «державу Каркусую», Пернов, «державу Иарвенскую», «Латышский язык» и «Ливский язык», а также часть Курляндии. По сути, царь претендовал на всю Ливонию, что делало его конфликт с польским, датским и шведским королями неизбежным.

Весной 1561 г. в Кракове и Вильно это обстоятельство окончательно осознали и было решено, пока не развязалась масштабная русско-литовская война, решить ливонскую проблему. 30 мая 1561 г. Сигизмунд обратился к ордену с требованием: Рига, Пернов и Виттенштейн должны отойти короне, и польский монарх получает право верховного командования над всеми подразделениями, сражающимися с русскими в Ливонии, неважно, на чьи деньги наняты их солдаты. Это

фактически лишало орден собственной армии, которая, впрочем, и так была уже разбита. В Ливонии начались боевые столкновения уже русских и литовских войск: так, 31 августа 1561 г. М. Радзивиллом был взят Тарваст, который оборонял русский гарнизон.

Миколай Радзивилл в августе 1561 г. отправился в поездку по орденским замкам для переговоров об условиях их перехода под власть короля. 8 сентября в Риге он озвучил эти условия.

- Магистр и рижский архиепископ пожизненно сохраняют свой статус, считаясь вассалами польского короля, при этом последнему принадлежит власть высших решений по всем вопросам.
- Сигизмунд должен самостоятельно урегулировать вопрос о прежнем подчинении Ливонии Священной Римской империи.
- Ливония становится такой же составной частью государства Ягеллонов, как Польша, Литва, Пруссия, Мазовия и т. д.
- Управление ливонскими землями осуществляют местные, немецкие чиновники.
- Король не вмешивается в дела религии.
- Гарантируются все привилегии и права собственности городов и землевладельцев.

В сентябре-октябре Радзивилл провел тяжелые переговоры с Ригой, отказывающейся признавать эти условия. Но достичь договоренности с городом не удалось. 25 октября Сигизмунд велел представить новые условия инкорпорации. К ним добавилась гарантия по защите Ливонии от ее врагов, прежде всего русских.

21 ноября литовские дипломаты вынесли на обсуждение более детальный проект. По нему Ливония присоединялась в первую очередь к Литве, а ее отношения с Польшей должны быть оформлены специальным решением польского сейма. Касательно имперского сюзеренитета над орденом Сигизмунд должен в самом недалеком времени провести соответствующие переговоры с империей. Для Риги

Der Ritter.

Рыцарь и смерть. Гравюра из цикла «Пляски смерти»
Г. Гольбейна (Младшего), 1538 г.

была принята нейтральная и ни к чему не обязывающая формулировка: она «пребывает среди владений польского короля».

Проект вызвал протесты ливонской делегации, главным образом из-за привилегированной позиции Риги. Но послам было сказано, что если они не примут условий Сигизмунда — «Литва не будет бороться за Ливонию». 28 ноября 1561 г. Второе Виленское соглашение зафиксировало раздел Ливонского ордена.⁴⁸ Все его владения официально переходили под юрисдикцию Короны. Последний магистр ордена Кетлер признал себя вассалом Сигизмунда II Августа и получил в ленное владение Курляндское и Земгальское герцогства. Архиепископ Вильгельм и коадьютор ордена были наделены небольшими землями для своего содержания, а их владения перешли к Сигизмунду.

К соглашению не примкнула Рига, объявившая себя независимой. В январе 1562 г. Радзивилл вел тяжелые переговоры о подчинении города польской короне, завершившиеся безрезультатно, несмотря на специально подготовленную королевскую привилегию рижанам. Тогда 3 марта 1562 г. Кетлер официально сложил свою власть с Риги, а 5 марта Радзивилл принял присягу магистра, архиепископа и ливонских сановников. Эта дата и считается днем гибели Ливонского ордена. Собственно Ливонская война с участием армии Ливонского ордена была закончена. Орден погиб.

Конец — это начало чего-то: во что превратился Ливонский орден?⁴⁹

На землях Ливонии в 1560—1562 гг. возникает несколько образований. Восток страны заняла Русская Ливония со столицей в Дерпте, переименованном в Юрьев Ливонский. Она просуществует до 1582 г., когда Россия по Ям-Запольскому перемирию уйдет из Прибалтики, проиграв войну Речи Посполитой. Тем не менее, русское владычество длилось здесь более 20 лет — время жизни целого поколения.

Север Ливонии с центром в Ревеле оказался в руках Швеции. Так было положено начало проникновению шведов на южный берег Финского залива. С этого шага начиналась знаменитая балтийская Шведская империя, достигшая пика своего могущества в XVII в., когда Балтийское море, по сути, станет внутренним «шведским озером». Швеция тогда включит в свой состав и Эстляндию, и Лифляндию (т. е. совр. Эстонию и Латвию), и Ингерманландию (восточное побережье Финского залива и бассейн Невы, которые до прихода шведов принадлежали России). В прибалтийских школьных учебниках XVII в. сегодня называют «золотым веком» в истории региона.

Дания получила остров Эзель (Сааремаа), часть владений в Вике и Курляндии. Правда, их судьба будет неблагоприятной: герцог Магнус окажется в подданстве сначала у Ивана Грозного, потом изменит ему и перебежит к польскому королю Стефану Баторию. Прибалтийские владения для Дании в конце XVI—первой половине XVII в. были «чемоданом без ручки»: бросить жалко, а нести неудобно. Их потихоньку прибрали к рукам шведы, к 1645 г. Дания лишилась всех своих ливонских земель.

Великое княжество Литовское и Польская Корона в результате вступления в войну в 1561—1562 гг. контролировали центральную часть бывшей Ливонии, в основном города, отданные ему по I и II Виленским соглашениям. Позже, в 1566 г., на этих землях будет основано Герцогство Задвинское, подвластное Речи Посполитой (с 1569 г.). Время «польской Прибалтики» будет недолгим, в начале XVII в. поляков вытеснят шведы.

В западной части бывшей Ливонии было в 1561 г. образовано герцогство Курляндское и Семигальское, которое было отдано под власть бывшему последнему магистру Ливонского ордена Готтхарду Кетлеру и его потомкам. Курляндия была зависима от Великого княжества Литовского, потом от Речи Посполитой. Она осталась в некотором смысле анклавом Ливонского ордена в культурном отношении, островком былой жизни для примкнувшего к Кетлеру ливонского

дворянства. Но эта связь скорее лелеялась и декларировалась, на практике же происходило постепенное перерождение нобилей.

Последний магистр Немецкого ордена в Ливонии Готтхард Кетлер оказался отчасти в таких внешнеполитических обстоятельствах, как и в свое время верховный магистр Пруссии Альбрехт Бранденбург-Ансбахский. Он также провел секуляризацию при непосредственном участии польской короны и также стал ее вассалом. Не исключено, что магистр в Ливонии секуляризовал орденские владения, поскольку механизм этого процесса, благодаря прусскому примеру, был уже отработан. Кроме похожих обстоятельств (в первом случае истечение срока перемирия с Польшей, во втором — конфликт с Россией), можно заметить и идентичную религиозную составляющую. В обоих случаях мы наблюдаем принятие протестантизма.

Показательны оценки первого историка Ливонской войны — немца Тильманна Бреденбаха, который собственно и дал войне это имя. Его труд «*Historia belli Livonici*» («История Ливонской войны») вышел тремя изданиями в Кельне, Антверпене и Лювене в 1564 г. Бреденбах считал, что главное содержание конфликта — это война католиков и протестантов, столкновения которых начались еще в 1556 г. А русские — это главным образом орудие Божьего гнева. Нашествием «москвитов» Господь покарал Ливонию за грех протестантизма. Если бы ливонцы не изменили истинной вере — католицизму, ничего бы с ними не случилось и страна бы продолжала процветать. Вот что Всевышний делает с отступниками! Протестантские идеологи в долгу не остались и, напротив, во всех бедах обвинили католиков и орден, которые морально разложились и довели страну до гибели.

Сложно сказать, был ли выбор в пользу лютеранства сделан исключительно из политических устремлений. Конечно, механизм проведения секуляризации через отказ от католицизма приводил к разрушению идеологического фундамента духовно-рыцарской корпорации. Использование религиозной реформы в качестве инструмента ликвидации ордена как

структуры понятно. Тем не менее, нельзя отрицать личных симпатий ливонского магистра к протестантизму. Еще занимая должность комтура Дюнабурга, Кетлер изъявлял желание открыть протестантскую школу, в которой изучались бы основы нового учения. С этой целью он отправил посланника к рижскому хаускомтуру Георгу фон Зиборгу, чтобы последний пригласил Давида Цитреуса из Росток для основания протестантской школы или гимназии в Пернау. Кроме того, Кетлер во время предварительных переговоров в Вильно в 1559 г. о возможном принесении ленной присяги польскому королю отстаивал вопрос о сохранении протестантизма в качестве «принятой религии».⁵⁰

Так что неизвестно, остался бы в живых Ливонский орден, «если б не было войны». Конечно, и давление Польши и Литвы, и военное вторжение России, и дипломатические ухищрения Дании и Швеции ускорили гибель ордена. В середине XVI в., годом раньше, годом позже, его ждала секуляризация и распространение протестантизма. Именно такой сценарий готовили Ливонии архиепископ Рижский и гебитигеры ордена.

Связь принятия протестантизма и проведения секуляризации как двух взаимосвязанных элементов подтверждает заседание гебитигеров в Риге 5 апреля 1560 г. На нем обсуждался вопрос, можно ли спасти Ливонию путем принятия магистром титула светского государя и заключением брака. Во-первых, важно отметить, что под *christliche Verheiratung*, судя по всему, понимается заключение брака с представительницей именно протестантской фамилии, что следует из данной формулировки, являющейся аналогом *christliche Ehe*.⁵¹ Доказательством служит выбор, сделанный в пользу Анны Мекленбургской, исповедующей протестантизм. Во-вторых, важен сам факт обсуждения возможности заключать брак. Конечно, это естественно для светского государя. Но восприятие гебитигерами ордена заключения брака как одного из средств выхода из кризиса говорит о полном крушении мира немецких рыцарей — ведь они в средневековые приносили обет безбрачия. Заключение династических

браков всегда служило средством создания или укрепления союзов. Обращение к данному институту Немецкого ордена свидетельствовало, что он уже полностью «поступился принципами».

Почему же Ливония «опоздала» на три десятилетия с секуляризацией? Этому способствовали два основных фактора. Одним из них стал региональный принцип рекрутирования новых членов духовно-рыцарской корпорации. В отличие от прусской ветви, комплектовавшейся, как правило, из Рейнских земель, ливонская ветвь пополнялась главным образом представителями Вестфалии.⁵² В этом регионе Священной Римской империи реформационные процессы начались несколько позднее, чем во Франконии и Бранденбурге. В связи с этим, учитывая сохранение членами ордена связей со своими семьями в Империи, крайне велика вероятность того, что личностное отношение к протестантизму формировалось у них не только под влиянием внутриливонских, но и вестфальских процессов. Это обусловило более поздний рост популярности евангелического учения в рядах ливонской братии по сравнению с прусскими членами ордена.

Вторым фактором стала в целом активная контрреформационная позиция епископата, который был традиционным оппонентом ордена в Ливонии. Таким образом, поддержка протестантизма стала элементом противостояния притязаниям епископата. Ливонская модель существенно отличалась от прусской, где епископства были непосредственно включены в духовно-рыцарскую корпорацию. В Ливонии влияние церковных структур было значительно сильнее, что обуславливалось в том числе и тесной интеграцией ливонского епископата в систему династических связей Империи. В борьбе за местные кафедры участвовали крупнейшие северонемецкие княжеские дома, далеко не всегда заинтересованные в секуляризации имущества своих родственников.

Прибалтийский регион на протяжении Средних веков и Раннего нового времени представлял собой пограничье в религиозном и культурном смыслах. В XIII—XIV вв. эти земли были рубежом между католическим и языческим ми-

рами в Пруссии или между католическим, языческим и православным мирами — в Ливонии. В XV—первой половине XVI в. — только между католическим и православным.⁵³ Однако XVI в. внес коррективы не только в политическую, но и в конфессиональную картину Европы в целом и Балтийского региона в частности. Феномен «нового воцерковления» европейца (или «новой христианизации» по Х. Шиллингу⁵⁴) стал важнейшим фактором общественной истории Запада в Раннее Новое время.⁵⁵ Результатом этих процессов, сопровождавшихся секуляризацией, стало формирование конфессиональных границ между католическими и протестантскими землями.

Даты 1525 и 1561—1562 гг. знаменуют два основных этапа изменения конфессиональных границ Польши и Великого княжества Литовского с северными соседями. Изменение формы вероисповедания и переход обоих герцогств под власть польской короны ставит вопрос о позиции польского короля в условиях формирования протестантской границы. Ведь он был королем-католиком! Принесение Альбрехтом Бранденбург-Ансбахским и Готтхардом Кетлером вассально-ленной присяги польскому королю оформило парадигму политических взаимоотношений, однако необходимо было решить и религиозный статус данных земель.

О важности религиозной составляющей в контексте формирования конфессиональных границ говорит и то, что во время переговоров, проходивших в Вильно в 1559 г., польский король поддержал стремления Кетлера сохранить «принятую религию» (*angenommenen Religionen*), в данном случае — протестантскую. Дальнейшее развитие идеи польского подданства обсуждалось на собрании орденских гебитигеров, собранном Г. Кетлером 5 апреля 1560 г. в Риге. Магистром было озвучено плачевное положение ордена, от которого «осталось только имя». Была озвучена мысль, что если не удастся осуществить перелом в войне, то результатом «...предполагается скоропостижное падение и разделение христианских сословий и чистого и благословленного слова Божия к необратимой гибели не только в Ливонии, как опло-

те христианства, но и во всех соседних землях...». Описание Ливонии как «...оплота христианства...» вполне объяснимо в рамках риторики, свойственной духовно-рыцарской корпорации. В тексте говорится: «...для лиц и всего ордена, в то время как земли теряются посредством сомнительных иллюзий и утешений, было бы славно, полезно и по-христиански достигнуть успокоения через христианское изменение...». Обсуждение «христианского изменения» может свидетельствовать не только об умонастроениях внутри ордена, но и среди бюргерства и рыцарства. Под «христианским изменением», судя по всему, следует понимать именно принятие протестантизма. В пользу этого свидетельствует не только склонность Кетлера к евангелической вере, но и уже упомянутое суждение о возможности для магистра вступить в брак.⁵⁶

Немаловажную роль в поддержке сохранения протестантизма в процессе образования герцогства Курляндского и Семигальского и формирования конфессиональных границ сыграл польский магнат Николай Радзивилл Черный, занимавший в тот момент должность канцлера Великого княжества Литовского. Именно он вел переговоры в Вильно с Кетлером. Можно согласиться с К. Шмидтом, отметившим, что это могло повлиять на появление в «привилегии Сигизмунда Августа» фрагмента, связанного с поддержкой религиозной свободы в аугсбургской трактовке (*confessio Augustana*).⁵⁷ Параграф 4 гарантировал Ливонии широкие привилегии в сфере управления и права. Если сравнить привилегии Сигизмунда Августа (*Privilegium Sigismundi Augusti*)⁵⁸ с *Pacta Subjectionis*,⁵⁹ то обращает на себя внимание сходство взгляда на религиозный вопрос. В 7-й главе привилегии говорится, что герцог гарантирует своим подданным свободу исполнения обрядов.⁶⁰ Позже, в 1570 г., герцог Готтхард Кетлер в своей привилегии (*Privilegium Gotthardinum*) подтвердил эту позицию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С гибелью Немецкого ордена завершается сюжет, которому посвящена наша книга. Остальные события борьбы за Прибалтику во второй половине XVI в.: датско-шведская война 1563—1570 гг., русско-литовская война 1561—1570 гг., «Московская», или «Баториева война» 1578—1582 гг., русско-шведские войны последней четверти XVI в. — остаются за пределами данной книги. В XIX в. историком Н. М. Карамзиным они были объединены в единую «Ливонскую войну» Ивана Грозного, длившуюся 25 лет (самую длительную в русской истории, за исключением Кавказской войны 1817—1864 гг.).¹

Современники думали иначе. Они не знали никакой 25-летней Ливонской войны. И для Немецкого ордена, и для польского короля Сигизмунда II Августа, и для царя Ивана Грозного 1561—1562 гг. были фактическим рубежом, когда Ливония была разбита, уничтожена и разделена между соседями, а орден прекратил свое существование. Дальше начнется то, что историк В. В. Пенской назвал «войнами за ливонское наследство»,² а А. И. Филлюшкин — Балтийскими войнами второй половины XVI в.³ Это уже тема отдельного исследования, особого разговора и других книг.

В заключение необходимо остановиться на одном вопросе, с которым в общественном сознании прочно ассоциируется война Ивана Грозного за Прибалтику. С XIX в., с Н. М. Карамзина, существует убеждение, что Иван Васильевич затеял Ливонскую войну для прорыва России к Балтийскому

морю. Этот ложный стереотип опровергается простым взглядом на карту — как известно, России в XV—XVI вв. принадлежало устье Невы и все южное побережье Финского залива от Невы до Наровы. Напомним, что в 1492 г. Иван III основывает Ивангород напротив Нарвы на русских прибалтийских землях, и ни о каком выходе к морю вопрос не стоит. Этот выход есть. Россия утрачивает его только после Смуты, по Столбовскому миру 1617 г. Приписывание Ивану Грозному стремления прорыва к вожделенным морским берегам — одно из необычайно живучих заблуждений отечественных историков. Даже в школьную программу был включен вопрос о цели Ливонской войны как войны за выход к морю.

Но если не из-за моря, то из-за чего Россия ввязалась в ливонский конфликт? Ведь если брать аспекты конфессионализации, противостояния католиков и протестантов, ордена и епископов, Пруссии и Ливонии (причем Пруссия явно хотела утянуть Ливонию с собой в орденскую могилу) и т. д. — это совсем не русская война. России в 1550-е гг. в Ливонии совершенно нечего было делать, она слабо разбиралась в происходящих событиях, не понимала религиозных и международных процессов. Русские власти постоянно разыгрывали какие-то ясные только им самим партии (чего стоят история о «неисправлении» ливонцев в 1550—1551 гг. или актуализация вопроса о никому не ведомой и никогда не собиравшейся «юрьевской дани» в 1554 г.). Зачем Иван Грозный в ноябре 1557 г. велел составить грамоту об объявлении войны Ливонскому ордену, а в январе 1558 г. отдал приказ о нападении?

На этот вопрос возможны два ответа. Первый — Россия оказалась подчинена стечению обстоятельств, была вовлечена в конфликт цепью событий и логикой истории. Одно малозначительное обстоятельство влекло за собой другое, потом третье, четвертое, события нарастали как снежный ком — и вот Россия зачем-то воюет уже не только с Ливонией (которой уже вроде бы и не существует), а с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, потом со Швецией, потом с наемниками со всей Европы, собранными

в армию короля Речи Посполитой Стефана Батория и т. д. То есть русские первоначально пытались решить локальные задачи вроде принуждения Ливонии к уплате дани или к захвату контроля над грузопотоками нарвской торговли. Но при этом они оказались вовлечены в более глобальные исторические процессы. В результате — общее поражение в войне с Европой в конце XVI в.

Второй вариант — предположить, что за действиями России стояли глобальные и далекоидущие замыслы, а само нападение на Ливонию — часть масштабного стратегического плана Ивана Грозного. Поскольку выход к морю у России был, поиск пути на Балтику к таковым стратегиям отнести нельзя, более вероятным представляется желание наживы, захвата ливонской торговли и ее обращения на службу русским. Ведь, несмотря на наличие выхода к морю, этот выход представлял собой голое, пустынное побережье без портов и торговых факторий. Порты и фактории были в соседней Ливонии, и чем строить свои, а потом уговаривать европейских купцов туда плыть, проще было «прийти на готовенькое». Просто захватить и обратить в свою пользу всю систему ливонской транзитной торговли. В какой-то степени это получилось в третьей четверти XVI в. (феномен «нарвского плавания»). Но так ли это?

Проблема поиска ответа на вопрос, зачем Россия вмешалась в ливонский конфликт, в том, что этот ответ очень трудно найти в источниках. Объяснения в русских летописях и посольских документах причин нападения на Ливонию слишком просты, чтобы историки могли в них поверить, а не заподозрить тайную подоплеку. Первый документ, имеющий непосредственное отношение к вмешательству России в ливонский конфликт, — грамота об объявлении войны ордену, датированная ноябрем 1557 г.⁴ Она была доставлена в Нарву 24 января 1558 г. и переведена на немецкий язык.⁵ Если обобщать, то для России причиной войны в официальной грамоте об ее объявлении названо несоблюдение Ливонией договора 1554 г.: неплатеж дани, притеснения русских купцов, погромы православных церквей («Церкви русские и концы все и

гридни и земли церковные очистити, и отдати нашим купцом часа того, а гостем нашим и купцом торговати с ливонскими людьми и с заморцы всякими тавары без вывета на всякой товар, опричь воску да сала и пансыреи»). Ливонцы объявлены клятвопреступниками: целовали крест, что исправятся, а не исправились. Вот их Бог и наказал государевым походом, сами виноваты.

Из других документов такого рода известен хранившийся в Ревельском архиве перевод русской грамоты с рассказом о причинах войны, датируемый 1558 г.⁶ В грамоте говорится о разорении русских концов в Дерпте, Риге и Ревеле, разрушении церквей (на месте монастыря под Ревелем поставили пушечный двор, а вместо храмов во всех городах — «паракели», в немецких аналогичных текстах — *Cloaken und Rackereyen* — живодерни, отхожие места). Дань русских князей «исстари» была возложена на Дерпт, а ее не платили. Далее говорится, что ливонцы подписали договор и взяли на себя обязательства во всем «исправитца», а не исправились, церкви и концы не вернули, дань не заплатили и т. д. Документ интересен тем, что в нем прямо сказано: если бы ливонцы заплатили дань, войны бы не было. А пока идет карательная акция, которая будет остановлена, как только произойдет выплата и ливонцы раскаются в остальных преступлениях.

Как русские посольские службы объясняли нападение на Ливонию перед представителями других стран? Впервые такое объяснение для дипломатов Великого княжества Литовского содержалось в наказе послу Р. В. Алферьеву в 1558 г. К сожалению, посольская книга испорчена (вырван лист), и мы можем прочесть только начало: «...а послал государь наш на Ливонскую землю рать свою за многие их неправды, людем торговым обиды делали многие, а церкви...»⁷

Литовскому посольству В. Тишкевича в марте 1559 г. было велено передать в Вильно следующее объяснение причин нападения на Ливонию: преступления против православных церквей, неплатеж дани и «непослушание», при исправлении которых боевые действия тут же прекратятся.

В апреле 1559 г. на переговорах с датскими послами русские дипломаты озвучили несколько неожиданный мотив нападения на Ливонию. Иван Грозный использовал очень популярный в его идеологии тезис о своем «малолетстве» как причине многих бед. Царь говорит, что он вступил на престол в три года, и, воспользовавшись его младенческим возрастом, многие «неприятели пограничные» напали на Россию, а вот ливонцы перестали платить дань. В Риге и Дерпте были разорены русские церкви, в Риге и Ревеле у московитов отобраны «грядни и палаты» и отданы ливонцам, из православных церквей сделаны конюшни. Когда Иван IV «вошел в возраст», он сперва расправился за подобные преступления с казанцами, затем пытался договориться с ливонцами, но они не пожелали ничего слушать. В результате государь просто вынужден наказать своих неверных подданных.⁸

В наказе русскому гонцу в Литву Р. Пивову в июне 1559 г. был повторен тезис о наказании Ливонии за неплатеж дани.⁹ На переговорах с литовским послом М. Володкевичем в январе 1560 г. ливонцы были объявлены «данщиками» со времен Ярослава Мудрого. Россия не может допустить, чтобы ее должники так себя вели, не считались с ее интересами.

В послании Ивана IV к императору Священной Римской империи Фердинанду от 24 февраля 1560 г. причины войны расположены несколько в другой последовательности. Первой причиной объявлена «война за веру» — ливонцы «русские церкви обратили в оружейные склады и живодерни, иконы... сожгли и обесчестили». Второй — притеснения русским купцам в ливонских городах — недопуск их к складам, улицам и т. д. (морская торговля не упоминается). Третьей назван неплатеж дани. Иван IV неоднократно пытался урегулировать проблемы путем переговоров, но «сердце их, как фараоново, пребывало окаменелым». За это они должны быть наказаны «мечом и огнем, и это не его (царя) вина, а собственная вина ливонцев».¹⁰

Ливонцы утвердили свою верность клятвами, но нарушили их. Они сделали из православных церквей конюшни

и места для человеческих экскрементов (*loca excrementorum humanum*). Иван IV увещевал отступников, но безуспешно, потому что сердце их закоснело, как сердце фараона, как сказано в Писании: «Ожесточу фараоново сердце, да проявлюсь в нем». И поэтому ливонцы «терпят ныне за своевольство свое от огня и меча, не по желанию нашему, а по собственному умыслению, как гласит пророк: „Возложи уста свои на небо и язык преjde в землю“». ¹¹

Майский 1560 г. поход русских войск в Ливонию получил в посольских кругах следующую аргументацию: «...за их многие неправды и за порушение крестиянские веры и за позжение образов Божиих и святых всех и за всех их неисправление перед государем и за то, что королю многие городки позакладывал и поздавал и сам х королю ездил и со всею землею прикладывался и против государевой рати помочь емлет и из заморья наймует». ¹²

На русско-датских переговорах в Москве в июне-июле 1562 г. Ливония объявлялась перед датчанами русской вотчиной уже с Владимира Крестителя и «его сына Ярослава», а поселившиеся там «немецкие люди римского закону» «почали бити челом русским государям, чтобы им позволили держать» «бискупов и капланов» от римского папы. Отсюда и пошло первое лукавство, закончившееся неплатежом дани, с которым разобрался сам Александр Невский. ¹³ На переговорах 1563 г. звучал этот же тезис о победах Александра Невского: «...ино великий государь Александр Храбрый на них послал огонь и меч свой, и николи та земля неотступна была от наших прародителей, даж доиде по коленству до мстителю неправдам деда нашего, великого государя Ивана, и до блаженные памяти отца нашего великого государя Василья, закосненным прародителства землям обретателя, даж доиде и до нас смиренных». ¹⁴

С точки зрения многих современных историков, подобные объяснения причин нападения на Ливонию — лукавые и примитивные. Россия обманывала иностранных дипломатов и пыталась выставить свою агрессию в выгодном свете. А тайные причины не попали ни в один текст XVI в. и рас-

крыты только в книгах историков XIX—XX вв. Они лучше современников Ивана Грозного знают, зачем царь напал на Ливонию!

Заметим, что эти причины историки выводили из своей современности, из витавших в воздухе идей. Н. М. Карамзин экстраполировал на время Ивана Грозного идеологию Петра I, утверждая, что Грозный «домогался Ливонии... чтобы славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою». Отсюда и концепция Ливонской войны как войны за выход к Балтийскому морю. Карамзина совершенно не смущало, что при Иване Грозном Россия этот выход и так имела, а вот при Петре нет.

Поводом к войне, по мнению ряда историков, выступала нужда России в «цивилизаторе», которую она готова удовлетворить даже военным путем. Ливония блокировала контакты русских с европейцами, поэтому ее якобы и надо было уничтожить. Наиболее оригинальна здесь точка зрения С. Ф. Платонова, который писал, что особую роль в притоке с Запада на Русь культурных людей сыграла Ливонская война, а именно — массовые переселения пленных немцев в глубь России.¹⁵

Таким образом, Ивану Грозному приписывается весьма оригинальный подход: я тебя завоевал, пленил, поработил и сослал в земли неизвестные, а ты меня теперь цивилизуй! Впрочем, эта концепция была поддержана и западными историками, в частности, В. Урбаном, который вообще считал захват ливонского населения одной из главных целей Ивана IV в войну: царь хотел таким образом заполучить для России как можно больше специалистов-цивилизаторов.¹⁶

Происхождение данной концепции связано с популярной идеей об убежденности в готовности и, главное, желании России приобщиться к духовным и культурным ценностям Запада. Но в России эта идея появляется в XVIII—XIX вв. и расцветает в конце XX в. Нет ни малейших оснований приписывать ее Ивану Грозному и тем более считать причиной вторжения в Ливонию.

Кроме вышеназванных причин, некоторые историки выводят русское вторжение в Ливонию из сущности «Московии» как «государства-агрессора». Иными словами, Россия напала, потому что не могла не напасть, в этом будто бы ее характер и главная черта — поработать безвинные соседние государства. Например, екатеринбургский исследователь А. А. Шапран считает, что захватом Ливонии Иван Грозный удовлетворял свою «страсть к завоеваниям». Этим он «полностью игнорировал» интересы своих людей, которые были принесены в жертву неверно понимаемым интересам государства. Войну он трактует как «главную политическую ошибку московского правительства», а Ливонская война объясняется как «одна из величайших военных авантур мировой истории, которая полностью провалилась».¹⁷

Все подобные построения имеют два принципиальных недостатка. Во-первых, историки смотрят на прошлое, не пытаясь понять его. Они судят историю своей страны с высот своего времени, применяя к нему современные идеологемы и штампы политической пропаганды. Это может производить впечатление на читателей, но науки здесь нет. Во-вторых, ни в одном русском источнике XVI в. таких целей войны не сформулировано. Историки здесь додумывают за Ивана Грозного и его соратников. Так или иначе, мы должны идти от источников, и если предлагать гипотезы о скрытых причинах войны за Ливонию — то они тоже должны опираться на источники, а не на абстрактные логические или идеологические построения.

Пока у нас нет оснований не доверять мотивации нападения на Ливонию, изложенной в русских источниках. Война начиналась как карательная акция против «неисправившихся» ливонцев, а после взятия Нарвы превратилась в банальную для XVI в. войну за добычу и трофеи. Русские явно надеялись и на экономическую выгоду от взятия под свой контроль ливонской торговли, но здесь интерес был не стратегический («прорываемся к морю и становимся морской торговой державой»), а утилитарный, прагматичный («ливонцы хорошо наживаются на торговле, и мы тоже хотим это де-

лать»). Применительно к событиям 1558—1561 гг. нет никаких оснований видеть здесь более глубокую и тем более геополитическую подоплеку.

В первой половине XVI в. Немецкий орден в Ливонии столкнулся не только с внешними, но и с внутренними вызовами. Ключевую роль сыграли сословия Ливонии, интересы которых оказались слишком разнополярны. Бюргерство в городах (Ревель, Дерпт, Рига) имело крупный вес во многом в силу экономической роли в регионе, а в случае с Ригой также политической, ввиду членства города с 40-х гг. в Шмалькальденском союзе. Рыцарство сумело сохранить ведущие позиции в провинции и остаться опорой ордена в военно-политическом аспекте. Важную роль здесь играли родственные связи светского дворянства с орденской братией, формировавшие настоящий олигархический союз элиты в Ливонии. Отсутствие у духовно-рыцарской корпорации привычной династической стратегии компенсировалось созданием многочисленной клиентелы из числа светских родственников, помещенных во владениях ордена.

Кризис середины XVI в. был во многом предопределен комплексом внешних проблем. Огромную роль здесь играло влияние соседней Пруссии и вмешательство во внутриливонские дела со стороны Альбрехта Бранденбург-Ансбахского. Результатом стало разрушение хрупкого внутреннего компромисса сословий, что привело к Эзельской распре, «войне коадьюторов» и в конечном итоге открыло путь Ливонской войне. Успешную стратегию сохранения духовно-рыцарского сообщества как самостоятельной силы в условиях перемен выработать так и не удалось, хотя шансы для этого были. Секуляризация орденских владений прошла по прусскому, уже знакомому и отработанному варианту. Ливонский магистр принял протестантизм и стал светским правителем. Однако в Ливонии не удалось создать подобие прусской модели при сохранении ведущей роли за бывшим орденским лидером: герцогство Курляндское и Семигальское последнего ландмайстера Готтхарда Кетлера не могло равняться по своему влиянию прусскому герцогству Гогенцоллернов.

Судьба Ливонии в гораздо большей степени была связана с происходящим в европейских дворах, городах и соборах, чем с Москвой. История Ливонии — это прежде всего история германского мира, история балтийского мира, история западного христианства и феномена духовно-рыцарских орденов, и в конечном счете — история Реформации и ее результатов. Русские земли, Новгород и Псков, и затем Россия, несомненно, сыграли в ней свою роль, но это была роль только одного из многих других факторов ливонской истории.

Россия была в Прибалтике только *одним из* многих политических игроков, которые в XVI в. стали делить «ливонское наследство» (Пруссия, Польша, Литва, Дания, Швеция, Священная Римская империя). Причем в данном сонме государств она играла далеко не главную роль. При этом Ливония выступает как пограничная зона контакта и конфликта цивилизации и культуры Запада с Россией, полигон первой войны России и Европы. Этим и крайне интересен данный конфликт, потому что он был первым масштабным столкновением этих двух грандиозных геополитических сил, от которых до сих пор зависит судьба человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Бокман Х. Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004. С. 19. О возникновении Немецкого ордена подробнее см.: *Tumler M.* Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Wirken bis 1400 mit einem Abriß der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur neuesten Zeit. Wien, 1955; *Łowmiański H.* Prusy — Litwa — Krzyżacy. Warszawa, 1989; *Buschinger D., Olivier M.* Les chevaliers teutoniques. Paris, 2007; *Урбан В.* Тевтонский орден. М., 2007.

² Die Regeln des Deutschen Ordens in Geschichte und Gegenwart. Lana, 1985.

³ *Tumler M.* Der Deutsche Orden... S. 25.

⁴ *Zimmermann H.* Der Deutsche Orden in Siebenbürgen. Eine diplomatische Untersuchung. Köll, Weimar, Wien, 2011.

⁵ Бокман Х. Немецкий орден... С. 68.

⁶ *Arnold U.* Die Staufer und der Deutsche Orden // *Medieval Spirituality in Scandinavia and Europe: a collection of essays in honour of Tore Nyberg.* Ed. by Lars Bissgard. Odense, 2001. P. 145—156.

⁷ Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo / Red. M. Biskup, R. Czaja. Warszawa, 2008.

⁸ *Бременский А.* Деяния епископов гамбургской церкви // *Славянские хроники.* М., 2011. С. 140.

⁹ *Transehe — Roseneck A. v.* Der ritterlichen Livlandfahrer des 13 Jahrhunderts. Würzburg, 1960. S. 7.

¹⁰ *Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin, 2011. S. 15; *Urban W. L.* The Baltic crusade. Chicago, 1994. P. 52.

¹¹ «Fratres prediceti hospitalis sanctae Mariae Theutonicorum, qui pro tempore fuerint in Livonia, sicut hactenus, sub dioecanorum et alienorum prelatorum suorum consistant» Livländische Urkundenbuch 11. Bd. 1. № 168; См. подробнее: *Бессуднова М. Б.* Ливонская ветвь Немецкого

ордена на начальном этапе существования // Ледовое побоище в зеркале эпохи. Липецк, 2013. С. 182—200. Bennighofen Der Orden der Schwerbrüder. Köln; Graz, 1965. Конопленко А. А. Орден меченосцев в политической истории Ливонии. Дисс. ...к. и. н. Саратов, 2005 и др.

¹² Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens.... S. 12. Hellmann M. Der Deutsche Orden in Livland // Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur (= Ordines militares — Colloquia Torunensia Historica.Toruń, 1985. Bd. 3. S: 114.

¹³ Marecki J. Zakony w Polsce. Kraków, 2000. S. 26.

¹⁴ Пепр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер. В. И. Матузовой. М., 1997. С. 62. III, 28.

¹⁵ Neitmann S. Westfalen als Rekrutierungsgebiet Livland // Wolter von Plettenberg und das mittelalterliche Livland / Hrsg. von N. Angermann und L. Misans. Lüneburg, 2001. S. 116.

¹⁶ Stavenhagen O. Der letzte Rheinländer unter den obersten Gebietigern des Deutschen Ordens in Livland und die Verhältnisse der Abstammung bei den livländischen Ritterbrüdern // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. Mitau, 1896. S. 138.

¹⁷ Под этим термином понимаются роды, представители которых на протяжении долгого времени неоднократно вступали в ряды Немецкого ордена. Подробнее см. Dorn H.-J. Die Deutscheordensballei Westphalen von der Reformation bis zu ihrer Auflösung im Jahre 1809. Marburg, 1978. S. 16; Neitmann S. Westfalen als Rekrutierungsgebiet. S. 125; Kreem J. Der Deutsche Orden und die Reformation in Livland // The military orders and the reformation: choices, state building and the weight of traditions. Utrecht, 2006. S. 82.

¹⁸ Арбузов Л. А. Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб, 1912. С. 93.

¹⁹ Benninghoven F. Der Orden der Schwerbrüder: Frastres Militiae Christi de Livonia. Köln, 1965. S. 49f.

²⁰ Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutsche Ordens... S. 135.

²¹ Neitmann S. Westfalen als Rekrutierungsgebiet...S. 116.

²² Arbusow L. Die im Deutschen Orden in Livland vertretenen Geschlechter... // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik. Mitau, 1900. S. 27.

²³ Neitmann S. Von der Grafschaft Mark nach Livland: Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschen Orden. Köln, 1993. S. 18.

²⁴ Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutsche Ordens... S. 136.

²⁵ Подробнее см. Dösseler E. Soests auswärtige Beziehungen, besonders in hansischen Raum. Soest, 1998. T. 1. S. 103—119; Planeth E. Der auß-erwestfälische Handel münstersche Kaufleute von 1536—1661. Auf Grund der Quellen im münsterschen Stadtarchiv. Gutersloh, 1937. S. 52—54.

²⁶ Jähnig B. Verfassung und Verwaltung des Deutsche Ordens... S. 136.

²⁷ Klocke F. v. Westfalen in der Deutschen Ostbewegung des Mittelalters // Westfalen und Nordosteuropa. Wiesbaden, 1964. S. 19.

²⁸ Подробнее см. Paravicini W. Die Preußenreisen des europäischen Adels. Sigmaringen, 1989.

²⁹ Подробнее см.: Гудавичус Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 123—182.

Глава 2

¹ См., например: Привилегия Рижскому архиепископству императора Карла IV // РГАДА, ф.389, оп. 1. д. 525, лл. 195—196.

² Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World. 1492—1772. London, New York, 1990. P. 25—26.

³ Зутис Я. Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 20.

⁴ Случевский К. По Северу России. СПб., 1888. Т. III: Балтийская сторона: Путешествия их Императорских Высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1886 и 1887 гг. С. 243—244.

⁵ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 171. Перевод Blyffland исправлен по М. Б. Бессудновой (Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. С. 22).

⁶ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 53, 58.

⁷ Urban W. The Baltic crusade. Chicago. P. 429, 431.

⁸ Schiemann T. Russland, Polen und Livland. Berlin, 1887. Bd. II. S. 18—19.

⁹ Ясинский А. Причины падения древней Ливонии. Юрьев, 1898. С. 24.

¹⁰ Sarnowsky J. Der Deutsche Orden. München, 2007. S. 45.

¹¹ Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Hrsg. Bunge F. G. v. Reval, 1859. Bd. 4. S. 5.

¹² Arbusov L. Grundnis der Geschichte Liv-, Est- und Kurland. Mitau, 1890. S. 91.

¹³ Bunge F. G. v. Geschichtliche Entwicklung des Ständeverhältnisse in Liv-, Ehst- und Kurland bis Jahre. Reval, 1861. S. 120.

¹⁴ Rutenberg O. v. Geschichte von Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland. Leipzig, 1859—1860. Bd. 2. S. 298.

¹⁵ Olinz P. The Teutonic knights in Latvia. Riga, 1928. P. 70.

¹⁶ Wrangel G. Die harrisch — wierische Ritterschaft und andere Aufsätze. Reval, 1914. S. 12.

¹⁷ Hupel A. Von den Rechten der lief- und estländischen Landsgüter // Nordischen Miscellanea. Riga, 1790. Bd. 20. S. 7.

¹⁸ *Gernet A. v.* Die Harrisch-wirische Ritterschaft unter der Herrschaft des Deutschen Ordens. Reval, 1893. S. 60.

¹⁹ *Gernet A. v.* Der Ursprung des livländischen Landtages // Baltische Monatschrift. Reval, 1896. Bd. 38, S. 277.

²⁰ *Paucker D.* Landrath Wrangel's Chronik von Ehistland. Otto Fabian Wrangel. Kurzer Ertract derer Öst undt Liefländischen Geschichten die sich von undt nach Christi, unsers Herre udtm Seligmachers, Geburth bis auf diese Zeit zuygetragen. Dorpat, 1845. S. 337. S. 39.

²¹ *Monumenta Livoniae Antiquae.* Sammlung von Chroniken, Berichten, Unkunden und anderen schriftlichen Denkmalen und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehist- und Kurlands dienen. (далее — MLA) Bd. V. Riga, 1847. № 57. S. 146.

²² Akten und Rezessen der livländischen Ständentage / Hrsg. von O. Staveshagen, L. Arbusow (jung.). Riga, 1923. Bd. I. Nr. 299. § 15; *Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin, 2011. S. 56.

²³ *Brück T.* Konflikt und Rechtfertigung in der Geschichtsschreibung Alt-Livlands. Christoph Forstenau-Silvester Stodeweccher—Herman Helweg // Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Livland. Hrsg. Tumser M. Berlin, 2011. S. 103.

²⁴ *Gernet. A. v.* Der Ursprung des livländischen Landtages // Baltische Monatschrift. Reval, 1896. Bd. 38. S. 277.

²⁵ *Misāns I.* Organisation und Ablauf der Livländischen Land- und Städtetage // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. München, 2006 Bd. 51. S. 54—59.

²⁶ *Below G. v.* Die landständische Verfassung in Jülich und Berg, Düsseldorf 1885—1891. Aalen, 1965; Greindl G. Untersuchungen zur bayerischen Ständeversammlung im 16. Jahrhundert. Organisation, Aufgaben und die Rolle der adeligen Korporation. München, 1983 (Miscellanea Bavarica Monacensia, 121); Geschichte der mecklenburgischen Landstände bis zum Jahr 1555. Rostock, 1856; *Krause H.* System der landständischen Verfassung Mecklenburgs in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Rostock, 1927; *Köhle K.* Landesherr und Landstände in der Oberpfalz von 1400—1583. Sozialstruktur und politische Repräsentanz eines frühneuzeitlichen Territoriums. München, 1969 (Miscellanea Bavarica Monacensia, 16); *Müller U.* Die ständische Vertretung in den fränkischen Markgräfstümern in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. Neustadt an der Aisch, 1984; *Reden A. v.* Landständische Verfassung und fürstliches Regiment in Sachsen-Lauenburg (1543—1689). Göttingen, 1974; *Sapper N.* Die Schwäbisch Österreichischen Landstände und Landtage im 16. Jahrhundert. Stuttgart, 1965 (Schriften zur südwestdeutschen Landeskunde, 6); *Schubert E.* Die Landstände des Hochstifts Würzburg. Würzburg, 1967; *Speck-Nagel D. K. G.* Die vorderösterreichischen Landstände im 15. und 16. Jahrhun-

dert. Teil 1: Zu Geschichte, Institution und Wirkungsbereich der Landstände in Elsaß, Sundgau, Breisgau und Schwarzwald. Tübingen, 1991.

²⁷ *Bachmann S.* Die Landstände des Hochstifts Bamberg. Ein Beitrag zur territorialen Verfassungsgeschichte. Bamberg, 1962. S. 112. *Kostrzak J.* Narodziny ogólnie inflanckich zgromadzeń stanowych od XIII do połowy XV w. Warszawa; Poznań; Toruń 1985. P. 125

²⁸ *Kostrzak J.* Narodziny ogólnie inflanckich... P. 124—126.

²⁹ AR. III. 96.

³⁰ *Piirimäe P.* Ständischer Dualismus und territoriale Verselbständigung. Über die Verfassung des Bistums Dorpat im letzten Jahrhundert Alt-Livlands // Zur Geschichte der Deutschen in Dorpat. hrsg. von Piirimäe H., Sommerhage C. Tartu 1998, S. 38—61.

³¹ AR. III. 237.1; AR. III. 10; AR. III. 12; AR. III. 15; AR. III. 21; AR. III. 35; AR. III. 38.1; AR. III. 53.1; AR. III. 54.1; AR. III. 57.2; AR. III. 66; AR. III. 99; AR. III. 135.

³² *Piirimäe P.* Staatenbund oder Ständestaat? Die livländische Landtag im Zeitalter Wolter von Plettenberg // Forschungen zur baltischen Geschichte. Tartu, 2013. Nr. 8. S. 48. S. 48.

³³ Подробнее см. *Piirimäe P.* Die Op. cit. S. 48—49.

³⁴ AR. III. 272.19.

³⁵ AR. III. 2.4.

³⁶ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch 1/1—12, 2/1—3 / Hrsg. von Bunge F. G. v., Hildebrand H., Schwartz Ph., Arbusow L., Bulmerincq A. Reval; Riga; Moskau, 1853—1915. Bd. 2, Nr. 651; AR. III. 291.

³⁷ Например, AR. III. 99.

³⁸ *Piirimäe P.* Staatenbund oder Ständestaat? S. 50.

³⁹ Ibid. S. 49.

⁴⁰ Данный параграф написан преподавателем СПбГУ Д. И. Вебером в рамках исследования, выполняемого при поддержке РФФ, проект № 16—18—10393 «Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования».

⁴¹ *Цауне М.* Борьба города Риги с его феодальными сеньорами в XIII—XV вв. автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1978. С. 18.

⁴² «cum Lituinis Sarracenis», цит. по: *Антонов В. А.* Города и крестовые походы в прибалтийские земли // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 4. С. 224.

⁴³ *Zühlke R.* Bremen und Riga. Zwei mittelalterlichen Metropoloien um Vergleich // Arbeiten zur Geschichte Osteuropas. Münster, 2002. Bd. 12. S. 171.

⁴⁴ *Johansen P. v., Mühlen H.* Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und früneuzeitlichen Reval. Köln; Wien, 1973. S. 103.

⁴⁵ *Подальк Н. Г.* Ганза // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 4. С. 144.

⁴⁶ *Jeanks D.* England, die Hanse und Preussen: Handel und Diplomatie 1377—1774. Köln, 1992. Bd. 3. S. 175.

⁴⁷ *Райдкиви П.* Образование ливонского ландтага в XIV—1-й половине XV в. автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Таллин, 1987. С. 12.

⁴⁸ *Дорошенко В. В.* Цены на продукты сельского хозяйства в Ливонии XV века // История СССР. 1959. № 2. С. 158.

⁴⁹ *Леймус И.* Монетное дело Ливонии в XVI в. (1515—1581/94 гг.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Таллин, 1989. С. 9.

⁵⁰ *Akten und Recessen der livländischen Ständentage.* Hrsg. v. L. Arbusow. Riga, 1910. Bd. III: 1494—1535. № 298. § 2.

⁵¹ *Мисанс И.* Экономическая политика городов на ливонских ландтагах в XV—1-й половине XVI вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Таллин, 1988. С. 15.

Глава 3

¹ Подробнее см.: *Rimvydas P.* Der Frieden im Zeitalter des Krieges. Formen friedlicher Kommunikation zwischen dem deutschen Orden und dem Großfürstentum Litauen zu Beginn des 15. Jahrhunderts // *Annaberger Annalen.* 2004. Bd. 12. S. 28—42. Об отношениях Ягелло с орденом см.: *Nowakowski A.* Toruńskie zjazdy króla Władysława Jagiełły z wielkim mistrzem Konradem von Jungingenem // *Studia z archeologii i historii /* Hrsg. Jerzy Olczak. Toruń, 1997. S. 249—258.

² *Boockmann H.* Der Deutsche Orden. Zwölf Kapitel aus seiner Geschichte. München, 1994. S. 179.

³ *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 38.

⁴ Подробнее см.: *Полехов С. А.* Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 189—190, 195.

⁵ Подробнее см.: Там же. С. 320—321.

⁶ Подробнее см.: Там же. С. 375—376.

⁷ О связях Свидригайло с орденом см.: *Nikodem J.* Stosunki Świdrygiełły z Zakonem Krzyżackim w latach 1430—1432 // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* 2000. Bd. 14. S. 5—32.

⁸ *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море... С. 91.

⁹ Там же. С. 118—119.

¹⁰ *Бессуднова М. Б.* Великий Новгород в конце XV—начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009. С. 10—55; она же. Превратность судьбы (Великий Новгород в системе русско-ли-

вонских отношений) // Новгородский исторический сборник. 2013. Вып. 13 (23). С. 171—184.

¹¹ Лесников М. П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. // Ученые записки Московского городского педагогического института. 1948. Т. VIII: Кафедра истории средних веков. Вып. 1. С. 61—93; Idem. Lübeck als Handelsplatz für osteuropäische Ware im XV. Jahrhundert // Hansische Geschichtsblätter. Köln, 1960. Jg. 78. S. 67—86.

¹² Клейнбергер И. Э. Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV—начале XV в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 39—40.

¹³ Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в первой половине XV в. // Исторические записки. М., 1947. Т. 28. С. 119.

¹⁴ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 8.

¹⁵ Публикация текста договора: Русско-ливонские акты / Собр. К. Е. Напьерский. СПб., 1868. С. 84—88. № 115; характеристика договора: Казакова Н. А. *Op. cit.* С. 78—82.

¹⁶ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 24.

¹⁷ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975. С. 37.

¹⁸ Псковские летописи. Вып. 1. С. 27.

¹⁹ Цит. по: Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 14.

²⁰ Псковские летописи. Вып. 1. С. 28.

²¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 399.

²² Псковские летописи. Вып. 1. С. 28.

²³ ПСРЛ. Т. 6. М., 2000. Вып. 1. Стб. 530; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 404; Псковские летописи. Вып. 1. С. 31.

²⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 526.

²⁵ Рюсов Б. Ливонская хроника. С. 262.

²⁶ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 43; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 531; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 405.

²⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 531.

²⁸ Псковские летописи. Вып. 1. С. 32.

²⁹ Pickhan G. Pleskau und Livland im 15. Jahrhundert // Deutschland — Livland — Rußland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Hg. von Norbert Angermann. Lüneburg, 1988. S. 10—11.

³⁰ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 93.

³¹ Там же. С. 59.

³² Там же. С. 61—77; Dircks B. Der krieg des Deutschen Ordens gegen Novgorod 1443—1448 // Deutschland — Livland — Rußland. Ihre Be-

ziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg. Hg. von Norbert Angermann. Lüneburg, 1988. S. 29—52.

³³ Псковские летописи. Вып. 1. С. 47.

³⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 439; ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 180.

³⁵ Подробнее см.: *Selart A.* Schismatiker, Vereinigung der Kirchen und das Geld. Livland und die Union von Florenz (1439) // *Zeitschrift für Historische Forschung*. 2009. Bd 36. S. 1—32.

³⁶ Псковские летописи. Вып. 1. С. 48.

³⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 56; *Stern C.* Dorpat-Pleskauer Kämpfe um die Peipusfischerei 1224—1331. Posen; Riga, 1944. S. 73—123, 372—373.

³⁸ Псковские летописи. Вып. 1. С. 57.

³⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 65—66.

⁴⁰ *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 129—143.

⁴¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 75.

⁴² *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 147—153.

⁴³ Псковские летописи. Вып. 1. С. 76.

⁴⁴ *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века... С. 139—140.

⁴⁵ Псковские летописи. Вып. 1. С. 77.

⁴⁶ *Busse K.* Die Feldzüge der Russen in Livland und der Livländer in Rußland um das Jahr 1480 // *Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands*. 1849. Bd 4. S. 88—147; *Pickhan G.* Pleskau und Livland im 15. Jahrhundert. S. 7—28.

⁴⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 78—79; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 154—169.

⁴⁸ Цит. по: *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века... С. 163.

⁴⁹ *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения... С. 196—197.

⁵⁰ Там же. С. 184, 186, 198.

⁵¹ *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века... С. 17.

⁵² *Мильчик М.* История Ивангорода в XV—XVI вв. и крепостное строительство на Руси с участием иностранных мастеров // *Крепость Ивангород. Новые открытия*. СПб., 1997. С. 18—19.

⁵³ *Рюсов Б.* Ливонская хроника... С. 293.

⁵⁴ *Бессуднова М. Б.* «Петрову двору капут!» // *Родина*. 2009. № 9. С. 44.

⁵⁵ *Рюсов Б.* Ливонская хроника... С. 293—294.

⁵⁶ *Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века... С. 241.

¹ *Селарт А. Иоганн Бланкенфельд и Мисюрь Сунехин. К истории ливонско-русских отношений в 1520-е гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2011 № 1. С. 157—170.*

² *Вебер В. И. Эзельская распря как политический и религиозный конфликт // Studia Teutonica. 2012. № 1. С. 79—86. Maasing M. Die Wiedsche Fehde (1532—1536) und Markgraf Wilhelm von Brandenburg // Forschungen zur baltischen Geschichte. Tartu, 2010. Nr. 10. S. 11—35.*

¹ *Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море... С. 53—54.*

² *Хорошкевич А. Л. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV—XVI вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 14.*

³ *Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 4; Kentmann R. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik. 1494—1514. Marburg, 1929. S. 4—18.*

⁴ *Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 266—269.*

⁵ Там же. С. 98—99.

⁶ *Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М., 2004. С. 303.*

⁷ Цит. по: *Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 364.*

⁸ Там же. С. 376.

⁹ Подробнее о Первой Ливонской войне см.: *Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. С. 201—241; Бессуднова М. Походы магистра Вольтера фон Плетенберга на Псковщину в 1501 и 1502 годах (по данным ливонских источников) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LII семинара им. В. В. Седова. Псков, 2007. С. 157—184.*

¹⁰ *Даниил Принц. Начало и возвышение Московии. М., 1874. С. 13.*

¹¹ *Каштанов С. М. Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. Москва, 2006. Вып. 1 (12). С. 182—297.*

¹² *Urban W. The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 445. О вариантах решения ливонского вопроса в связи с секуляризацией Пруссии см.: Dopkewitsch H. Die Hochmeisterfrage und das Livlandproblem nach der Umwandlung des Ordenslandes Preußen in ein weltliches Herzogtum*

durch den Krakauer Vertrag vom April 1525 // Zeitschrift für Ostforschung. 1967. Bd. 16. S. 201—255.

¹³ Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века... С. 194—195.

¹⁴ Stancelis V. The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical controversies // Lithuanian Historical Studies. 2000. № 5. P. 21.

¹⁵ Olewnik J. Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant do Monarchii Jagiellońskiej z lat 1552—1555 i jego pierwsze stadium realizacji // Komunikaty mazursko-warmińskie. Kwartalnik. 1979. Nr. 4 (146). S. 394.

¹⁶ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Т. I: Борьба из-за Ливонии. Санкт-Петербург, 1893. Ч. 33. С. 70.

¹⁷ Tiberge E. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549—1562. Uppsala, 1984. S. 63.

¹⁸ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер с нем. В. Бука. СПб., 1912. С. 127.

¹⁹ Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 353; Renner J. Livländische Historien 1556—1561 / Hrsg. von P. Karstedt. Lübeck, 1953. S. 8.

²⁰ Erzbischof Wilhelm an Herzog Albrecht. 1552, März 9, Laudohn // Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551—1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv und den Ostpreußischen Folianten / Bearb. von St. Hartmann. Köln; Weimar; Wien, 2005. S. 42. Nr. 1554.

²¹ Подробнее см.: Филюшкин А. И. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е гг. М., 2015. С. 43—49.

²² Договор псковских наместников с ливонским магистром, 23 августа 1550 г. // РГАДА. Ф. 64 (Сношения с Лифляндией). Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

²³ Договор псковских наместников с Дерптским епископом, 23 августа 1550 г. // РГАДА. Оп. 2. Д. 10. Л. 2 об.

²⁴ 1552 o. M. u. T., o. O. Denkschrift eines unbekannten Verfassers über die Einstellung des Deutschen Ordens in Livland gegenüber Herzog Albrecht in Preußen und zu dessen innerer Verfassung // Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551—1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv... S. 26—28. Nr. 1545.

²⁵ Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. А. И. Малеина и А. В. Назаренко, вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. М., 1988. С. 75.

²⁶ Русско-ливонские акты / Собр. К. Е. Напьерский. СПб., 1868. С. 370. № 380.

²⁷ Tiberge E. Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550—1558 // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. T. 25. S. 583—589.

²⁸ Ibid. S. 589—593; Попов В. Е. Ошибка переводчика. Как в Новгороде началась первая война России и Европы // Родина. Российский исторический журнал. 2009. № 9. С. 52—53.

²⁹ 1554 Juli 8, Serben. Christoph Sturtz, Kanzler Erzbischof Wilhelms, an Erzbischof Wilhelm // Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551—1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv... S. 108. Nr. 1624/2.

³⁰ Маазинг М. «Русская опасность» в письмах Рижского архиепископа Вильгельма за 1530—1550 годы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 184—195.

³¹ Рюсов Б. Ливонская хроника. С. 346.

³² Подробнее см.: Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 109—119; Русско-ливонские договоры 1554 г. // Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 630—648.

³³ Попов В. Е., Филюшкин А. И. Как начиналась Ливонская война? // *Единорог* / Ред. А. Малов. М., 2011. Вып. 2. С. 192—201; Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г. // Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы... СПб., 2013. С. 680—689.

³⁴ Янушкевич А. Н. Ливонская война 1558—1570 гг. и Великое княжество Литовское. М., 2013. С. 26—27.

³⁵ Erzbischof Wilhelm an Heinrich von Halen, Meister des Deutschen Ordens in Livland. 1553, April 9, Königsberg // Herzog Albrecht von Preußen und Livland (1551—1557). Regesten aus dem Herzoglichen Briefarchiv... S. 63. Nr. 1573.

³⁶ Rasmussen K. Die livländische Krise 1554—1561. Cöpenhagen, 1973. S. 34—41, 120; Olewnik J. Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant... S. 396—398.

³⁷ Olewnik J. Polsko-Pruski plan inkorporacji... С. 396—398.

³⁸ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях... С. 73.

³⁹ Politische Korrespondenz vor Ausbruch des livl. Krieges. 1552, 1554, 1556, 1557 // *Ajalooarhiivi* (Эстонский исторический архив). F. 230. B. P. 6. S. 7—10.

⁴⁰ О ней подробнее см.: Филюшкин А. И. Закат северных крестоносцев... С. 50—60.

⁴¹ Rasmussen K. Die livländische Krise... S. 34, 50, 53—54, 56—58; Olewnik J. Polsko-Pruski plan inkorporacji... S. 399—405.

⁴² О роли прусской дипломатии в конфликте подробнее см.: *Wijaczka J.* Prusy książęce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544—1558. Kielce, 1992. S. 95—103.

⁴³ Дзярновіч А. «...in nostra Livonia»: Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV—першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і ак-

тавы аналіз. Мінск, 2003. Т. 1. С. 43—44; *Karwowski S.* Wcielenie Inflant do Liwy i Polski: 1558—1561. roku. Poznań, 1873. S. 29.

⁴⁴ *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. S. 562—566; *Olewnik J.* Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant... S. 401—406; *Rasmussen K.* Die livländische Krise... S. 54—60.

⁴⁵ Текст Позвольского договора см.: *Dogiel M.* Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae. Vilnae, 1759. T. V. F. 210—221. Nr. CXVI—CXXVIII. Русский перевод и комментарий: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151—184; Позвольские соглашения 1557 года // *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну России и Европы... С. 649—679.

⁴⁶ *Дзярновіч А.* «...in nostra Livonia»... С. 45.

Глава 6

¹ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 358; *Нуешигедт Ф.* Ливонская летопись // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1883. Т. IV. С. 14; *Fabricus D.* Livonicae Historiae // *Scriptores rerum Livonicarum*. Riga; Leipzig, 1848. Т. II. S. 467. О переговорах см.: *Kirchner W.* The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970. P. 99—100.

² *Renner J.* Livländische Historien... S. 16.

³ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 17—19.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 290.

⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 20.

⁶ *Renner J.* Livländische Historien... S. 16.

⁷ *Нуешигедт Ф.* Ливонская летопись. С. 14.

⁸ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235.

⁹ *Renner J.* Livländische Historien... S. 16—18.

¹⁰ *Renner Johannes.* Livländische Historien... S. 20.

¹¹ *Ibid.* S. 17—18.

¹² *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 360.

¹³ *Renner J.* Livländische Historien... S. 18—19.

¹⁴ *Ibid.* S. 19.

¹⁵ *Ibid.* S. 19—21.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 291.

¹⁷ *Renner J.* Livländische Historien... S. 22.

¹⁸ *Нуешигедт Ф.* Ливонская летопись. С. 14.

¹⁹ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 360.

²⁰ *Renner J.* Livländische Historien... S. 16.

²¹ *Ниеншtedт Ф.* Ливонская летопись. С. 14.

²² *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 362.

²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 291—292.

²⁴ *Петров А.* Город Нарва, ее прошлое и достопримечательности в связи с историей упрочения русского господства на Балтийском побережье. СПб., 1901. С. 67.

²⁵ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. СПб., 1913. С. 658.

²⁶ Опубликовано: [*Hansen H.*] *Ergänzende Nachrichten zur Geschichte der Stadt Narva vom Jahre 1558: Mitteilungen von Augenzeugen und Zeitgenossen / Zusammengestellt und herausgegeben von dem Verfasser der Geschichte der Stadt Narva.* Narva, 1864. S. 22—34; русский пересказ в книге: *Петров А.* Город Нарва... С. 69—73. Подробнее о взятии Нарвы см.: *Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина: Очерки военной истории Ливонской войны 1558—1561 гг. Белгород, 2014. С. 35—46.

²⁷ *Ниеншtedт Ф.* Ливонская летопись. С. 15.

²⁸ *Renner J.* *Livländische Historien...* S. 27.

²⁹ Цит. по: *Петров А.* Город Нарва... С. 80—81, 83.

³⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 303—305.

³¹ *Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина... С. 46.

³² Грамота Дерпту 1558 г. опубликована: *Филюшкин А. И.* Политическая практика московских властей в Ливонии в первые годы Ливонской войны (новые документы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2008. № 1. С. 77—88.

³³ Подробности летней кампании 1558 г. см.: *Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина... С. 46—52.

³⁴ *Frost R.* *The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558—1721.* Edinburg, 2000. P. 25.

³⁵ Подробности осады Рингена см.: *Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина... С. 53—63.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 317.

³⁷ *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории Древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326—1690 гг. М., 1893. С. 29, 30. № 84, 87; *он же.* Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. М., 1915. Вып. I: 1326—1569. С. 95—102. № 52, 53.

³⁸ Анализ отдельных эпизодов посольства см.: *Tiberg E.* *Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges.* S. 145—147.

³⁹ *Щербачев Ю. Н.* Датский архив... С. 36. № 105; *он же.* Копенгагенские акты... С. 108—113. № 58; С. 137—139. № 68.

⁴⁰ Сб. РИО. СПб, 1887. Т. 59. С. 581, 584, 589—590.

⁴¹ Подробнее см.: *Янушкевич А. Н.* Ливонская война 1558—1570 гг. и Великое княжество Литовское. М., 2013. С. 42—43.

⁴² Подробности осады Юрьева см.: *Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина... С. 74—79.

⁴³ ПСРЛ. Т. 13. С. 320—322; 1559 декабря 19. Письмо Сигизмунда II к Ходкевичу о движении войск московских // АЕДСЗР. Т. 1. С. 134. № 38.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 238

⁴⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 594. О переговорах с Москвой и угрозе войны Сигизмунд писал Кетлеру 20 декабря 1559 г. и в том же месяце — Вильгельму, архиепископу Рижскому (Magistro Livoniae. 20 Dec. 1559 // AGAD. Inwentarz Metriki Koronnej. Libri Legationum. LL 17. K. 24 v. 25; Archiepiscopo Rigensi // Ibidem. K. 27—28).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 325—326.

⁴⁷ Подробности взятия Феллина см.: *Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина... С. 83—94.

⁴⁸ Об обстоятельствах его заключения см.: *Янушкевич А. Н.* Ливонская война ... С. 52—55.

⁴⁹ Данный параграф написан преподавателем СПбГУ Д. И. Вебером в рамках исследования, поддержанного грантом РГНФ 16-01-00108а «Институты, теория и практика западноевропейских монархий XVII—XVIII веков».

⁵⁰ «...religionem apud nos usu receptam»; Цит. по: *Kallmeyer T.* Die Begründung der evangelisch-lutheranischen Kirche in Kurland durch Herzog Gotthard. Riga, 1851. S. 42.

⁵¹ *Kamerau W.* Die Reformation und die Ehe. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des sechzenten Jahrhunderts // *Schriften des Verein für Reformationgeschichte.* Halle, 1892. Nr. 39. S. 52; *Dietrich H.* Das protestantische Eherecht in Deutschland bis zur Mitte des 17 Jahrhunderts. München, 1970. S. 21.

⁵² *Neitmann S.* Von der Grafschaft Mark nach Livland. Ritterbrüder aus Westfalen in livländischen Deutschen Orden. Köln, 1993.

⁵³ *Kahle W.* Die Begegnung debaltischen Protestantismus mit der Russisch-Orthodoxen Kirsche. Leiden, 1959. S. 19.

⁵⁴ *Schilling H.* Konfessionalisierung und Staatsinteressen: internationale Beziehungen 1559—1660. Paderborn, 2007. S. 11.

⁵⁵ *Skalweit S.* Gestalten und Probleme der frühen Neuzeit. Berlin, 1987. S. 7.

⁵⁶ *Вебер Д. И.* Последний магистр Немецкого ордена в Ливонии // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2014. Т. 13. № 1. С. 21.

⁵⁷ *Schmidt C.* Auf Felsen gesät die Reformation in Polen und Livland. Göttingen, 2000. S. 206.

⁵⁸ Codex Diplomaticus Regni Poloniae Et Magni Ducatus Lituaniae. Vilnae, 1759. T. V. P. 243—248.

⁵⁹ Codex Diplomaticus... T. V. P. 240.

⁶⁰ Codex Diplomaticus... T. V. P. 245.

¹ Подробнее см.: *Филюшкин А. И.* Изобретая первую войну... С. 251—254.

² *Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина... С. 7; *он же.* Какую войну проиграл Иван Грозный? (Была ли Ливонская война главной войной Ивана Васильевича?) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 39.

³ *Филюшкин А. И.* Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // *Балтийский вопрос в конце XV—XVI вв. М., 2010. С. 80—94.*

⁴ Грамота царя Ивана Васильевича магистру Ливонского ордена Вильгельму, архиепископу Рижскому, епископам и всем людям Ливонской земли с перечислением их неправд и объявлением войны. 1557 г., ноябрь // *Архив СПбИИ РАН. Колл. 124 (Собрание С. В. Соловьева). Оп. 1. № 128. Столбец. Л. 1.* (Грамота была подготовлена к печати и опубликована: *Попов В. Е., Филюшкин А. И.* Как начиналась Ливонская война: Грамоты об объявлении войны Ливонскому ордену в 1557 г. // *Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и раннего нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 192—201.*

⁵ 1557. (7067.) Nov. Moskau. Fehdebrief des Grossfürsten an Livland // *Schirren C. Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem dänischer geheimen Archive zu Kopenhagen. Rev.-val, 1883. Bd. I. S. 30—33. Nr. 3.*

⁶ Записка с изъяснением причин и поводов войны Московского государства с Ливонскими немцами // [Барсуков А.]. *Русские акты Ревельского городского архива (1558 г.). СПб., 1894. Стб. 115—120. № 68.*

⁷ Сб. РИО. Т. 59. С. 542.

⁸ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 381; Речь А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого датскому послу Клаусу Урне, 4 апреля 1559 г. // *РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 49, 50, 52.*

⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 584.

¹⁰ *Рюссов Б.* Ливонская хроника. С. 376—377.

¹¹ Сношения царя Иоанна Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах // *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 7—10.

¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 327.

¹³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 109—111 об.

¹⁴ Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 216.

¹⁵ *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 20—21.

¹⁶ *Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981. P. 473.

¹⁷ *Шапран А. А.* Ливонская война 1558—1583. Екатеринбург, 2009. С. 95, 114, 116—117, 122, 515, 524.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арбузов Л. А.* Очерки истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. М., 2009 (1-е издание — СПб, 1912).
- Баранов А.* Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия // Средневековая Русь. Т. 12 / Ред. А. А. Горский. М., 2016. С. 201—281.
- Бессуднова М. Б.* Великий Новгород в конце XV—начале XVI в. по ливонским источникам. Великий Новгород, 2009.
- Бессуднова М. Б.* Россия и Ливония в конце XV века: Истоки конфликта. М., 2015.
- Бокман Х.* Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004.
- Гудавичус Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005.
- Дзярновіч А.* «...in nostra Livonia»: Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін памяж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV—першай палове XVI стст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз. Мінск, 2003.
- Зутис Я. Я.* Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.
- Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Ленинград, 1975
- Каштанов С. М.* Договор России с Ливонией 1535 г. // Проблемы источниковедения. Москва, 2006. Вып. 1 (12). С. 182—297.
- Королук В. Д.* Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954.
- Пенской В. В.* От Нарвы до Феллина: Очерки военной истории Ливонской войны 1558—1561 гг. Белгород, 2014.
- Полехов С. А.* Наследники Витовта: Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

- Попов В. Е., Филюшкин А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151—184.
- Попов В. Е., Филюшкин А. И. Русско-ливонские договоры 1554 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1. С. 109—119.
- Попов В. Е., Филюшкин А. И. Как начиналась Ливонская война? // *Единорог* / Ред. А. Малов. М., 2011. Вып. 2. С. 192—201.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.
- Урбан В. Тевтонский орден. М., 2007.
- Филюшкин А. И. Закат северных крестоносцев. «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы. М., 2015.
- Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013.
- Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.
- Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884.
- Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
- Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV—начала XVI в. М., 1980.
- Янушкевич А. Н. Ливонская война 1558—1570 гг. и Великое княжество Литовское. М., 2013.
-
- Baranow A.* Die Frühzeit des Deutschen Ordens in Livland und die Eroberung Kurlands. Ein peripheres Tätigkeitsfeld? // *Livonia — a Region at the End of the World? Studies on the Relations between Centre and Periphery in the Later Middle Ages*, eds Matthias Thumser, Anti Selart, Köln et al. 2017, pp. 315—345.
- Bodniak S.* Polska a Bałtyk za ostatniego Jagiellona. Kórnik, 1947
- Christiansen E.* The Northern Crusades. London, 1997.
- Dietrich H.* Das protestantische Eherecht in Deutschland bis zur Mitte des 17 Jahrhunderts. München, 1970.
- Donnert E.* Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558—1583. Berlin, 1963.
- Frost R.* The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558—1721. Edinburg, 2000.
- Jähnig B.* Verfassung und Verwaltung des Deutschen Ordens und seiner Herrschaft in Livland. Berlin, 2011.

- Johansen P. v., Mühlen H.* Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und früneuzeitlichen Reval. Köln; Wien, 1973.
- Kahle W.* Die Begegnung debaltischen Protestantismus mit der Russisch-Orthodoxen Kirsche. Leiden, 1959.
- Karwowski S.* Wcielenie Inflant do Liwy i Polski: 1558—1561 roku. Poznań, 1873.
- Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World. 1492—1772. London, New York, 1990.
- Kirchner W.* The rise of the Baltic question / Second edition. Westport, 1970.
- Kostrzak J.* Narodziny ogólnie inflanskich zgromadzeń stanowych od XIII do połowy XV w. Warszawa; Poznań; Toruń 1985.
- Laidre M.* Domus Belli. Põhjamaade Saja-aastane soda Liivimaal 1554—1661. Tallinn, 2015.
- Lesnikow M.* Lübeck als Handelsplatz für osteuropäische Ware im XV. Jahrhundert // Hansische Geschichtsblätter. Köln, 1960. Jg. 78. S. 67—86.
- Łowmiański H.* Prusy — Litwa — Krzyżacy. Warszawa, 1989.
- Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999.
- Maasing M.* The role of the bishops in the livonian political system (in the first half of the 16 century). Tatu, 2016.
- Marecki J.* Zakony w Polsce. Kraków, 2000.
- Neitmann S.* Von der Grafschaft Mark nach Livland: Ritterbrüder aus Westfalen im livländischen Deutschen Orden. Köln, 1993.
- Olewnik J.* Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant do Monarchii Jagiellońskiej z lat 1552—1555 i jego pierwsze stadium realizacji // Komunikaty mazursko-warmińskie. Kwartalnik. 1979. Nr. 4 (146). S. 393—408.
- Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554—1561. Copenhagen, 1973.
- Sarnowsky J.* Der Deutsche Orden. München, 2007.
- Schmidt C.* Auf Felsen gesät die Reformation in Polen und Livland. Göttingen, 2000.
- Selart A.* Schismatiker, Vereinigung der Kirchen und das Geld. Livland und die Union von Florenz (1439) // Zeitschrift für Historische Forschung. 2009. Bd 36. S. 1—32.
- Stancelis V.* The annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical controversies // Lithuanian Historical Studies. 2000. № 5.
- Tiberg E.* Die politik Moskaus gegenüber Alt-Livland: 1550—1558 // Zeitschrift für Ostforschung. 1976. T. 25. S. 577—617.
- Tiberg E.* Moscow, Livonia and the Hanseatic League: 1487—1550. Stockholm, 1995.

- Tiberg E.* Om Villkoren för Moskoviens Baltiska handle 1487—1547 jch handelns roll I utrikespolitiken. Uppsala, 1975.
- Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549—1562. Uppsala, 1984
- Urban W.* The Livonian Crusade. Washington, 1981.
- Viljanti A.* Gustav Vasas Ryska Krig 1554—1557. Stochholm, 1957.
- Wijaczka J.* Prusy książęce a Polska, Litwa i Inflanty w połowie XVI w. Działalność dyplomatyczna Arsenusa von Brandta w 1544—1558. Kielce, 1992.

Ливония в XV—начале XVI вв.

(сост. карты А. И. Филюшкин).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Откуда в Прибалтике взялись крестоносцы?	7
Возникновение Немецкого ордена	7
От Трансильвании до Пруссии. Как орден искал свое место под солнцем	12
Создание Ливонии	16
Походы против последних язычников. Пруссия и Ливония против Литвы	25
Глава 2. Что принесли в Прибалтику немецкие рыцари и купцы?	29
Ливония: балтийский или германский мир?	29
Что такое «страна Ливония»?	36
Ливония — страна замков и городов	38
Кто такие ландесгерры?	46
Ливонское рыцарство	54
Сословно-представительные собрания	62
Города и бюргерство	66
Глава 3. Столетие движения по наклонной плоскости. Путь Ливонии к кризису с конца XIV до конца XV в.	78
Проигранная битва за Жемайтию	78
Рост влияния Ливонии, которого она не хотела	83
Рыцарский меч или купеческие весы? Загадки русско-ливонской торговли	86
От Нибурова мира до Наровского договора	89
Ренессанс крестовых походов: борьба против «неверных русских» в середине XV в.	94
Последние страницы истории прибалтийского «мира-экономики»	96
Тяжелая поступь Москвы	98

«Кому и кобыла невеста», или Из-за чего был разогнан Ганзейский двор в Новгороде	107
Глава 4. Что делать рыцарям, когда миру уже не нужны рыцари? Рыцарство и горожане Ливонии накануне катастрофы	109
Прусский соблазн. Почему Ливония отвергла прусскую модель Реформации?	109
«Ливонию трясет»: влияние Реформации на повседневную жизнь ливонцев	111
Дело Бланкенфельда. Был ли католический епископ агентом Москвы?	114
Рига и магистр: противостояние или союз?	116
Эзельская распря	126
Глава 5. «Пока на всех не налетел великий коршун»: закат северных крестоносцев в первой половине XVI в.	131
Почему гибель Ливонии была неизбежна?	131
Неправильные выводы магистра Плетенберга	136
Как великий магистр встал на колени перед польским королем, и Что это означало для судеб Ливонии	139
Все могло быть кончено уже в 1550 г: как Ливония получила отсрочку от смерти	141
«Ошибка переводчика», или Как лингвистические недоразумения приводят к гибели государств	148
Кто первый хотел захватить Ливонию — русский царь или польский король?	153
«Война коадьюторов» как провокация польской Короны . .	156
«За честь короля!» Как Польша чуть не напала на Ливонию в 1557 г.	161
Глава 6. Ливонская война: разгром и гибель Немецкого ордена	165
Русское вторжение в Ливонию в январе 1558 г.	165
«Нарвское взятие» как перелом в войне	176
Начало завоевания Ливонии	182
Первый раздел Ливонии (1559 г.)	185
Дележка «ливонского пирога»	195
Конец — это начало чего-то: во что превратился Ливонский орден?	210
Заключение	217
Примечания	227
Библиография	243

**Дмитрий Иванович Вебер,
Александр Ильич Филюшкин**

«ОТ ОРДЕНА ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ИМЯ...»

Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 13.12.2017.
Формат 60 × 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.7. Уч.-изд. л. 12.0.
Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 660.

Издатель: Санкт-Петербургский филиал
ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039680-7

9 785020 396807

Д. И. ВЕБЕР, А. И. ФИЛЮШКИН

ОТ ОРДЕНА ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ИМЯ...

СУДЬБА И СМЕРТЬ НЕМЕЦКИХ РЫЦАРЕЙ В ПРИБАЛТИКЕ

В книге рассказывается о возвышении и падении Ливонской ветви Немецкого ордена в Прибалтике — государства северных крестоносцев, господствовавшего над латышскими и эстонскими землями в XIII — первой половине XVI в. Ливонский орден воевал с Великим княжеством Литовским и Королевством Польским, Новгородской и Псковской республиками. Немцы создали в Прибалтике «цветущую Ливонию» — восточную оконечность «германского мира», европейской цивилизации. Почему же она не выдержала вызовов истории? Кто стал могилищем немецких рыцарей, которых можно назвать «последними северными крестоносцами»? Ученые из Санкт-Петербургского государственного университета на страницах данной книги предлагают свой ответ на эти вопросы.

Для всех интересующихся историей европейского рыцарства, Прибалтики и Северо-Запада России XIII–XV вв.

Д. И. ВЕБЕР, А. И. ФИЛЮШКИН

ОТ ОРДЕНА ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ИМЯ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

